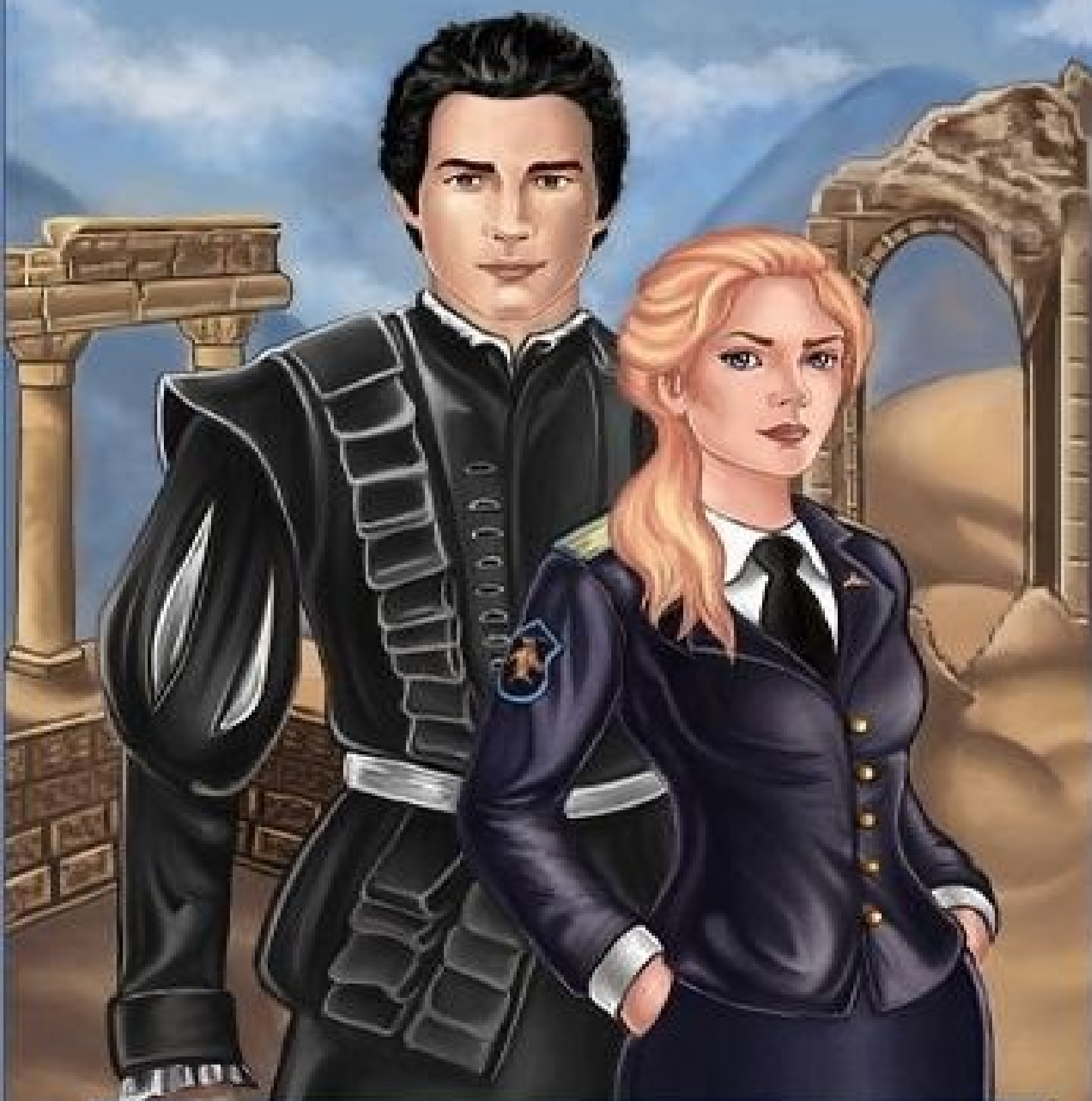

ЕКАТЕРИНА КЛЮКОВА

ПРИНЦЕССА ПО ПРИКАЗУ

Annotation

Каждая девочка мечтает стать принцессой. Кроме, пожалуй меня. А что делать? Я выросла и служу в госбезопасности, правда в финансовом отделе, но это ничего не меняет. Как только высшему руководству понадобилось оплатить старые долги перед другим государством, меня отозвали из отпуска, показали иные миры и приказали заменить пропавшую принцессу. Вот и пришлось против желания отправиться в загадочную Лагомбардию, и рисковать своей жизнью. Южное солнце, зеленые холмы, древние храмы и магия — все это завораживает. А граф Алайстер, хоть и заносчив, но почему при виде него у меня замирает сердце?

- [Екатерина Каблукова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Екатерина Каблукова
Принцесса по приказу

Глава 1

Меня отозвали из отпуска. Павел Андреевич лично. Он позвонил мне на мобильный и не терпящим возражений голосом потребовал через час явиться в его кабинет.

— Но... я... — я растерянно посмотрела на свои старые «треники» и грязную пропотевшую майку, в которой под бдительным материнским оком полола ненавистные огурцы. На все мои предложения купить этот пупырчатый продукт сельского хозяйства на рынке мама с бабушкой махали руками и начинали расписывать прелести экологически чистых овощей собственного производства. Я с содроганием понимала, что наступит тот момент, когда они купят несколько кур и — в довершение всего — заведут козу.

— Голованова, ты меня слышишь? — начальник явно не шутил. Я критически посмотрела на свои грязные штаны и попросила:

— Павел Андреевич, дайте хоть себя в порядок приведу! Я ж на даче!

— Трудовую повинность отбываешь? — усмехнулся полковник, — Ладно, Елизавета Аркадьевна, на все про все у вас час пятнадцать. Не больше. И езжай через ЗСД, быстрее будет.

— Так ведь там еще кусок не открыли... — возразила я.

— Для тебя — открыли. Я предупрежу кого надо, — он нажал клавишу отбоя.

— Лизок, кто там? — бабушка выглянула из кухни, где лепила пирожки. В свои семьдесят с небольшим, даже со следами муки на лбу, она была воплощением элегантности: прямая спина, про такую обычно говорят «царственная осанка», огромные голубые глаза, тщательно уложенные волосы цвета спелой пшеницы — бабушка регулярно посещала парикмахера, ногти покрыты красным — обязательно ярко-красным — лаком. Ее возраст выдавали лишь морщины в уголках глаз и некоторая медлительность движений, свойственная пожилым людям. Впрочем, ей эта медлительность даже шла, придавая такую аристократичность.

Признаться, бабушке я завидовала. Мне не хватало ее спокойной уверенности в себе и элегантности, и хоть лица у меня, мамы и бабушки были схожи, фигурой я пошла в отцовскую родню, унаследовав достаточно крепкий костяк и достаточно пышные формы, с которыми постоянно боролась и проигрывала, после тренировки в фитнес-клубе поедая парутройку плюшек в соседней булочной. Иногда мне даже казалось, что оба

заведения — две аффилированные структуры одного хозяина, которые великолепно дополняют друг друга: после тренировки всегда хочется есть, а съев булочку, чувствуешь вину и идешь опять на тренировку.

— Все в порядке, ба! — отозвалась я, отряхивая землю с одежды, — меня просто на работу вызвали!

— Ты же в отпуске! — мама появилась в дверях с тяткой, напомнив мне стражника с алебардой.

— Ну вот... ты же понимаешь, госслужба... — я пожала плечами, — ладно, мне еще в душ надо: не могу же я в таком виде на работу ехать.

— Бросала бы ты эту работу, — посетовала бабушка, — Ни отдохнуть, ни поехать куда.

— Ну брошу, а делать-то что? — вздохнула я, обреченно смотря на грязь под ногтями.

— Как что? Вышла бы замуж...

— Был бы тот, за кого выходить! — буркнула я.

— Так и не будет, пока ты в этом КГБ работаешь!

— ФСБ, бабуля, ФСБ.

— Ай, одно слово: органы! — отмахнулась прародительница, — Просто ужас, а не работа! С такой кто ж захочет тебя замуж взять? Хотя Сережа вон, соседский, такой мальчик хороший...

Я лишь хмыкнула: Сережа, сын соседей по даче, в свои двадцать семь действительно был хорошим мальчиком. Именно мальчиком, не мужчиной. Жил с родителями в двухкомнатной квартире, сидел менеджером в какой-то фирме и беспомощно хлопал глазами при каждом удобном случае, которых ему выпадало немало. Помнится, когда у нас из-за ветра рухнули провода, и поселок остался без света, я бегала и грозила электрикам всеми карами земными и небесными, а он все сидел и свято верил в то, что нас всех спасут.

Бабушка села на своего любимого конька, её уже было не остановить, поэтому я предпочла позорно скрыться в душе, чтобы не слышать ее причитаний, что она так и не увидит своих правнуков.

Чуть позже, с мокрой головой, и все еще благоухая дорогущим гелем для душа (подарок на Восьмое марта от Макса, моего, как это модно сейчас говорить, бойфренда, а попросту — любовника), я буквально прыгнула в машину и рванула по трассе, здраво рассудив, что, благодаря протекции начальства, за скорость сегодня тоже штрафовать не станут.

Павел Андреевич свое обещание сдержал: на ЗСД меня ждали и беспрепятственно пропустили по еще закрытому участку. Я понеслась по темному, еще пахнущему гудроном асфальту. Платная дорога своими

белыми дугообразными фонарями напоминала мне скелет динозавра, лежащего на спине.

Наслаждаясь скоростью, я вдавила в пол педаль газа, но тут же резко затормозила, потрясенная открывшимся видом: впереди, после плавного изгиба, виднелся мост. Казалось, он находился очень высоко над темной гладью воды Финского залива. Белоснежные пилоны устремлялись куда-то ввысь, а от них веером раскидывались стальные тросы, напоминая очень правильные конусы заснеженных гор.

Ощущение высоты добавляли низкий горизонт и, как обычно, темная вода где-то там, далеко, зловеще-серая, покрытая мелкой рябью из-за ветра... Эту картину не портила даже работающая на участке техника: ярко-желтый асфальтовый каток и куча людей, суетившихся рядом.

Пользуясь своим преимуществом, я вышла из машины и подошла к краю, вглядываясь в горизонт. Здесь, как нигде в городе, чувствовался запах моря, он манил, звал за собой, обещая приключения. Хотелось бросить эту рутину и улететь, умчаться вслед за ним, куда-нибудь под знойное солнце Италии.

Телефонный звонок вывел меня из состояния транса. Я взглянула на дисплей: звонил Макс. Высокий, кудрявый, с темными волосами и темными, почти черными глазами, он был сыном какого-то бизнесмена средней руки, совершившего несколько удачных сделок в «лихие 90-е», наверняка нелегальных. Теперь его отец владел небольшой компанией, что позволяло всей семье раздуться от важности и считать, что «девушка из органов» — не пара единственному сыну и наследнику. Поэтому Макс не слишком настойчиво предлагал бросить мне мою работу и перейти в фирму его отца, я так же лениво отказывалась, что абсолютно не портило наших нечастых встреч, как правило, к обоюдному удовольствию, заканчивавшихся у него или у меня дома. Благо, папочка одарил сына и квартирой, и машиной, а сами встречи были не слишком частыми, чтобы нас поглотил быт, и мы надоели друг другу.

Говорить не хотелось. Я нажала отбой, но очарование вида уже было нарушено, и, вздохнув, я с сожалением поехала дальше, вдавливая в пол педаль газа, чтобы успеть к назначенному Павлом Андреевичем времени.

И все равно я опоздала, понадеявшись найти парковку ближе ко входу. Естественно, все места были заняты. Прокатившись кругов пять, я с трудом втиснула машину у желто-белой оранжереи Таврического сада и помчалась по Шпалерной, радуясь, что на ногах кроссовки, а не туфли на каблуках.

Здание на Литейном проспекте, или, как его называли в народе, «Большой дом», уже с момента строительства обросло легендами.

Построенное после революции на месте сгоревшего здания суда, даже внешне оно слишком выбивалось из ансамбля классической архитектуры Литейного проспекта: прямоугольное, с узкими рядами окон, облицованное гранитом, плиты которого были сняты с тогда уже или еще ленинградских кладбищ. Жители города вечно ругали здание за несуразность и нарушение архитектурного ансамбля, а еще постоянно рассказывали легенды.

Говорили, что количество подвалов в здании равно количеству этажей, и что это — самое высокое здание СССР: из его подвалов видно Магадан. Вспоминали, как, войдя в это здание, люди из него уже никогда не выходили.

Насчет Магадана не знаю, но Большой дом и правда вызывал какую-то подавленность, даже автомобили проезжали как-то чуть медленнее. Возможно, дело было в постоянном полицейском патруле около дверей, или же во въезде на Литейный мост, куда в два правых ряда сворачивали с набережной. В любом случае сейчас мне было не до философских размышлений, время начало обратный отсчет.

Не снижая скорости, я заскочила в двери и махнула дежурному на входе своим удостоверением. Впрочем, можно было этого и не делать: сегодня дежурил Игорек, мой тайный поклонник, который моментально открыл «вертушку», за что получил воздушный поцелуй и слегка покраснел.

На ходу кивая знакомым сотрудникам, я пронеслась по лестницам, выскочила в длинный коридор, казавшийся бесконечным из-за прямоугольных выступов на потолке и огромного количества одинаковых дверей (ох уж эта сталинская архитектура!), и буквально влетела в знакомый кабинет начальника отдела по борьбе с коррупцией в рядах доблестных сотрудников доблестных органов. Странно, но круглолицей Любочки, вечного секретаря и помощницы, в приемной не было. Даже компьютер был выключен. В обычной ситуации это могло бы меня насторожить, но я очень торопилась.

Павел Андреевич сидел за столом, как всегда, подтянутый и в костюме при галстук. Старый КГБист, он не признавал джинсы или же кроссовки, считая их элементами чужеродной западной культуры. Он недовольно посмотрел на меня, затем перевел взгляд светло-серых, почти бесцветных глаз, глубоко посаженных под седыми лохматыми бровями, на часы.

— Час тридцать. Что, Голованова, на мосту застряла?

— Был грех! — все еще тяжело дыша, ответила я. Полковник усмехнулся:

— Грех у тебя вечером будет, думаешь, не знаю, что сынок бизнесмена

в городе, и на дачу ты не вернешься, — Павел Андреевич пару раз видел Макса, заезжавшего за мной после работы, и люто невзлюбил, считая его бездельником, самостоятельно ни на что не способным. По правде сказать, после смерти моего отца мой начальник взялся опекать меня, считая слишком молодой, порывистой и неопытной. На тот момент я была слишком подавлена, чтобы возражать, а потом привыкла. Мне где-то даже была приятна эта слегка навязчивая забота, когда она не касалась моих отношений с мужчинами.

— С сынком еще не ясно, а к грядкам точно не вернусь! — подтвердила я, проходя и закрывая за собой дверь. Полковник поморщился:

— И ты туда же... что за мода такая из себя мушкетеров строить? Вам вышивать да детей рожать надо, а не шпагами махать! Впрочем, ты у нас и коня на скаку, и шпагой в сердце... Садись.

Я подчинилась и привычно обвела кабинет взглядом. Как и все в этом здании, он был абсолютно безликим, казенным. На окнах — блеклые жалюзи, вертикальные, что говорило о статусности хозяина, у нас на окнах они были горизонтальными, небольшой стеллаж с разноцветными пластиковыми папками соседствовал с сейфом, закрывавшимся на ключ — Павел Андреевич не любил электронные замки, считая их чуть ли не порождением дьявола.

На стене, выкрашенной в желтый цвет (наш дурдом, как мы называли ласково кабинеты), — портрет президента, обязательный, так же, как и флажок России на столе, поставленном буквой «Г» с удлиненной ножкой, — чтобы на планерку мог поместиться весь наш отдел с секретарями и Венькой — системным администратором, которого в свое время устроили к нам на практику. Парень покрутился среди нас, съел все запасы печенья и так и остался: бывших в нашем ведомстве не бывает.

Сейчас за столом, помимо хозяина кабинета, сидел лишь незнакомый мне человек. В отличие от хозяина кабинета, он был одет в рубашку-поло и джинсы. На ногах — дорогие мокасины, наверняка ручной работы, на руке — два перстня, один с красным камнем, второй — печатка, и часы как у Джеймса Бонда. Часы я узнала сразу: Макс мечтал о таких, но они стоили несколько тысяч и, конечно же, не рублей, поэтому мой предприимчивый друг заказал в Китае аналог и теперь гордился ими.

Почему-то я сразу поняла, что именно эти часы не подделка. Слишком уж они были подчеркнута неброскими, но элегантными. Макс бы отдал за них душу. Пока я, забыв о приличиях, рассматривала часы, незнакомец очень внимательно изучал меня. Заметив это, я вскинула голову, дерзко смотря в его ничем не примечательные светлые глаза. Кажется, серые.

Невысокий, поджарый, волосы — темные, с проседью, черты лица какие-то смазанные, обычные, такого в толпе и не заметишь. Хотя... было в нем что-то, что привлекало внимание. Я взглянула на него внимательнее, отмечая и четко очерченные красивые губы, и правильной формы нос, какими скульпторы античности обычно награждали свои творения.

Пока я бравировала, взгляд незнакомца, скользя по лицу, остановился на моей груди, почти вызываясь обтянутой футболкой. В этом не было никакого сексуального подтекста, лишь какой-то холодный расчет, отчего мне стало очень неуютно. Помедлив, мужчина с часами Джеймса Бонда повернулся к хозяину кабинета и кивнул:

— Да, то, что надо.

Нахмурившись, я откинулась на спинку стула и подчеркнуто повернулась к начальнику:

— Товарищ полковник?

Он задумчиво посмотрел на меня, будто решаясь. Это было не похоже на Павла Андреевича, обычно он, если уже вызывал, то не сомневался. Пауза затягивалась. Я даже начала гадать, по какому делу меня могли вызвать, когда, наконец, он начал разговор.

— Скажи-ка мне, Голованова, а ты современную литературу читаешь? — вопрос от неожиданности заставил подскочить на месте. Я тут же вспомнила, как, купившись на рецензии, пыталась прочесть роман современного классика, где героиня «преодолевала множество тягот судьбы».

Роман начинался с того, что малолетняя девица справляла малую нужду под забором, после — шло описание, как ее родители зачинали ее, первый раз занимаясь сексом. Книжку я отложила и долго мыла руки, пытаясь избавиться от чувства омерзения после прочитанного. Тогда мне показалась, что до современной классики я точно не доросла.

— Ну... — протянула я, стараясь выиграть время, — смотря какую литературу...

— Как там это... — полковник подглядел в свой талмуд — так он называл огромную, как альбом, тетрадь, которую использовал вместо ежедневника, — фэнтези! Вот ведь выдумали! Сказки, короче, читаешь, там про магов, миры параллельные?

— Читаю, — я все еще не понимала, к чему он клонит, поэтому, заметив, что незнакомец, сидящий напротив, смотрит на меня с плохо скрытым весельем, спешно добавила, — Иногда.

— Ясно... — Павел Андреевич задумчиво покусал губу, — а вот скажи, Голованова, хотела бы ты в такой мир попасть? Чтоб там замки,

рыцари...

— Вот спасибо! И за что вы меня так? — совершенно искренне воскликнула я и, видя недоумение начальника, пояснила, — В замках же сквозняки и вонь, а рыцари годами не моются!

— А как же там культ этой... белой дамы? — продолжал начальник.

— Белая дама, по-моему, была привидением, и за такой культ в те века и на костре могли сжечь, — я нахмурилась сильнее, подозревая, что начальник бредит, и, возможно ему следует вызвать доктора. Рука сама полезла в сумку за телефоном.

— Думаешь, красивую женщину сожгут на костре? — гнул свою линию полковник.

— Ага. Только красивую сначала того, но потом — все равно сожгут, — подтвердила я, вспомнив старый анекдот. Павел Андреевич слегка побагровел, а гость сдавленно хрюкнул и очень внимательно стал изучать свои часы. Точно, настоящие! Интересно, откуда столь высокая птица к нам пожаловала, а главное — откуда такой интерес к моей скромной персоне — рядовому сотруднику, занимавшемуся лишь анализом финансовой документации.

Стало как-то не по себе. В принципе, нарушений у меня нет, но ведь у нас «виноват не тот, кто виноват, а кого назначат». Это заставило меня пристальнее взглянуть на незнакомца. На наших он точно не похож, либо иностранец, либо... вот второе «либо» не приходило в голову.

— Ну, так что, Голованова, хочешь, чтобы к тебе принц да на белом коне? — перебил мои размышления начальник. Я заметила, что на его лбу блестят капельки пота, словно в кабинете было очень жарко, хотя кондиционер был включен.

— Мне зарплаты не хватит содержать ни коня, ни принца, — буркнула я в ответ, все-таки склоняясь к розыгрышу. Наверняка наши решили новое оборудование по прослушке протестировать, и теперь хихикают в соседнем кабинете, хотя ради этого выдергивать меня из отпуска и открывать ЗСД — глупо. — Вы сначала премию выпишите, а потом уже женихов предлагайте, тем более — с движимым имуществом!

Гость улыбнулся, но промолчал. Полковник сердито нахмурился и хлопнул рукой по столу, как бывало, когда он волновался:

— Ты начальству не дерзи, а ответь, как по уставу положено!

Стул с грохотом упал, я вскочила, вытянувшись в струнку, руки по швам и браво отрапортовала:

— Никак нет, товарищ полковник! Мне в вашем отделе и без премии хорошо!

— Сядь! — он раздраженно махнул рукой и повернулся к своему гостю, который явно получал удовольствие от нашего с начальником диалога, — В общем, так, граф, я все ваши пожелания исполнил, дело вы видели, если мой сотрудник вас устраивает, задание ей объясняйте сами!

Граф? Я не ослышалась? Я недоверчиво, а вернее сказать, выпучив глаза, посмотрела на мужчину. Он усмехнулся и произнес чуть нараспев, растягивая гласные:

— Позвольте исправить небрежность моего давнего хорошего знакомого, полковника Соколова, и представиться: граф Делрой Алайстэр. Для краткости можно просто Рой.

Он привстал и поклонился. Почему-то я поверила ему сразу.

— Елизавета Голованова. Впрочем, вы и так это знаете, — я кивнула на папку с моим личным делом, лежащую на столе перед аристократом. Тот усмехнулся:

— Простите, времени мало, а мне необходимо было удостовериться, что вы нам подойдете.

— Подойду для чего? — я настороженно смотрела на мужчин. Вид у них был такой, словно они решили делать из меня новую Мата Хари. Судя по выражению из лиц, они явно намеревались предложить мне что-то очень неприличное или незаконное, уж не знаю, что хуже.

— Задание у тебя, Голованова. Особое, — мрачно сказал полковник. Граф покачал головой:

— Не зачем же так, сразу? Я бы хотел, чтобы девушка согласилась добровольно.

— Прежде, чем на что-то соглашаться, надо знать, на что соглашаться, особенно девушке, — отозвалась я.

— Почему — особенно? — поинтересовались оба хором.

— Потому что иначе она очень быстро станет опытной женщиной.

Полковник бросил на меня взгляд, которому позавидовала бы Медуза Горгона. Его гость расхохотался:

— Вы очаровательны!

— Это комплимент или желание поддеть?

— Это констатация факта, — он вновь стал серьезным и слегка задумался, словно подбирая слова, — Видите ли... в, как вы там называете ее? Вселенная? Да, во вселенной очень много миров...

Я напряглась. Так, и этот туда же! Интересно, зачем мне рассказывают эти сказки? Может, этот человек — крупный заказчик наших разработок, и наши ребята теперь демонстрируют технические возможности, используя меня в качестве подопытного кролика, поскольку я неделю уже не

появлялась на рабочем месте. Крупная сумма хоть как-то могла объяснить и ЗСД, и недогулянный мной отпуск... Хотя смысл вызывать меня, а уж тем более читать лекцию на тему «Мы не одиноки во Вселенной»? Для этого годится любой сотрудник. Ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Гость тем временем что-то вещал про подвал нашего здания, сохранившийся еще с дореволюционных времен.

— Так бо́льшая часть же замурована, — фыркнула я.

— Как вы думаете, почему?

— Откуда я знаю? — возмутилась я, — Может, все старое, и там угроза обрушения. Вы меня что, ради этого с дачи выдернули?

— Ну хотя бы предположите, — попросил незнакомец, уже заранее предвкушая веселье. Я мрачно взглянула на него, он приподнял брови.

— Там производились расстрелы, и труба оттуда вела сразу в Неву, — понимая, что он меня не отстанут, ляпнула я первое, что пришло на ум. Полковник подскочил на стуле, закашлялся и с укором посмотрел на меня:

— Ну и фантазии у тебя, Голованова!

— Это не фантазии, а интернет, — пояснила я и вновь повернулась к гостю, — Вы удовлетворены? Я могу идти?

— Не совсем, — мягко возразил он, — мы ведь еще не договорили. Как знать, может, вы на пороге великой тайны!

— Вот знаете, — совершенно искренне ответила я, — Меня Павел Андреевич учил, что меньше знаешь — крепче спишь! У вас ко мне все?

— Нет... — незнакомец покачал головой, — Кстати, зачем в этом подвале труба?

— Ну как же? Чтобы кровь в Неву стекала! — игнорируя возмущенные взгляды начальства, я изобразила на лице ангельскую улыбку, — как вы думаете, почему у нас в реке вода такого коричневого цвета?

Последние слова я произнесла как можно более зловещим тоном. Павел Андреевич хлопнул рукой по столу:

— Ты, Голованова, говори, да не заговаривайся! А то отправлю приказом трубу искать вместе с водолазами.

— Вы, товарищ полковник, определитесь: принца с кобылой-альбиносом или водолаза мне сватать будете, — выпалила я и прикусила язык: так за два года работы и не научилась сдерживаться. Впрочем, среди своих это и не требовалось, а к высокому начальству полковник ходил сам.

Мужчина с часами вновь повернулся к Павлу Андреевичу, с трудом сохраняющему спокойствие, в его глазах сверкал интерес и еще что-то, едва уловимое:

— Знаете, она нам определенно подходит!

— Я счастлива, что прошла селекционный отбор! — съязвила я, несмотря на строгий взгляд начальства, — Но, может быть, вы все-таки объясните, какой конкурс я только что выиграла?

— Голованова... — голос полковника не предвещал ничего хорошего. Гость отмахнулся:

— Все в порядке, — он повернулся ко мне. Я вздохнула:

— Так скажите, наконец, что вам от меня нужно?

— Совсем немного, — незнакомец слишком пристально смотрел мне прямо в глаза, словно пытаюсь проникнуть в мои мысли, — всего лишь на несколько дней стать принцессой.

— Неужели? — настала моя очередь смотреть на него, — настоящей принцессой?

— Настоящей.

— С замком, со слугами и короной на голове?

— Корону в обычной жизни почти не носят, но, если пожелаете... — незнакомец улыбнулся, глаза оставались серьезными, было видно, что он ждет от меня ответа.

— И принцессой какой страны я должна стать? — спросила я, перебирая все, что знала о современных королевских династиях.

— Это небольшое, но достаточно богатое герцогство. Оно расположено... — он на несколько секунд замолчал, и продолжил, — Оно находится в другом мире. Мире, где есть магия.

Я рассмеялась: ну, точно, наши аппаратуру проверяют. С укором посмотрела на начальника:

— Павел Андреевич, может быть, хватит шутить! У меня отпуск все-таки, дача, огурцы...

— Так, отставить огурцы! У тебя, между прочим, задание! Вы ж все сюда приходите шпионами работать! Вот и пойдешь работать! Безопасность страны обеспечивать! — внезапно выскочил полковник, поправляя идеально ровный узел своего серого галстука и едва заметно ослабляя его.

Я вдруг поняла, что он очень нервничает и что все это — не розыгрыш. Такое было бы к лицу младшим по званию, а полковник Соколов, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», не стал бы ради розыгрыша использовать свое служебное положение и открывать для меня ЗСД, но поверить в другой мир, в котором есть магия...

Я украдкой посмотрела на незнакомца, делавшего вид, что он вновь листает мое личное дело, а на самом деле следившего за мной. Наверное,

мое лицо выражало недоверие и желание сдать их в психушку, потому что он отложил папку и вновь повернулся к хозяину кабинета:

— Господин полковник, думаю, что проще будет, если она все увидит сама...

— Пусть сначала бумагу о неразглашении подпишет, — Павел Андреевич достал уже полностью заполненный бланк и протянул мне. Я прочитала текст, проверила данные, поставила свою не слишком аккуратную размашистую подпись и протянула лист обратно. Рука слегка подрагивала. Несмотря на абсурдность ситуации, я ощущала какое-то волнение с легкой примесью страха. Эти чувства приятно будоражили кровь, заставляя сердце биться сильнее.

Полковник тем временем встал, забрал со стола папку с моим личным делом, вложил туда подписку о неразглашении и спрятал все в сейф:

— Ну что, пойдете! — машинально проверив, не осталось ли на столе бумаг, он подошел к двери кабинета и открыл ее. На секунду мне показалось, что сейчас оттуда выпрыгнет кто-нибудь из нашего отдела с криком «Ага, попалась!», но этого не произошло.

Я вышла и остановилась, ожидая, пока мужчины покинут кабинет, и Павел Андреевич закроет двери, тщательно проверив, что они действительно заперты.

Мы спустились по лестнице на первый этаж, потом прошли вглубь коридора и остановились перед одной из безликих дверей. Полковник сначала провернул ключ в замке, затем достал свой магнитный пропуск и провел по считывателю рядом, а напоследок приложил ладонь к экрану сканера. Я напряглась: как правило, внутри ведомства такие меры предосторожности были излишни.

— Проходите, — кивнул он нам, распахивая дверь. Я с опаской заглянула внутрь: всего лишь площадка и лестница, ведущая в подвал. Я невольно вздрогнула.

— Да, да, тот самый! — сказал незнакомец с часами, явно забавляясь моим изумлением, — который по легендам замурован.

— А... а зачем нам туда? — спросила я, голос слегка дрожал, но, скорее, от напряжения.

— Голованова! Что за вопросы? — рявкнул мой начальник, — назвалась груздем — полезай в подвал!

— В кузов, — машинально поправила я, чувствуя, что меня охватывает нервная дрожь, скорее от возбуждения, чем от страха.

— Да вы не бойтесь, — в голосе графа слышалась явная насмешка, — мы с вами только обрушения посмотрим и трубу, ту, которая в Неву... чтоб

с водолазами долго искать не пришлось, вода, знаете ли, холодная...

Бросив на него абсолютно равнодушный взгляд — сказывался опыт общения с коллегами, всегда готовыми на розыгрыши, — я начала спускаться.

Лестница была ужасно старой. Стены здесь были слегка обшарпаны, и зеленая краска, которой в советское время красили все подъезды, местами просто отслаивалась, обнажая красные старые кирпичи. Эта часть ведомства ранее была зданием тюрьмы, построенном еще в XIX веке. Мне вдруг стало стыдно перед иностранным гостем, и это придало мне сил. Я вскинула голову, расправила плечи, затем браво и очень громко затопала по лестнице, скрывая страх перед неизвестностью.

Внизу меня встретила стена, преграждавшая путь. Подвал был замурован.

— Это не легенда? — Я остановилась и посмотрела на мужчин, сопровождавших меня. Незнакомец с часами кивнул:

— Да, этот подвал действительно существует. Вы позволите?

Вопрос, скорее, был данью вежливости, потому что, не дожидаясь ответа, он подошел к кирпичной кладке и сделал несколько небрежных пассов руками. Стена задрожала и начала растворяться в воздухе, словно была проекцией. Я покрутила головой, но нигде не увидела передатчика. Да что же это такое!

— Прошу! — мужчина остановился у полупрозрачной стены и протянул мне руку, — не бойтесь, здесь безопасно.

Я оглянулась на Павла Андреевича, он кивнул. Набрав в легкие побольше воздуха, так, словно я собиралась нырнуть, я вложила свою руку в слегка шершавую от мозолей мужскую ладонь и шагнула в стену.

Легкая прохлада окутала меня. Запахло свежестью и приключениями, как бывает, когда выходишь из парадной майским погожим утром, и с залива дует теплый ветер. В такой момент хочется бросить все и умчаться далеко-далеко, бродить по кромке воды, всматриваясь в низкий горизонт, мечтать, глядя на огромные серые облака, медленно плывущие по серому же небу, а затем, закутавшись в плед, сидеть в машине, смотреть на закат, глотая из термоса обжигающе горячий кофе.

Наверное, я слегка замешкалась, потому что меня резко потянули за руку, и я буквально вывалилась из стены в полумрак очередного помещения.

— Ну, вы идите, я вас лучше тут подожду! — голос полковника искажался, словно он говорил из колодца.

— Хорошо, — мой спутник посмотрел на меня, — не возражаете?

Я пожала плечами, показывая, что мне, в общем-то, все равно. Незнакомец кивнул и зашагал по коридору, стены которого теперь были просто кирпичными, а пол вымощен странными плитами: серо-голубыми, с тонкими розоватыми прожилками. Они лежали аккуратными квадратами, плотно подогнанные друг к другу так, что почти не было видно стыков, и пол казался сплошным. Я невольно задержалась, рассматривая плиты. Мой сопровождающий обернулся.

— Это ихран, что-то вроде мрамора, но бывает только голубым и зеленым. Реже — розовым, — он правильно понял мой интерес, — Идемте, у нас не слишком много времени.

Я подчинилась, с удивлением отметив, что теперь коридор освещается небольшим шариком, летящим над нами.

— Простите, — не выдержав, окликнула я своего спутника и замялась, пытаюсь вспомнить, как его зовут. Всегда путалась в именах, а тут голова вообще шла кругом.

— Можете называть меня Рой, — судя по весело сверкнувшим глазам, он совершенно правильно истолковал мое замешательство.

— Рой, — кивнула я, стараясь запомнить, — скажите, а это что?

Я махнула рукой в сторону шарика и с удивлением заметила, как он запрыгал в воздухе.

— Осторожнее, — предупредил мужчина, — У гль'ойна очень хрупкая субстанция. Особенно в вашем мире, где нет магии!

— Гль'ойн? — повторила я.

— Дословно если переводить: стеклянный шар света. У нас в республике их часто используют.

— Оу... принцесса в республике, — повторила я, кивая головой, чтобы создать видимость, что я все поняла.

— Наша республика соседствует с герцогством Риччионе. Но даже у нас в стране аристократию никто не отменял! — пояснил Рой.

— У вас в стране?

— Я расскажу вам все позже! — пообещал он и подхватил меня под руку, — Пойдемте! Уверяю, что это не страшно!

— Это меня и пугает, — тихо пробурчала я, но он услышал и усмехнулся.

Мы вошли в подвальное помещение. Арочные своды со следами побелки, неоштукатуренные кирпичные стены, на которых собиралась влага. Одна стена была полностью заставлена массивными шкафами, напоминающими книжные.

Я ошеломленно посмотрела на своего спутника, вспомнив очередную

полулегенду-полубыль о книжных шкафах, стоящих в кабинетах следователей НКВД. Никакого другого выхода из зала, кроме того, который оставался за нашими спинами, не было.

— Зачем мы пришли сюда? — спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. Эхо гулко повторило мою фразу.

— А вы как думаете?

— Не знаю. Недавно вы упомянули, что во вселенной существуют параллельные миры. Хотите сказать, что из этого подвала можно попасть туда?

— Именно, — кивнул Рой, словно в подтверждение своих слов.

— Только не говорите, что мир находится в шкафу! — фыркнула я.

— Не совсем, — граф был очень серьезен, — Шкаф — это дверь, портал перемещений.

— И куда он ведет?

— Зависит от того, какой шкаф откроете.

— Почему именно шкаф? — я некстати вспомнила послевоенную английскую сказку о шкафе и колдунье...

— Так проще. Когда-то очень давно ваш мир пошел по пути технического прогресса, и магия ушла. Остались лишь шкафы, которыми пользуются люди вроде вас.

— Вроде меня? — вскинулась я.

— В вас же нет магии, — он просто констатировал факт, и от этого стало еще обиднее, — В других мирах мы передвигаемся порталами, а тут... откройте любой шкаф!

Поджав губы, я медленно двинулась мимо ряда шкафов, рассматривая каждый. Старые, потрескавшиеся, со слегка перекошенными дверцами и проржавевшими петлями, в них было что-то такое, от чего по коже бежали мурашки, хотя, возможно, это был просто адреналин. Рой стоял и терпеливо ждал, пока я бродила, недоверчиво рассматривая все вокруг. Все еще ожидая фотовспышек и криков: «Ага, попалась!», я потянула руку к одному из шкафов, открыла дверцу и едва не задохнулась от холода. Там был заснеженный лес.

То и дело налетающий ветер бросал в лицо колючие снежинки. Было адски холодно, дыхание перехватило, а на глаза навернулись слезы, поэтому я не сразу заметила девушку, бредущую по лесу в сарафанчике и босоножках. Вот она подошла к огромной ели, на которой почему-то не было снега, из последних сил схватилась за ветку и упала. Яркая вспышка, возникшая перед девушкой, на секунду ослепила, а затем я увидела, как к ней наклоняется настоящий Дед Мороз: с окладистой бородой, в меховой

шапке, шубе и с посохом^[1].

Ветер снова налетел на меня, завертев вокруг хоровод из снежинок. Я задрожала еще сильнее и хотела было сделать еще шаг, но меня схватили за плечо, потянули в теплое пространство подвала.

— Что это было? Жилище Деда Мороза? — от холода зубы стучали.

— Другой мир и сильнейший ледяной маг... Хотите еще попробовать? Может быть, увидите дракона!

Я замотала головой:

— Нет, спасибо! С меня и метели достаточно.

Рой снова усмехнулся:

— Вы такая же, как и полковник Соколов: тот тоже не любит открывать эти двери. Даже, как видите, не пошел с нами.

— Просто мы с Павлом Андреевичем — реалисты!

— Закрывать глаза на то, что не укладывается в свое представление о мире, не значит быть реалистом. Реальность... она разная, — мне показалось, или Рой тихо вздохнул, — пора возвращаться.

Я еще раз взглянула на шкафы, стоявшие рядами вдоль стен. Может быть, действительно попробовать открыть еще один... рука непроизвольно потянулась к деревянной, до блеска отполированной ручке. Я оглянулась на своего провожатого. Он спокойно стоял, скрестив руки на груди, что я расценила как разрешение. Распахнув дверцу, я смело шагнула в темноту и пошатнулась, зацепившись ногой за какую-то длинную деревяшку.

— Осторожнее! — мой спутник буквально подхватил меня, не позволив упасть, порывисто прижал к себе. Все было так стремительно, что мы буквально ввалились внутрь, дверца выскользнула из моих рук, и мы оказались в полной темноте.

Прежде чем я успела полностью осознать, что стою в объятиях совершенно незнакомого мне человека, а его дыхание обжигает мне висок, Рой чертыхнулся и пробормотал что-то похожее на ругательство, над нами вновь загорелся золотистый шарик, гль'ойн. Мы стояли в каком-то сарае. Под ногами шуршала солома, стены, насколько мне удалось рассмотреть, были сложены из серого пористого камня, на них висели серпы, косы и огромные ножницы-секаторы, которыми подстригают деревья.

— Где мы? — просила я шепотом. Мужчина словно нехотя выпустил меня из объятий.

— Давайте посмотрим, — предложил он.

Открыв дверь, мы вышли, и я не смогла сдержать изумленного восклицания. Перед нами был красный лес. Такой, какими у нас становятся клены в октябре. За деревьями виднелась кованая ограда: ветки не то

плюща, не то винограда, переплетенные между собой, и дальше — ухоженные ровные аллеи, отсыпанные мраморной крошкой. Дома не было видно из-за алых и багровых крон.

Я с изумлением рассматривала мир, в котором очутилась. Трава, листья и даже стволы деревьев были красными, отличаясь лишь оттенками. Листья у деревьев в основном похожи на клен, но край листа точно бахромчатый, такие бывают у тюльпанов.

Цветы тут тоже были, нечто среднее между ромашками и тюльпанами, они радостно колыхались на ветру, а их белые лепестки светились на солнце, словно были усыпаны капельками воды. Между ними с мелодичными звуками носились какие-то странные бабочки.

Присмотревшись, я поняла, что это — эльфы и феи. Настоящий маленький народец, какими их изображают в старых книжках. Смеясь, они летали между цветами, смахивая пыльцу с разноцветных крыльев. Чуть поодаль, под цветком, небольшие рыжеволосые человечки в зеленых костюмах и цилиндрах впятером тащили листик, пытаясь спрятать котел с золотом, размером с наперсток. Заметив меня, они засуетились, тревожно запищали и, подхватив свои сокровища, быстро скрылись в глянцевой траве. Я с сожалением посмотрела им вслед.

— Найти горшочек с золотом — к удаче! — Рою явно было весело.

— Предлагаете догнать и отобрать? — поинтересовалась я. Мужчина хмыкнул:

— Боюсь, что золото пойдет только в комплекте с леприконами. И тогда мы сопьемся.

— Сопьемся? — я недоверчиво посмотрела на своего спутника.

— Эти зеленые человечки жуткие пьянчуги! — заговорщицки прошептал он, наклонившись почти к самому уху. Я покачала головой:

— Ни за что не поверю!

В ответ он лишь пожал плечами и снисходительно улыбнулся.

Тем временем несколько фей и эльфов, звонко смеясь, подлетели к нам, приветствуя Роя, словно старого знакомого. Одна из фей опустилась к нему на плечо и что-то прошептала в ухо. Он кивнул, тогда она взмыла надо мной, осыпая пыльцой со своих крыльев. К ней тут же присоединились остальные. Под лучами золотисто-розового солнца пыльца переливалась всеми цветами радуги. Несколько секунд — и моя кожа стала перламутровой, а волосы засияли. Я улыбнулась маленькому народцу, они помахали мне на прощание и вновь улетели к цветам.

— Как красиво! — все еще любуясь розоватым блеском на коже, я повернулась к Рою и слегка смутилась, осознав, что он все это время он

слишком пристально на меня смотрит, — это и есть ваш мир?

— Нет. Это междумирье, обитель грез. Сюда отовсюду приходят в поисках вдохновения поэты и художники.

— Но ведь шкафы... — я вспомнила свое ведомство и строжайший пропускной режим.

— Сны, — пояснил мне Рой, — с их помощью границы миров стираются.

— А кто приходит сюда из нашего мира? — вопрос вырвался непроизвольно.

— Из вашего — большей частью авторы романтического фэнтези. Того самого, про замки и рыцарей, — он усмехнулся, явно вспомнив мои слова, сказанные в кабинете. Сейчас мне казалось, что после них прошла вечность.

Я слегка смущенно кивнула и отвернулась. Лучи оранжево-желтого солнца ласкали кожу, легкий ветерок дарил прохладу, и я невольно закрыла глаза, наслаждаясь этим миром. Деликатное покашливание Роя за спиной вывела меня из полудремы.

— Нам пора, — произнес он, как мне показалось, слегка виновато, словно прося прощения. С видимым сожалением я вновь вложила свою ладонь в ладонь моего провожатого, и мы вернулись к сарайчику. Еще миг, и мы вышли из шкафа в подвале дома на Литейном.

Я невольно обхватила себя руками, желая согреться. После чудесного бордового мира здесь было особенно холодно и неудобно. Рой бросил на меня понимающий взгляд и зашагал по коридору, я поплелась за ним.

Мы снова прошли сквозь полупрозрачную преграду, по ту сторону которой нас ждал полковник. Граф — я вдруг осознала, что он действительно граф, — повернулся и прошептал что-то на незнакомом певучем языке. Стена вновь стала полностью видимой. Я украдкой потрогала ее, ковырнув ногтем кладку: прохладные кирпичи, чуть крошащийся от времени цемент.

Павел Андреевич внимательно посмотрел на меня, но промолчал. Рой начал подниматься первым. Мы потянулись следом, после яркого междумирья лестница казалась мрачной и убогой. Снова длинные коридоры, несколько знакомых людей, недоуменно смотрящих мне вслед: все прекрасно знали, что я в отпуске, я пожала плечами и кивнула на начальника, заслужив сочувственные взгляды коллег, и мы оказались в кабинете.

Полковник подошел к сейфу, открыл, достал бутылку коньяка, три стакана и шоколадку. Разлил и мотнул головой, предлагая нам

присоединиться. Я вздохнула: коньяк у полковника обычно был выдержанный, но...

— Павел Андреевич, я за рулем, — с сожалением отказалась я.

— Хотите, я подвезу, у меня внизу машина с водителем, — предложил мне Рой. Я задумчиво взглянула на него, затем на коньяк и покачала головой:

— Спасибо, но нет.

Мужчины переглянулись, словно я вновь прошла какой-то очередной тест. Это меня разозлило, и я окончательно пришла в себя. Стараясь не поддаваться эмоциям, я вновь заняла свое место. Адреналин все еще бурлил в крови, в голове шумело. Рой выжидающе смотрел на меня, почему-то ему было важно знать мое решение. Я вздохнула, решительно отодвинула бокал, и подчеркнуто спокойно посмотрела на них:

— Прежде, чем дать ответ, мне хотелось бы понять, почему выбор пал именно на меня? Почему, скажем, не Андреева?

Андреева работала в соседнем отделе секретарем начальника. Высокая блондинка, модельной внешности, при этом умная и умело пользующаяся своими данными. Павел Андреевич покачал головой:

— Ох, Голованова, вот Андреева на твоём месте бы радовалась и не задавала лишних вопросов!

— Я не сомневаюсь, поэтому и спрашиваю!

— Видите ли, — вмешался Рой, который сидел, чуть откинувшись на спинку своего стула, и лениво рассматривал напиток в бокале на свет, — В вашем департаменте никто, кроме вас, не обладает совокупностью необходимых в нашем мире навыков и параметров.

Его взгляд вновь лениво скользнул по моей вызывающе обтянутой трикотажем груди. Я проигнорировала эту провокацию:

— Допустим, про параметры я поняла, но уверяю, в нашем департаменте достаточно много женщин с выдающимися гм... параметрами.

— Голованова, вот что ты нам голову морочишь? — вдруг спросил Павел Андреевич. Он уже выпил два бокала коньяка и теперь на его носу проступили красные ниточки сосудов, — ты будто никогда не мечтала стать принцессой?

— Мечтала, — кивнула я головой, — лет до двенадцати.

— А потом что? — поинтересовался Рой. Я внимательно посмотрела на него:

— А потом я поумнела.

Я не стала рассказывать, что мне просто надоели вечные напоминания,

что я — девочка, должна быть скромной, милой, тихой. Что я обязательно должна носить платья, а не бегать в шортах наперегонки с мальчишками по двору. Бабушка постоянно причитала, смотря на мои сбитые коленки, мама недовольно хмурилась, когда я растрёпанная влетала домой с просьбой налить воды. А оценки! Я обязательно должна была учиться лишь на «отлично». В общем, после такого образ принцессы потерял в моих глазах свою привлекательность и до сих пор вызывал некое неприятие. Не знаю, понял ли это граф. Он молчал, просто потягивая коньяк и задумчиво наблюдая за мной.

— Поумнела она, — пробурчал полковник, — вот девки пошли: карьера да работа.

— А что делать, если принцы вымерли, а вокруг одни Иванушки-дурачки? — наигранно вздохнула я, — У меня, Павел Андреевич, между прочим, мама и бабушка на иждивении! Знаете же, какие у них пенсии!

Полковник с тоской посмотрел на гостя, тот едва заметно кивнул.

— Ладно, Лизавета, выплатят тебе за это задание премию, не переживай! — повеселел начальник.

— И вы подпишете разрешение на отпуск за пределами страны! — тут же выпалила я. Полковник нахмурился:

— Куда собралась?

Я пожала плечами:

— Кипр или там Тайланд... вот на что вашей премии хватит, туда и поеду, пока деньги не закончатся!

— В этом случае, боюсь, увидят вас не скоро, — заметил Рой с усмешкой, — мы высоко ценим заслуги тех, кто нам помогает, — Он залпом допил коньяк, поставил пустой бокал на стол и поднялся, — Что ж... Наверняка, вам хочется обсудить все еще раз без меня. Думаю, завтра вы дадите свой положительный ответ. Кстати, предложение подвезти все еще в силе.

— Спасибо, — сухо сказала я, всем видом давая понять, что это мое решение неизменно. Граф дернул плечом, словно говоря: «как хотите», и ушел. Я подождала, пока стихнут шаги в коридоре, и внимательно посмотрела на своего начальника:

— Павел Андреевич, я могу отказаться?

Он тяжело вздохнул и придвинул мне бокал:

— Пей, я Лешу попрошу, он тебя отвезет.

— Значит, не могу, — я взяла бокал, покрутила в руках и пригубила. Коньяк растекся на языке целым букетом, невольно бросила взгляд на бутылку, вернее, этикетку, так и есть, Frapinne XO, мой любимый.

Начальник явно подготовился, значит, моя кандидатура рассматривалась не один день. Я решительно отставила бокал:

— Все так серьёзно?

— Приказ подписан самим... — он чуть скосил глаза на портрет на стене. Я кивнула:

— И все же, почему я?

— Потому что, Голованова, карате надо было заниматься в детстве, как все, а не пятиборьем! — вскинулся полковник, было видно, что он очень переживает, — Ясно?

— Так... — я настолько растерялась, — Там же что: плавание, да бег... ну — стрельба... это же у нас половина ведомства...

— Угу. А на лошади скакать и шпагой махать тоже половина ведомства?

— Дело только в этом?

— Не только, ты еще и внешне деваха видная, — буркнул полковник, успокаиваясь. Он вдруг встал, прошелся по кабинету, выглянул за дверь, затем вернулся на свое место, — Похожа ты на эту принцессу, Лизавета, очень похожа. Мне как портрет показали, думал — ты это. Аккуратнее будь с этим Алайстером, еще тот пройдоха.

— Поняла, — я встала и подхватила сумку, — разрешите идти?

— Иди, что с тобой делать... — пробурчал он, и добавил чуть громче — завтра в девять чтоб как штык. У тебя есть еще два дня для подготовки. Может, кого найдем вместо тебя... Но учти, откажешься... сама понимаешь, какая запись в трудовой светит. Поняла?

— Так точно! — наигранно бодро отрапортовала я и чуть тише добавила, — не волнуйтесь, не откажусь...

Павел Андреевич лишь махнул рукой и обреченно налил себе еще коньяку.

Глава 2

Выйдя из здания, я даже обрадовалась, что машина стоит далеко, мне просто необходимо было пройти, чтобы осознать все. Конечно, я читала про параллельные миры, но одно дело читать сказку, а другое... в памяти вновь всплыли феи, порхавшие по воздуху, лепреконы, тащившие горшок с золотом, бордовые деревья и снежная буря.

Почему-то очень некстати вспомнилось то, как бережно Рой подхватил меня, его дыхание в темноте, обжигающее висок.

Задумавшись, я чуть не шагнула под машину, водитель успел затормозить и возмущенно посигналил мне вслед. Я виновато улыбнулась ему и мысленно отругала себя: так вместо другого мира и в больницу недолго попасть, а то и сразу на кладбище. Кладбища я не любила.

Выкинув все лишние мысли из головы, я свернула на Шпалерную. Я всегда обожала именно эту часть улицы. Было в ней нечто такое... Парадно-уютное и в то же время камерное: аккуратная крупная плитка, потом переходившая в зернистый темный асфальт, невысокие дома, стоящие по обе стороны, стены богато украшены лепниной, на большинстве окон — ящики с разноцветной петунией, всегда вызывавшие у меня опасения из-за порывов сильного ветра. Вот и сейчас он налетел, растрепал мои и без того торчащие во все стороны волосы, неожиданно принес с собой запах моря и сгинул в давно закрытых дворах-колодцах.

В отличие от парадных фасадов, питерские дворы всегда были мрачными, темными, со стенами, покрашенными в грязно-желтый цвет (ох уж это наследие петровской эпохи), и прямоугольными окнами, расположенными друг напротив друга так близко, что всегда было видно, что творится на кухне у соседей.

Вдруг вспомнилось время, когда всех этих черных ворот и кодовых замков не существовало, и, зная, где свернуть, можно было значительно сократить путь и выйти на параллельную улицу. В студенческие времена мы знали все дворы в округе, идя почти напрямик от метро или любимой блинной, чтобы успеть к началу лекций. Сейчас большинство квартир было выкуплено, а в закрытых дворах парковались элитные машины, самыми дешевыми из которых были «Роверы» и «Тойота Прадо».

Погруженная в спасительные воспоминания, я пригладила растрепанные ветром волосы и только тогда заметила, что сумка на плече подрагивает: телефон был переведен на вибровывоз. Пришлось

остановиться и попытаться достать супертехнологичный и безумно дорогой гаджет, купленный самой себе на очередную премию в качестве подарка на Новый год. Сумки я любила большие, бесформенные, и, как обычно, поиск телефона занял минут пять, не меньше. Под руку постоянно лезли кошелек, косметичка и почему-то пузырек с антигистаминным. Я с трудом вспомнила, что купила его, когда коллегу, шумного и жизнерадостного Сёмена, в шею укусила оса, и пошел сильный отек. Пришлось бежать в аптеку. Потом я хотела переложить лекарство в рабочий стол, но все забывала. Семен принес мне коробку дорожных конфет и букет роз. Вздохнув, я кинула пузырек обратно в сумку.

Выудила телефон. Судя по информации на экране, мой бойфренд (вот что за слово?) звонил уже в пятый раз. Пришлось перезвонить: Макс — единственный, кто не мог примириться с мыслью о том, что моя работа иногда предполагает, что я отключаю телефон.

— Да? — недовольно раздалось в трубке. Так и есть, обиделся.

— Извини, я была на совещании, — черт, надо было соврать, что пропалывала огурцы и не слышала! Но врать я не любила.

— Ты же в отпуске, — недоверчиво хмыкнул он.

— Отозвали, — памятуя наших умельцев из отдела прослушки, я всегда старалась говорить по мобильному очень коротко, особенно сейчас: мало ли как меня еще захотят проверить, — ты что хотел?

— Да вот, думал вырваться к тебе, на природу... — игривые нотки в его голосе заставили меня поморщиться: как-то в самом начале наших отношений я предложила поехать ко мне на дачу, когда там никого не было, и теперь Макс постоянно намекал, что неплохо было бы приезжать «на природу» почаще. При этом желательно, чтобы ни родственников, ни соседей вокруг не было. Как я должна была при этом обеспечить наше «романтическое» уединение, мой приятель не уточнял. А еще после его приезда мне приходилось сначала жевать подгоревшее мясо с явным привкусом уксуса (Макс мнил себя великим шашлычником), а потом мыть шампуры и чистить мангал и заодно все вокруг...

— Извини, у меня не получится, — сухо оборвала я его.

— Да я уже понял, — хмыкнул мой приятель, — слушай, а квартира у тебя свободна? Я бы заехал, мы бы посидели...

— Сегодня не стоит, мои дома! Все, мне пора! — соврала я, нажала отбой и кинула телефон обратно в сумку. С Максом временами было приятно и забавно, но не сейчас, когда мне нужно было хорошо подумать.

Удивительно, но само наличие параллельных миров я восприняла очень спокойно. Наверное, сказывалось детство, проведенное в эпоху

видеосалонов, где показывали боевики или фильмы ужасов, в том числе и про пришельцев с далеких планет. Какая разница: планета или мир, надо туда лететь или просто залезть в шкаф. Кстати, в этом ключе идея со шкафом мне нравилась значительно больше.

Меня беспокоило другое: почему наше обычно консервативное ведомство так рьяно взялось помогать чужому миру и зачем мне надо было стать принцессой этого мира.

Первое, что приходило на ум: шпионаж на благо Родины, но тогда человек, назвавшийся графом Алайстером (надо же, я запомнила его фамилию), явно не вписывался в эту концепцию. К тому же, из-за расположения ко мне, Павел Андреевич дал понять, что приказ был спущен с самого верха, а значит:

Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дни и ночи. [\[2\]](#)

Интересно, с кем надо будет вести бой именно мне, причем верхом и со шпагой в руке?

Не испытывая иллюзий по поводу того, где я работала, я понимала, что сама вряд ли узнаю что-то, а Рой пока не желал делиться информацией. И угораздило же родиться похожей на эту принцессу!

Я невольно бросила на себя взгляд в витрину магазина: растрепанная блондинка с огромными голубыми глазами и, как там граф говорил, выдающимися параметрами, причем как верхними, так и нижними. Именно параметры и заставили, в конце концов, бросить спорт: у нас основной упор шел на плавание и бег, и я не могла тягаться с худощавыми, широкоплечими, по-мальчишески сложенными девицами. За этими размышлениями я дошла до своей машины.

Белый «тигуан» приветственно мигнул фарами, я села и провернула ключ зажигания. Мотор ласково заурчал. Я побарабанила по рулю, обтянутому кожей, решая, куда направиться.

На дачу ехать не хотелось, поэтому я набрала номер мамы и кратко проинформировала, что останусь в городе, в ближайшее время у меня возможна командировка, мне пора бежать — у меня опять совещание (похоже, врать про совещания входит в привычку), и отключилась, пока та не пришла в себя и не стала задавать вопросы, которые сделали бы честь всей нашей разведке.

Дома тоже делать было нечего, и я, проехавшись по набережным,

благо летом пробки значительно реже, свернула к любимому ЦПКиО. Припарковав машину рядом с деревянным театром, я привычно прошла мимо будки охранников на мост.

Потемневшее от времени дерево глухо застучало под кроссовками, я с неодобрением покосилась на щели, сквозь которые виднелась темная вода реки. С залива подул холодный ветер, и я, слегка поежившись, поспешила перейти на остров.

Дорога ко дворцу была закатана в асфальт еще в советские времена. Это покрытие всегда портило мне настроение, мешая полностью насладиться парковым ансамблем. Несмотря на будний день, народу было много: бабушки с внуками, молодые женщины с колясками, старички, неодобрительно поглядывающие по сторонам. Я сошла с дороги, прошла вдоль берега реки, наблюдая за утками, а затем направилась вглубь парка, где еще сказывалась нехватка финансирования культурного наследия: вокруг вековых деревьев вместо зеленой травы рос копытень, огромные кусты то и дело скрывали вид на Елагиноостровский дворец, а вместо гравиевых и асфальтовых дорожек были узенькие кривые тропки.

Интересно, а как здесь было во времена хозяйки — императрицы Марии Федоровны? Мне почему-то представились ровные, вовремя скошенные зеленые газоны, фрейлины в разноцветных муслиновых платьях, лакеи в парадных ливреях и она сама: невысокая, с напудренными волосами и огромными темными глазами, как была изображена на портретах и немногочисленных фотографиях. Каково ей было в окружении этой роскоши? Скоро и мне предстояло это узнать, по крайней мере, я надеялась, что слуги у меня все-таки будут.

Столь меркантильные мысли заставили меня усмехнуться: дух авантюризма, до этого времени мирно дремавший во мне, почти заставил меня дрожать от нетерпения по поводу загадочной командировки. Я прекрасно понимала, что подписанный приказ означает то, что отказаться я не имею права, но была благодарна сегодняшнему гостю, что он, щадя мою гордость, предоставил мне иллюзорное право выбора.

Я стараясь все спокойно обдумать и просчитать все запасные варианты в случае, если все-таки откажусь. В голову приходил лишь единственный — утопиться здесь и сейчас, с такими приказами в ведомстве не шутят.

Печально вздохнув, я побрела по одной из едва заметных тропинок, даже не задумываясь, куда она меня может вывести. Мысли скакали вразнобой, и я прекратила гадать, что меня ждет, считая, что за два дня все равно все узнаю. Мне всегда нравилось просто идти вот так, среди деревьев, ощущая себя единственным человеком на всем белом свете.

Мое одиночество прервали комары. Я, конечно, жаждала единения с природой, но не ценой своей крови. Пришлось срочно выбираться из влажной прохлады заброшенного парка ближе к людям. Сбегая от навязчивого жужжания, я проломилась через кусты, напугала страстно целующуюся длинноволосую парочку (надеюсь, что они все-таки были разного пола) и выскочила на асфальтовую дорогу, чуть не сбив роллеров, тренировавших там «змею».

Настроение было испорчено окончательно, и я поехала домой, благо, что недалеко. В свое время отец умудрился получить от военного министерства квартиру в старом доме на Петроградке, где сейчас мы все и жили дружным женским коллективом: бабушка, мама и я.

Припарковав машину во дворе, я вышла и направилась к подъезду, когда краем глаза уловила какое-то движение. Повернувшись, я увидела, как дверь представительского «мерседеса», припаркованного на другой стороне улицы, распахивается, и оттуда выходит мой новый знакомый — Рой, вернее, граф Алайстер. Правда, на этот раз на его плечи был накинут пиджак из тонкой замши в тон мокасинам.

— Наконец-то! Я уже начал беспокоиться, — в его голосе слышалось скрытое раздражение. Я смирив его как можно более холодным взглядом:

— Простите, я не припомню, чтобы мы договаривались о встрече...

— Конечно, нет, просто подумалось, что вы захотите более подробно узнать о том, что вас ждет. Впрочем, если я ошибся... — он сделал движение в сторону машины. Я покачала головой, признавая свое поражение:

— Думаю, нам не стоит ломать комедию: мы оба прекрасно знаем, что я не могу отказать вам как в услуге, так и в гостеприимстве. Пойдемте.

Он лишь слегка наклонил голову, уголок губ дернулся вверх, подтверждая мои слова. Я направилась ко входу, не сомневаясь, что Рой последует за мной. Мы поднялись на третий этаж, я долго рылась в сумке в поисках ключей, наконец, достала их, открыла дверь и зашла первой.

— Тапочки там, — я кивнула на склад домашней обуви у двери. К моему удивлению, незваный гость послушно переобулся и выжидающе посмотрел на меня.

— Чай или кофе? — я скинула кроссовки, носки, которые вымокли в траве, и прошла на кухню, с каким-то извращенным наслаждением шлепая по ламинату босыми ногами.

— Если вас не затруднит, то кофе, — не дожидаясь приглашения, он сел за стол. Я кивнула и включила кофемолку, отсыпала свежесмолотый, распространяющий аромат по всей квартире, кофе в джезву, долила воды

ровно до сужения горлышка и поставила на огонь. После чего, присев на столешницу из искусственного мрамора, скрестила руки на груди и выжидающе посмотрела на мужчину:

— Я вас слушаю!

Он усмехнулся и демонстративно покрутил головой, делая вид, что рассматривает кухню, недавно отремонтированную в стиле «арт деко»: обои цвета слоновой кости, темная плитка на полу, люстра с хрустальными подвесками, белая мебель и темно-фиолетовые бархатные шторы, купленные по случаю распродажи в «Икеа». Идея такой кухни принадлежала моей маме, бабушка сопротивлялась, но для видимости. Мне, в принципе, было несколько все равно, будет ли кафель на стене у плиты с изображением лаванды или же просто белый, контрастирующий с темной мебелью. Кофе зашипел, напоминая о себе. Ругнувшись, я успела подхватить джезvu и разлить бурлящий напиток по чашкам, хотя все равно на плите остались следы. Я вздохнула: ну вот, опять мыть! Хуже прополки огурцов могло быть только это.

Хотя, судя по погоде, мама с бабушкой решили окопаться на даче, так что время у меня есть. Я поставила разноцветные чашки на стол:

— Боюсь, что в холодильнике у нас пусто. Как вы понимаете, на гостей мы не рассчитывали.

— Ничего страшного, — галантно уверил меня граф, поднося чашку к губам, — превосходный кофе!

— Спасибо. Все говорят, что он у меня — лучший в городе.

— Никогда не думали открыть свою кофейню?

— Конечно же, нет! — ужаснулась я, присаживаясь на край столешницы.

— Отчего?

— Меня наши контролирующие органы съедят! Одна СЭС чего стоит! — фыркнула я. Он лишь кивнул, явно наслаждаясь напитком, и я невольно улыбнулась. Было что-то почти неприличное в том, как мы просто сидели на кухне и молча пили кофе, присматриваясь друг к другу поверх чашек. Я вдруг обратила внимание, что у моего гостя очень длинные густые ресницы, которые отбрасывали длинные тени на точеные скулы, когда он делал глоток.

Серные глаза вдруг взглянули на меня. Словно прочитав мои мысли, граф улыбнулся, я вздрогнула, точно была поймана на месте преступления, и отвернулась, делая вид, что хочу вытереть плиту.

— Ладно, к делу, — Рой с видимым сожалением отставил свою чашку, достал из кармана небрежно висевшего на спинке стула пиджака

небольшой медальон и протянул его мне, — Думаю, так будет проще объяснить, почему нам нужны именно вы.

Мне пришлось оставить попытки развести грязь по всей панели и сесть за стол напротив графа. Тяжелый кулон лег мне в руку, я открыла его и с удивлением увидела свой портрет, нарисованный на темном гладком полупрозрачном камне. Только я была одета в бежевое платье с грубоким вырезом, а голову украшал черный бархатный берет с фазаньим пером. При мысли о том, что кто-то следил за мной, хотя бы для того, чтобы написать этот портрет, я вздрогнула.

— Откуда это у вас? — мой голос прозвучал очень резко. Рой усмехнулся и протянул руку, словно намереваясь забрать медальон.

— Это портрет принцессы Кариссы. Как видите, она очень схожа с вами.

Я машинально кивнула, все еще недоверчиво рассматривая портрет. Теперь, успокоившись, я могла найти некоторые различия, хотя это могло быть и прихотью художника.

Глаза у нарисованной девушки были чуть круглее, а губы — более полные, это можно было списать на причуду художника, как и цвет глаз: свето-серые против моих голубых, но на камне, несомненно, была изображена я.

— Именно это сходство и побудило меня обратиться в ваше ведомство, — голос Роя вывел меня из состояния легкого шока.

— Откуда вы узнали? — мне не потребовалось договаривать, Рой понял с полуслова.

— Поверьте, для мага моего уровня не так уж и трудно найти двойника в другом мире, ведь все они — отражения друг друга, — сказал Рой, отвечая на мой невысказанный до конца вопрос, — Но вы нам очень облегчили задачу, что выбрали работу в вашем ведомстве — так гораздо проще.

— Не сомневаюсь, — фыркнула я, вспомнив портрет над головой Павла Андреевича, — интересно, как вам удалось подписать приказ на самом верху?

— Маги нашего королевства когда-то оказали услугу вашей стране... — он с явным удовольствием сделал глоток, предлагая мне самой сделать выводы. Я кивнула, прекрасно понимая, что стала лишь разменной монетой, и даже увольнение меня не спасет. А умирать я пока не собиралась. Вдохнув, я достала из верхнего шкафчика бутылку коньяка и два бокала, разлила и протянула один Рою. Он грустно улыбнулся:

— Как я понимаю, вы уже решили.

— А у меня есть выбор? — я пожала плечами, — Хотя, если бы вы просто пришли ко мне... интересно, почему вы это не сделали?

— Потому что вы с Павлом Андреевичем — реалисты, — усмехнулся он. Я отложила медальон и внимательно посмотрела на своего гостя:

— Что случилось с принцессой?

— Почему вы решили, что с ней что-то случилось?

— Потому что иначе вы бы не сидели здесь.

— С ней все в порядке. Во всяком случае, было на момент моего отъезда, хотя, зная Кариссу, не удивлюсь, что она уже попала в какую-то переделку, — последние слова он произнес с какой-то теплотой, словно их с принцессой связывала минимум нежная дружба. Наверняка, он хранит у себя этот протрет не просто так.

— Тогда что же вы делаете на моей кухне? — я скрестила руки на груди.

— Пью кофе, — он демонстративно отсалютовал мне чашкой. Я прищурилась, всем своим видом выражая сомнение:

— Стоило ли так далеко ехать ради кофе?

— Ради такого — стоило, — Рой улыбнулся, — Вы не представляете, как я его люблю! Особенно именно такой!

Чтобы скрыть смущение, я опять повернулась к плите, бестолково размазывая кофейную гущу по блестящей поверхности.

— С Кариссой действительно ничего не случилось, иначе хрусталь стал бы белым.

— Хрусталь?

— Да, медальон сделан из черного хрусталя, очень мощного кристалла, который великолепно впитывает и отражает магию. При написании портрета я вплеп туда заклинание на крови принцессы: в случае опасности камень меняет цвет.

— А что будет в случае смерти?

— Он треснет, — граф спрятал медальон и внимательно посмотрел на меня.

— Поэтому вам нужна я... — я усмехнулась и с тоской посмотрела в окно. Почему-то подумалось, что топиться придется в любом случае.

— Не стоит так драматизировать! — граф отставил чашку и откинулся на спинку стула, скрещивая руки на груди. — Просто... просто мы хотим, как это по-вашему, подстраховаться? Да, подстраховаться: намечается свадьба, которая очень важна для нашего мира.

— Продолжайте, — я отложила тряпку в сторону.

— Карисса, сестра принца Риччионе, должна выйти замуж за нашего

правителя д'ореза Лагомбардийской торговой республики, что окончательно скрепит мирный договор и положит конец затянувшейся войне между двумя соседями.

— У вас была война?

— Скорее, приграничные стычки, — слегка поморщился граф. — Видите ли, старый принц был слишком гм... подвержен перепадам настроения, а предыдущий д'орез попросту страдал маразмом и неконтролируемыми приступами гнева. Этим воспользовались в Лаччио — небольшом государстве, управляемым Истинным Пастырем.

— Кем? — не поняла я.

— Пастырем. В вашем мире вы называете таких людей священниками, — пояснил граф и продолжил, — В Лаччио очень заинтересованы в ослаблении обоих государств.

Он вновь глотнул кофе.

— Почему именно они? — поинтересовалась я, чувствуя некоторое восхищение от того, что погружаюсь в настоящую средневековую историю.

— Пастыри консервативны. А мы желаем развиваться. К тому же в Риччионе есть несколько шахт черного хрусталя, к сожалению, его становится все меньше и меньше, а ведь именно он — основа нашей магии.

— А Лагомбардия?

— Это море. Выход к морю. И там живет один из сильнейших магов... — последние слова он сказал с явной иронией.

— И этот маг...

— Сидит перед вами, пьет кофе и уговаривает вас помочь совершенно незнакомому миру, — граф проникновенно улыбнулся, я невольно ответила смущенной улыбкой и тут же отвернулась, делая вид, что соскребаю кофейную гущу с плиты. Он молчал. Не выдержав, я повернулась.

— И в чем же будет заключаться моя помощь? Карисса отказывается выходить замуж, чтобы избежать скандала при бракосочетании, вы подмените её мной, и я должна вместо нее сказать «да»? — неловко взмахнув тряпкой, предположила я. Рой поперхнулся кофе.

— Откуда такие мысли? — спросил он, откашлявшись.

— Электронные библиотеки — просто кладезь любовных романов, — просветила я графа, — Признаться, иногда их читаю.

— Вам впору не читать, а писать, — проворчал он, с досадой рассматривая белоснежный хлопок футболки-поло, забрызганный кофе, — То-то вас сразу понесло в междумирье!

— Хотите, застираю? — вдруг предложила я. Рой заколебался:

— Не стоит... хотя... я буду вам очень признателен!

Совершенно обыденно он скинул футболку и протянул ее мне. Я невольно скользнула глазами по его телу: сухое, поджарое, сразу видно — тело воина, а не атлета.

— Вы хотели постирать, — мягко напомнил граф, в его глазах вспыхивали огоньки смеха. Я вдруг поняла, что неприлично долго разглядываю его, и слегка покраснела.

— Да, конечно, — смущенно скомкав футболку, ткань которой все еще была теплой от его тела, я прошла в ванную, кинула в машинку, добавила побольше отбеливателя и запустила программу. Затем открыла кран с холодной водой и подставила руки, надеясь обрести ясность мысли. Успокоившись и напомнив себе, что я — взрослая и рассудительная женщина, я вернулась на кухню.

Он все еще сидел за столом. При звуках моих шагов он слегка повернулся, словно давая мне возможность полюбоваться им во всей красе. Впрочем, не сомневаюсь, что так оно и было.

— Через час стирается, и я высушу утюгом, — сообщила я, чтобы хоть как-то заполнить паузу.

— Спасибо. Терпеть не могу грязную одежду, — вежливо ответил он, хотя уголки губ подрагивали от старательно сдерживаемого смеха.

Я пожала плечами:

— Всегда рада помочь.

Прозвучало очень двусмысленно. Меня вновь охватила горечь от того, что я буду всего лишь пешкой в политических играх.

— Вы просто считайте это задание отпуском, — посоветовал мой собеседник, совершенно правильно истолковав мои интонации.

— Да уж... отпуск, — вздохнула я и вздрогнула от резких трелей дверного звонка, — Вот кого еще нелегкая принесла?

Не получив ответа на, в общем-то, риторический вопрос, я отправилась открывать дверь.

На пороге стоял Макс. Он тяжело дышал, словно не поднимался на третий этаж, а выполнял норматив по бегу. Темная футболка с логотипом — головой кролика — плотно обтягивала его раскаченные фитнесом и потому слегка утрированные мышцы. От него, как всегда, слишком явно пахло его любимым парфюмом, и у меня моментально началась головная боль.

Я невольно вспомнила запах, который исходил от футболки Роя: едва заметный, тонкий аромат полыни с древесными нотками, будоражащий кровь... Как же его обычно называют? В мозгу всплыло слово «греховный». Не сдержавшись, я улыбнулась. Макс принял это на свой

счет.

— Лиз, а я тебе звонил, звонил! Ты трубку не берешь! Потом еду, а твоя машина у дома! — он чмокнул меня в щеку и торжественно протянул мне букет из нелюбимых мною розовых роз, усыпанных разноцветными блестками — наверняка купил, не глядя, в ларьке у метро, — на, держи!

— Я же говорила, что занята! — сердито воскликнула я, но он, всучив мне букет, уже прошел в квартиру:

— Ты мне кофе сваришь? А то пока по пробкам к тебе ехал... — он начал расшнуровывать кроссовки.

Я задумчиво посмотрела на букет, пытаюсь выиграть время и сообразить, что будет, когда Макс обнаружит у меня на кухне незнакомого полуголого мужчину.

— У меня холодильник пустой, — наконец проинформировала я, — Если ты голодный, лучше в ресторан. Но мне одеться надо.

— Давай, как раз пока я буду кофе пить, ты и соберешься! А где тапки?

— Не знаю, Макс, у меня жуткий бардак, я только с дачи! Подожди меня в машине, я быстро! Кофе, кстати, закончился, — я буквально вытолкала его за порог квартиры, захлопнула дверь и прошла в ванную. Машинка показывала, что стирать ей еще полчаса, не меньше, вздохнув, я поплелась на кухню, где сидел Рой, уже накинув пиджак на голое тело.

— Я через пять минут ухожу, — проинформировала я, беря с полки вазу и наливая в нее воды.

— Я понял, — он лениво поднялся. Я поставила вазу на стол, засунула в нее букет и, поколебавшись, предложила:

— Хотите, дам вам запасной ключ? Машинка достирает...

— Ерунда, — отмахнулся Рой, — это не проблема. Желаю приятного вечера...

Он многозначительно посмотрел на розы и вышел. Хлопнула дверь. Я устало присела на стул и задумалась. Мерное гудение заставило меня подскочить. Это был телефон, так и оставшийся на вибровывозе. Я недовольно посмотрела на экран, где высвечивались фамилия и номер Макса. Он явно устал ждать.

Вихрем промчавшись в спальню, я схватила первое, что попало под руку, — бирюзовый сарафан на широких лямках, распустила волосы, пару раз провела по ним расческой и выскочила в коридор. Схватила с комода духи, брызнула ими и поморщилась: опять перепутала свои и мамины. Подкрасила губы, взглянула в зеркало, стерла, еще раз подкрасила. Поняла, что лучше все равно не будет, и до маминой небрежной элегантности мне далеко. Впрыгнула в первые попавшиеся туфли на каблуке. Шагнула,

пошатнулась, вздохнула и поменяла их на замшевые балетки. Громко захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

— Чего так долго? — Макс недовольно посмотрел на меня, пока я садилась в его огромный черный внедорожник «настоящего мужчины и бизнесмена» и пристегивалась. В машине пахло какими-то дешевыми духами и табаком. Я вопросительно посмотрела на своего парня, но он сделал вид, что не заметил этого взгляда, — Я уже ждать устал.

— Розы подрезала, чтоб в вазу поставить, — я пожала плечами, — Поехали?

Макс включил поворотник, крутанулся через «сплошную» и газанул. Я недовольно поморщилась: почему-то мой бойфренд был уверен, что я всегда смогу помочь ему вернуть права, случись что. Мои доводы о том, что от его лихачеств могут пострадать люди, он пропускал мимо ушей. Одна радость — не пил за рулем, этого я бы не простила.

Мы с ревом — ох уж эти насадки на выхлопные трубы! — пронеслись по узким улицам, проехали мост и свернули на Южную дорогу. Припарковавшись у одного из ресторанов, стоявших на берегу Невы, Макс выскочил из машины, предоставив мне самой выбирать из его внедорожника.

Одна из девиц, стоявших на входе, профессионально нам улыбнулась и, моментально оценив статус моего спутника, проводила за один из столиков в среднем ряду: приближался вечер, и места у огромного окна во всю стену, из которого открывался вид на пляж и белоснежные яхты, могли понадобиться для более взыскательных клиентов.

Официант подал меню, напечатанное в виде огромной иллюстрированной газеты. Сделав заказ, Макс погрузился в свой телефон, я же задумчиво смотрела в окно на темную воду и серебристые ивы, росшие на другом берегу. В Лагомбардии наверняка все по-другому.

— Знаешь, мне придется уехать в командировку, — аккуратно начала я. Макс, не отрывая взгляд от экрана, промычал что-то невразумительное. Я пожала плечами и от нечего делать поразглядывала парочку за соседним столом, чуть не попавшись на этом, и вновь перевела взгляд в окно.

Официант принес мой заказ. Макс оторвался от телефона и с раздражением посмотрел на юношу, обслуживающего нас:

— Эй, а мой стейк?

— Одну минутку, — официант, явно не первый день работавший в ресторане, спешно удалился, а попросту сбежал, Макс опять уставился в телефон. Это начинало раздражать, особенно сейчас, когда мне просто

необходимо было поговорить с кем-нибудь. Я начала накалывать на вилку листья салата. Сосредоточившись на этом, я пропустила момент, когда к столику вновь подошел официант, неся блюдо уже для Макса.

— Приятного аппетита, — невозмутимо пожелал парень и удалился. Мой бойфренд отложил телефон и принялся за мясо. Как обычно, ел он торопливо и неаккуратно.

— Так что ты мне хотела сказать? — жуя достаточно большой кусок, спросил он.

— Я уезжаю. В командировку.

— Ммм... надолго?

— Нет, на неделю, наверное, — я отложила вилку и посмотрела на своего друга, — дело секретное, и звонить оттуда я не смогу.

Прозвучала как в дешевом сериале, которые то и дело смотрела бабушка.

— В разведку подалась? — глумливо усмехнулся Макс, — ты учти, разведчики долго не живут!

Я пожала плечами и вновь посмотрела в окно: на золотистом песке пляжа люди, не подозревающие о других мирах, играли в волейбол. Мне безумно захотелось присоединиться к ним, забыв обо всем, что узнала сегодня в здании на Литейном. В памяти невольно всплыл Рой. Интересно, купил ли он себе новую футболку? Почему-то казалось, что один он с этим не справится.

— Простите, — знакомый голос с почти неразличимым акцентом заставил меня подпрыгнуть на стуле. Я обернулась. Рой стоял за моей спиной. В новой футболке. На лице застыла вежливая улыбка, хотя во взгляде сквозило напряжение:

— Молодой человек, я вынужден похитить у вас вашу прекрасную спутницу.

— Чего? — не понял Макс и перевел взгляд со стоящего мужчины на меня, — Что это за хмырь?

— Коллега по работе, — я нахмурилась: по сравнению с элегантным графом мой приятель выглядел слишком обычным. Наверное, Макс это и сам понял, потому что слегка напрягся:

— И что этому твоему коллеге надо? И вообще, как они нашли нас здесь?

— Это не было сложно, — Рой и повернулся ко мне, — Кое-что изменилось, нам необходимо выехать сейчас.

— Что-то серьезное? — я слегка нахмурилась, — почему мне не позвонили?

Граф многозначительно перевел взгляд на мою сумку. Я полезла в нее, достала телефон, все еще подрагивающий на вибровывозе, закатила глаза, уже понимая, что получу выговор, и ответила на вызов:

— Да?

— Голованова! — голос полковника громыхнул на весь ресторан, — Где тебя черти носят! Немедленно в контору!

— Но...

— Никаких «но»!!! Адрес диктуй, машину пришлю.

Я судорожно заозиралась по сторонам, ища официанта, чтобы уточнить адрес. Рой мягко, но настойчиво забрал у меня телефон.

— Дайте сюда, — приложил к уху и заговорил достаточно официальным тоном, — Это Алайстер. Да, я рядом. Скоро будем. Встретимся внизу, — он вновь протянул телефон мне, — Пойдемте, не стоит заставлять полковника нервничать еще больше.

— Макс, извини, — я отодвинула тарелку и слегка виновато посмотрела на приятеля, — Мне действительно надо бежать...

Я встала. Он остался сидеть за столом, лишь недовольно поджал губы, с явной злостью посматривая на Роя.

— Всего доброго, — слегка насмешливо произнес тот, беря меня под руку и толкая к выходу, — Приятно было познакомиться.

— Но вы же не представились, — спохватилась я, когда мы вышли из ресторана и сели в «мерседес» Роя, припаркованный у входа.

— Это вы меня не представили, — поправил меня граф, — Дмитрий, на Литейный!

Последнее адресовалось водителю.

— Как скажете! — кивнул тот, выворачивая руль. Машина заложила вираж, ювелирно проходя в миллиметре от проезжающего внедорожника. Я посмотрела на коротко стриженную макушку сидящего впереди мужчины. Интересно, а он в курсе, кого возит? Скорее всего, нет. Сказали, что иностранный высокопоставленный гость, вот он и старается. Водитель взглянул в зеркало заднего вида, заметил мой взгляд и сделал вид, что его это не касается. Понимая, что спрашивать, что случилось, сейчас бесполезно, я достала телефон, проверила вызовы (пять от Павла Андреевича, десять от мамы), отправила родительнице смс, что со мной все в порядке, и откинулась на подушки сидения.

В голове навязчиво звучала мелодия из «Семнадцать мгновений весны». Мне очень хотелось расспросить своего спутника, но я еще раз посмотрела на водителя и отложила вопросы на потом.

В салоне пахло кожей и коньяком. Машина ехала очень мягко и

казалось, что дома на набережной проплывают мимо. Разноцветные здания Эрмитажа, особняк великого князя Константина с входом-портиком, на котором сидели не то орлы, не то горгульи, серо-розовый мраморный дворец — подарок императрицы Екатерины II ее фавориту. Памятник Суворову около Марсова поля. Мне показалось, что полководец смотрит на меня с немым укором. Черная с золотом ограда Летнего сада, из-за которой были видны многочисленные туристы, Фонтанка и вновь дома, уже попроще: светло-зеленые, бежевые, желтые. Голубой с белыми колоннами, поддерживавшими балкон, — дом фельдмаршала Кутузова. Проезжая этот дом, я всегда представляла на балконе грузного, седого человека с черной повязкой на глазу — таким, каким его изображали на картине «Совет в Филях». Почему-то стало грустно, что я это не скоро увижу. Я часто заморгала, стараясь скрыть слезы. Рой внезапно сжал мои пальцы. Я бросила на него удивленный взгляд, мужчина ободряюще мне улыбнулся:

— Вы вернетесь, — уверенно сказал он, словно разгадав мои мысли. Я кивнула, но руку выдергивать не стала. Мы повернули на Литейный.

Под недовольные взгляды постового наша машина остановилась прямо около входа в Большой дом. Рой вышел, не дожидаясь, пока водитель откроет дверцу, и протянул мне руку.

Павел Андреевич ждал нас на входе. Он стоял у «вертушки», под удивленными взглядами дежурных, то и дело поглядывая на свои часы. Было заметно, что он очень волнуется.

— Наконец-то! — пробурчал он, как только увидел нас, — Пойдемте!

Резко развернувшись, полковник слишком быстро зашагал куда-то к лестнице, явно избегая моего взгляда. Шаги гулко разносились по абсолютно пустым коридорам. Я сначала замедлила шаг, затем и вовсе остановилась:

— Подождите. Мы идем к подвалу, верно?

— Да, — Рой не стал лукавить, — нам придется отправиться в мой мир прямо сейчас.

— Но вы обещали два дня...

Мужчины переглянулись, словно решая, стоит ли меня посвящать в их планы.

— К сожалению, все изменилось, — вздохнул Алайстер.

Это разозлило меня:

— Так, либо вы сейчас рассказываете мне все, либо я разворачиваюсь и ухожу!

Павел Андреевич одобрительно хмыкнул, Рой поморщился, хотя, скорее, это относилось к задержке, чем к моему любопытству.

— Карисса пропала, — нехотя признался он.

— Карисса? — глупо переспросила я и спохватилась, — Это же... принцесса?

— Именно, — Рой подхватил меня под руку, словно боялся, что я сбегу, — у нас мало времени.

— Вы что, хотите сказать...

— Да, нам нужно вернуться в мой мир незамедлительно. Никто не должен знать, что Карисса... — он судорожно выдохнул, успокаиваясь, — Никто не должен знать о пропаже принцессы. Вы замените её.

— Что значит — заменю? — меня возмутила безапелляционность его тона, — Вы хотите сказать...

— Все, что я сейчас хочу, — вернуться в Лагомбардию! — рявкнул граф, — а не терять время на ерунду!

— Ах, моя жизнь это — ерунда? — в тон ему ответила я и повернулась к начальнику, — Павел Андреевич?

Полковник вздрогнул и отвел глаза, его губы были плотно сжаты.

— Соответствующие документы уже подписаны, — скучающим тоном произнес граф, — Думаю, дальнейшие пререкания по этому поводу бессмысленны.

— Вы с ума сошли! — взвилась я, чувствуя, что начинаю сомневаться в реальности происходящего, — Я не собираюсь никуда идти!

— Лиза, это — приказ, — начальник говорил тихо, но емко, — Ты не имеешь права его нарушить.

— Приказ? А если они так и не найдут принцессу? Что тогда?

— Тогда вам придется выйти замуж за Гаудани, — голос графа звучал очень жестко. Я даже задохнулась от такой наглости.

— И вы так просто говорите об этом?

— А что в этом такого? — Рой небрежно пожал плечами, — вы не замужем, детей нет. Да и ваш... любовник, — в его устах это прозвучало ругательством, — оставляет желать лучшего...

Не сдержавшись, я влепила ему пощечину, после чего развернулась и направилась к выходу.

— Голованова! Не дури! — попытался одернуть меня полковник. Я обернулась и со злостью посмотрела на него:

— Мое заявление получите завтра утром!

Я выскочила из здания, махнула рукой, останавливая первую попавшуюся машину, назвала домашний адрес. Водитель, еще молодой парень, с сочувствием посмотрел на меня:

— Что, с парнем поругались?

— Что? — я на секунду перестала рыться в сумке.

— У вас слезы текут, а это — верная примета, что с парнем.

Я шумно выдохнул, наконец достала телефон, отключила его:

— Да... вернее, нет, с работы выгнали...

— Бывает. Ничего, новую найдете!

— Точно, — прошептала я.

Всю дорогу мы ехали молча. Я не знала, что было для меня самым обидным в этой ситуации: то, что меня вот так променял начальник, к которому я относилась с большим уважением, или же то, что наговорил мне Алайстер.

Машина остановилась у дома, я попыталась расплатиться, но водитель не взял денег.

— Не переживайте, в жизни и не такое бывает! — напутствовал он меня на прощание.

Дома я поставила чайник, побродила по квартире, полила цветы, полистала какую-то книгу, вспомнила, что хотела попить чаю и вновь поставила чайник. Первый порыв прошел, и теперь я крепко задумалась. Заявление я напишу, хотя, скорее, его даже и писать не придется — меня уволят по статье. Но живем-то мы в основном на мою зарплату, мамина пенсия — слезы, бабушкина — чуть больше, но все равно — так, квартиру оплатить. А еще кредит на машину... Его три года платить... от этого стало совсем тошно. Ну, положим, машину я продам, кредит закрою, но жить все равно надо. А с записью, которая у меня будет в трудовой, я могу поставить крест на любой приличной должности. Вдохнув, я достала ручку и лист бумаги и начала составлять список бывших однокурсников, которых можно было попросить помочь с поиском новой работы.

Звонок в дверь заставил меня подскочить на месте. Воображение тут же нарисовало черный автомобиль у парадной и пару коллег-особистов, прибывших по приказу препроводить меня куда-нибудь в «Кресты». «Помните, Лиза работала напротив тюрьмы? Теперь она сидит напротив работы» — ехидно пронеслось в мозгу. Звонок повторился, на этот раз настойчивее. Я подошла и решительно открыла дверь. На пороге стоял Рой.

— Надеюсь, вы уже выпили успокоительного, — сухо обронил он, заходя в квартиру.

— Даже и не собиралась, — я попыталась перегородить ему вход, но он легко отстранил меня и пошел на кухню:

— Когда успокоитесь и начнете мыслить, я готов обсудить с вами ситуацию.

— Вы хотели сказать «мыслить здраво»?

— Пока что ваше поведение говорило, что вы даже не здраво не мыслите, — Рой обернулся и с укором посмотрел на меня, — Что вы устроили на Литейном! Ваш начальник, наверное, до сих пор хватается за сердце и пьет капли!

— Коньяк, — поправила я его.

— Что, простите?

— Павел Андреевич вместо успокоительного пьет коньяк, — я прошла на кухню и вновь включила многострадальный чайник, — Зачем вы пришли? Я же сказала, что не буду принимать участие в этом фарсе!

— Вообще-то я хотел извиниться за то, что позволил себе оскорбительные намеки по поводу вашей личной жизни, — совершенно буднично сказал он, садясь за стол, — и заодно попросить еще кофе.

— Шли бы вы... — вздохнула я, обреченно включая кофемолку, — кофе на ночь очень вреден, потом не уснете.

Он как-то грустно посмотрел на меня:

— А я и так не усну...

— На жалость давите?

— Нет, — он брезгливо поморщился, — тем более, что с вами это бесполезно... Я просто хочу предложить вам не рубить с плеча и не писать заявление об увольнении, вы же прекрасно осознаете последствия такого шага для себя.

— Я прекрасно осознаю и последствия исполнения приказа: не найдя свою принцессу, вы попросту отдадите своему Гаудани меня!

— Возможно, — он улыбнулся, словно услышал что-то смешное, я упрямо посмотрела на него:

— Так что предпочитаю остаться в своем мире нищей и безработной, чем рисковать быть отданной какому-то старику в средневековье.

— При чем тут старик, — поморщился граф, — Мэссэр Гаудани — достаточно молодой привлекательный мужчина, и, вполне возможно, он вам понравится... вот, взгляните!

Я с любопытством взяла медальон в руки, машинально отметив, что он такой же, как и медальон с изображением принцессы, только на этот раз с темного камня на меня смотрел весьма привлекательный мужчина. Темные достаточно коротко стриженные волосы падали на высокий лоб, брови, про которые обычно говорят «вразлет», ярко-синие глаза, нос простоват, но отнюдь не портил его обладателя, а лишь придавал какой-то особый шарм, губы были слегка тонковаты, а на подбородке виднелась ямочка. Я в который раз поразились мастерству, с которым художник нарисовал портрет (если помнить, что портрет — изображение, то надо подбирать другой

глагол).

— Портрет написан год назад, сразу после избрания его Советом десяти, так что, как видите, он в расцвете сил...

— Я смотрю порода уличных сводников живет и ныне^[3]! — вспомнила я своего любимого автора.

— Я все же вас не на бал к сатане зову, — меланхолично отозвался Рой. Я с уважением посмотрела на него:

— Надо же! И это вы читали?

— Читал. Поговорим о литературе или вернемся к делу?

— К делу? Я не собираюсь участвовать в этом... — я пощелкала пальцами, подбирая нужные слова, — балагане.

— Скорее, карнавале, — поправил меня мой незванный гость.

— Что?

— Карнавал — когда люди надевают маски.

— Я знаю, что такое карнавал! В конце там обычно маски снимают! Что я буду делать, если кто-нибудь узнает, что я — не эта ваша...

— Карисса, — подсказал Рой.

— Вот именно! Я даже имени ее запомнить не могу! Все сразу заподозрят обман!

— Не волнуйтесь, я изготовлю вам амулет.

— Нет. И давайте оставим эту тему! — я разлила кофе и придвинула ему чашку. Рой благодарно кивнул, сделал несколько глотков, и вновь посмотрел на меня:

— Возможно, нам удастся прийти к компромиссу?

— Хотите меня купить?

— Скорее, соблазнить, — его улыбка вышла очень кривой, — хотя по этой части у нас больше мессэр Гаудани...

— Вот и его и соблазняйте! — я не собиралась сдаваться. Рой рассмеялся:

— Я не думаю, что мне это удастся, а вот вам...

Он выразительно посмотрел на мою грудь, и я невольно скрестила руки.

— Немедленно прекратите эти намеки! — потребовала я, — я не собираюсь ни соблазнять этого вашего... Гудинни.

— Гаудани, — поправил меня он.

— Какая разница, так вот: я не собираюсь ни его соблазнять, ни выходить за него замуж! Завтра я наконец напишу заявление об уходе и поеду на дачу к огурцам!

— И что потом? — усмехнулся он, — Когда запал праведного негодования пройдет? С чем вы останетесь? С гордостью? Вы сможете прожить, питаясь только ею?

— Почему только ею? — слабо возразила я, прекрасно понимая, что граф сейчас озвучивает мои мысли.

— Потому что я не понаслышке знаю вашу систему. Думаете, после этого вы сможете устроиться на нормальную работу? — Рой встал и подошел к окну, делая вид, что рассматривает двор. Я тоже молчала, пытаюсь для себя решить, как быть дальше. Было слышно, как из крана капает вода: кап, кап... не выдержав, я подошла и закрутила вентиль.

— Решать вам, я не буду настаивать и отзову приказ, — граф нарушил молчание, — Но неужели вы думаете, что Гаудани такой дурак и не отличит подмену?

— Тогда зачем вам я? — я совершенно запуталась.

— Потому что исчезновением Кариссы могут воспользоваться в Лаччио и поднять смуту среди жителей обеих стран. Эта свадьба — символ доброй воли и мира, и нам очень важно, чтобы ничто не смогло помешать ей.

— К тому же за принцессой наверняка дают хорошее приданое, — пробормотала я. Рой покачал головой:

— Лагомбардия все равно получила бы эти земли в качестве контрибуций, но для людей, живущих там, присягнуть на верность мужу своей госпожи гораздо проще, чем захватчикам.

Я собрала чашки, отнесла их в мойку. С одной стороны, моя гордость действительно просто кричала, что я должна выставить этого мужчину за дверь и забрать трудовую из конторы с записью несоответствия должности и прочими прелестями человека, решившего начать войну с системой, с другой — пока все, что от меня требуется, — это на несколько дней изобразить принцессу... Я внимательно посмотрела на мужчину, стоящего у окна. Он повернулся и ответил мне каким-то усталым взглядом, и мне вдруг стало его жалко: ведь не по своей воле он вынужден стоять здесь и убеждать, словно малого ребенка, не допускать опрометчивых решений, да и Павел Андреевич премию обещал, и разрешение на отдых... на мгновение перед глазами промелькнуло бирюзовое море...

— Ладно, — буркнула я, идя на попятную, — Я обещаю подумать, если вы расскажете мне что я должна буду делать.

Рой едва заметно улыбнулся, его плечи расслабились.

— Вы отправитесь со мной, изобразите Кариссу на время ее поисков. Когда мы её найдем, вы вернетесь в свой мир.

— Вы так уверены, что вы найдете принцессу?

— Конечно, — он пожал плечами, — это просто вопрос времени.

Я пристально посмотрела на него, размышляя над правильным ответом. С одной стороны, сама мысль побывать в другом мире будоражила, с другой — мой здравый смысл просто кричал, что там может быть очень опасно.

— Я могу все-таки подумать до завтра? — наконец сказала я, не найдя ничего более приемлемого.

— Хорошо, — граф Алайстер кивнул и вдруг как-то жалобно посмотрел на меня, — Скажите, а мы можем поужинать?

Глава 3

Утром я с трудом открыла глаза. Голова гудела, во рту пересохло. Благо, вокруг царил полумрак.

Я приподнялась на локте, огляделась и охнула. Вокруг меня были тяжелые гобеленовые шторы. Вернее, они висели на кровати, свешиваясь откуда-то сверху и полностью закрывая комнату. Сама кровать огромная, со столбиками и деревянной рамой, на которую и крепились занавеси. Позади меня высилось массивное резное изголовье, инкрустированное голубыми и перламутровыми вставками — кажется, цветочный орнамент. Я провела рукой по простыне. Белье тоже было незнакомым: белое, с вышитым гербом: красный единорог топчет змею.

Цвета показались мне слишком яркими, и я прикрыла глаза, борясь с тошнотой и пытаясь вспомнить события вечера, чтобы понять, как я здесь оказалась.

Еды в доме не было, и Рой позвонил водителю. Тот принес нам пакет продуктов из супермаркета и бутылку моего любимого коньяка. Кажется, я приготовила горячие бутерброды и потом извинялась за то, что сыр пригорел, а Рой галантно уверял меня, что я — прирождённый кулинар, и он не ел ничего вкуснее. На все мои расспросы граф отвечал очень уклончиво, за что был назван мной косноязычным змеем.

Коньяк оказался великолепным, и мы сначала выпили за здоровье, затем — за дружбу между мирами и за огурцы, которые не растут в его мире, а он так любит маринованные огурчики. После чего я позвонила маме и предупредила, что завтра заеду с другом и нам нужны огурцы, лучше — уже маринованные, в банках. Потом мы выпили еще за что-то, и я, чувствуя, чтохватила лишку, поднялась, чтобы пойти спать, но Рой попросил меня показать ему город. Пошатываясь, мы спустились к машине, долго кружили по центру, пока я не заснула, положив голову на плечо мужчины, сидевшего рядом. Похоже, он воспользовался ситуацией, и я все-таки оказалась в его мире.

Меня охватила злость. Головокружение сразу прошло, тошнота отступила, и я смогла пошевелиться. Матрас подо мной подозрительно зашуршал, словно был набит травой, раздались легкие шаги, занавеси с райскими птицами раздернулись, и я оказалась лицом к лицу с темноволосой женщиной.

Смуглая, оливковая кожа и карие глаза с очень длинными пушистыми

ресницами выдавали в ней уроженку юга. В полумраке комнаты ее лицо с лепными скулами казалось почти красивым, если бы не морщинки вокруг рта и длинный нос с горбинкой. Одета она была в зеленое платье с разрезами по рукавам, из которых виднелась белоснежная рубашка.

— Доброе утро, — вежливо поприветствовала она меня, слегка приседая. У меня хватило сил только кивнуть и молча смотреть на нее, гадая, кто она.

— Я — Далия, молочная сестра графа Алайстера, — женщина совершенно правильно истолковала мое недоумение.

— Молочная?

— Да, моя мать была кормилицей Его Светлости, и теперь я прислуживаю в его доме, — в ее голосе чувствовалась скрытая гордость.

— А... значит, я в доме... — протянула я и, сглотнув, украдкой потерла лоб. После вчерашних возлияний голова просто раскалывалась.

— Вот, выпейте, это поможет! — Далия протянула мне странный кубок: из голубого метала, он искрил серебром.

— Что это? — я опасливо покосилась на жидкость внутри.

— Всего лишь настойка моей матушки, вам станет гораздо легче.

Я послушно глотнула. Нечто вроде лимонада с мятой. Поразительно, но похмелье сразу же отступило. Я еще раз уже осмысленно осмотрела комнату, в которой находилась.

Здесь царил полумрак. Возможно, это было потому, что шторы на окнах все еще были задернуты. На стенах — фрески с изображением сцен охоты, у окна — кушетка, обитая светлым шелком, с ножками в виде львиных лап, у стены стояло несколько не то сундуков, не то ящиков, богато украшенных резьбой и инкрустациями из красного и желтого дерева, над ними висел гобелен с какой-то сценой, явно из местной мифологии. Всматриваться сил не было. Снова приступ тошноты.

— А где? — несмотря на эффект непонятого напитка, мысли формулировались с трудом.

— Комната для умывания за гобеленом, мадонна, — Далия махнула рукой. Я неуверенно зашагала туда, ожидая увидеть туалет типа «деревенский сортир», правда, возможно, с позолотой по краям выгребной ямы.

Комната была небольшая, но практически ничем не отличалась от наших санузлов. Правда, вода просто лилась тонкими струйками прямо из потолка, стоило только повернуть медный вентиль. Душ принимать я не стала, лишь привела себя в относительный порядок и вышла.

Далия все еще была в комнате.

— Где Рой? — спросила я, уже ощущая некую ясность мышления.

— Граф Алайстер? Скорее всего, в студиолло: отдает указания слугам. Мне известить его, что вы проснулись?

— Пока не стоит, — я одним махом осушила кубок. Действительно полегчало. Во всяком случае, тошнота полностью прошла, сменившись некой ленивой слабостью. Я надеялась, что графу не легче. Я присела на кушетку, пытаюсь сообразить, что делать. Первый порыв — бежать и закатывать скандал — я подавила. Это было бы очень глупо. Находясь на своей территории, граф не станет церемониться, тем более никто не знает, что я здесь. При мысли об этом мне вновь стало плохо. Мама и бабушка! Они начнут дозваниваться, а я не отвечу... Оставалась надежда, что они сообразят позвонить Павлу Андреевичу. При мысли о том, что ждет нашего начальника, я злорадно усмехнулась.

Дверь скрипнула, прерывая мои мысли, и хозяин дома появился в спальне. На этот раз он был одет, словно какой-то принц: высокие сапоги из мягкой кожи, доходящие до середины бедра, узкие штаны из темной ткани, сверху не то камзол, не то куртка, рукава крепились на шнуровке, через которую проглядывала белоснежная рубашка. Массивная цепь из странного металла, зеленого с золотыми искрами, была закреплена на плечах и правильным полукружием лежала на груди. Поразительно, но он был свеж как огурчик.

— Мессэр, — Далия вновь присела, я же просто скрестила руки на груди, с мрачным вызовом смотря на своего похитителя.

— Как вы себя чувствуете? — спокойно осведомился он, словно не замечая моего взгляда.

— Как видите, — процедила я сквозь зубы, — могу я поинтересоваться, что я здесь делаю?

Алайстер покачал головой и повернулся к своей молочной сестре:

— Оставь нас!

— Да, мессэр! — она недовольно скривилась, но послушно вышла, оставив нас одних.

По пронзительному, слегка насмешливому взгляду серых глаз я понимала, что их обладатель просто ждет, что я накинусь на него, поэтому я сдержалась. Прошла по комнате, разминая ноги, затем села на стул и тщательно разгладила складки на помявшемся сарафане:

— Итак, я слушаю!

Он усмехнулся:

— Что именно вы хотите услышать? Что вы вчера выпили слишком много, чтобы нормально соображать?

— Надеюсь, я не клялась вам в вечной любви? — я слегка покраснела и пристально посмотрела на него, — Кстати, вы же пили наравне со мной...

— Ну... — он слегка замялся, словно решал, сообщать мне эту информацию или нет, — Алкоголь не действует на магов.

— Что? — я даже задохнулась от негодования, — То есть вы специально опоили меня, чтобы...это низко!

Во время моей тирады, Рой и бровью не повел:

— Во-первых, вы могли отказаться, но не сделали этого, и потом... вы же дали согласие, какая разница, когда вы бы здесь появились?

— Для меня есть разница, — жестко припечатала я, — Понимаете?

— Нет. Приказ для вас был подписан, так что я не видел причин для задержки.

— Но у меня они были! Конечно, вам эти причины малоинтересны! — начала заводитьсь я.

— Именно! — он зло усмехнулся, обрывая меня. Пока я искала слова, которые могут оскорбить этого человека, он продолжил, — Сегодня вы получите самое необходимое, а завтра мы отправимся в палатцию принца Риччионе, откуда вы под видом Кариссы торжественным свадебным кортежем выдвинетесь в сторону Лагомбардии.

— А что будете делать вы?

— Искать ее. Потом мы решим, в какой момент она вас заменит.

— Как мило. Вижу, вы все предусмотрели...

— Оставьте вашу язвительность. Она вам не к лицу, — отмахнулся граф.

— Позвольте мне самой решать, что мне к лицу! — прошипела я, едва сдерживаясь, чтобы не ударить его.

— Разумеется. Вы всегда сможете выбрать платье, — Рой скривил губы в улыбке, выдержал паузу и жестко добавил, — В остальном вам придется исполнять мои распоряжения. Ставки слишком высокие, и я не хочу рисковать. Вот, держите!

Он протянул мне кольцо, сделанное из точно такого же металла, как и его цепь, с полупрозрачным желтым камнем, на котором ажурным не то четырехлистником, не то крестом были выложены мелкие черные камушки, проливавшиеся на свету всеми цветами радуги.

— Что это? — я не шелохнулась, опасаясь брать изделие в руки, понимая, что от этого человека ничего хорошего ожидать не приходится.

— Амулет. У нас нет времени учить вас танцам и хорошим манерам, амулет поможет вам не оплошать, давайте руку!

Даже не дожидаясь моего согласия, Рой весьма ощутимо схватил меня за правое запястье и надел кольцо на безымянный палец. Село как влитое. Граф кивнул и выпустил мою руку. Я горько усмехнулась, опять у меня было все не как у людей.

— Никогда не снимайте его, — предупредил меня Рой, — я вплел еще и охранные заклинания.

— Наверняка еще и маячок, — фыркнула я, вспомнив наших технарей. Он усмехнулся:

— Разумеется, памятуя то, как вы обычно отвечаете на телефонные вызовы...

— Будто здесь есть телефоны.

— Нет. Как и автомобилей и самолетов. Поэтому мы перенесемся в Риччионе при помощи портала, а уж обратно в Лагомбардию вы вернетесь в карете или верхом, как вам будет угодно.

— Мне не угодно возвращаться в Лагомбардию.

— Придется, все равно попасть в ваш мир можно лишь отсюда.

Я с интересом посмотрела на своего похитителя:

— И как же это можно сделать?

Рой покачал головой:

— Пока что вам не стоит знать это.

Не дожидаясь моего ответа, он вышел, а я закружила по комнате. Меня раздражало собственное бессилие. Буквально связанная по рукам и ногам приказом, я ничего не могла противопоставить этому интригану, более того, если разобраться, то формально он был прав. Приказ не отменен. Я вчера почти была готова уступить ему, и потом: я действительно сама пила этот чертов коньяк! Только отвратительно было чувствовать себя марионеткой в чьих-то руках. Я прошлась по комнате, пытаюсь найти выход.

Меня не устраивало, что в этом мире я полностью зависела от графа Алайстера и без его помощи не могла вернуться в свой мир. Скорее всего, он попытается сыграть на этом, чтобы подчинить меня своей воле.

Единственная зацепка — попытаться самой найти путь в свой мир, тогда этот самодовольный интриган явно будет поговорчивее. Наверняка шкаф находится в его доме. Рой сказал, что завтра мы уедем в Риччионе, значит, на все про все у меня были лишь сутки.

Вошла Далия, неся с собой какой-то сверток, оказавшийся платьем. С гордостью женщина разложила его на кровати с тем, чтобы я полюбовалась и тканью, и вышивкой. Нехотя я взглянула и скривилась: платье мне напомнило обивку мебели, стоящей у нас в музеях: золотистый шелк,

вышитый гладью, не то канарейки, не то попугаи.

Понимая, что мне все равно придется носить такое, пока я в этом мире, да и вообще лучше сейчас изобразить покорность, я послушно позволила переодеть себя. Платье было скроено так, чтобы сквозь прорези в ткани выступало полотно нижней рубашки, которую Даля долго расправляла, создавая абсолютно ровные складки, затем она заплела мне замысловатые косы и подала небольшое зеркало: золотистый, отполированный до блеска металл, в оправе зеленого с золотыми искрами. Само зеркало было очень легким. Я крутила его во все стороны, с изумлением рассматривая себя, затем вновь повернулась к служанке и протянула ей зеркало, она помотала головой:

— Мадонна, это — ваша вещь. Подарок графа.

— Спасибо, — я отложила зеркало и направилась к окну, намереваясь взглянуть на местность.

— Мадонна, вам не стоит этого делать, — остановила меня служанка, я слегка нахмурилась и посмотрела на нее, ожидая пояснений.

— Вы здесь, в доме неженатого мужчины...

— И что? — не совсем поняла я.

— Слуги могут вас увидеть, — она решительно подошла к окну и поправила плотные портьеры. Я прикусила губу, стараясь не выдать свое разочарование. Желудок вдруг забурчал, напоминая о себе, Даля встрепенулась:

— Ой, вы же ничего еще не ели, я сейчас принесу.

Она торопливо вышла. Убедившись, что служанка не осталась под дверью, я подошла к окну. Конечно, мне не следовало поступать, как будто я всего лишь своевольная дурно воспитанная девчонка, но мне вдруг захотелось сделать что-то такое, что доказало бы прежде всего мне самой, что я не кукла, разряженная и выставленная на потеху публике. Хмурясь этим мыслям, я вновь подошла к окну, раздернула портьеры и выглянула.

К моей досаде, окна спальни выходили в небольшой закрытый дворик, вымощенный плиткой, на которой стояли разнокалиберные горшки с яркими цветами и несколько огромных кадок с аккуратно подстриженными в форме шара деревьями.

Яркое солнце пробивалось сквозь заросли какого-то растения с огромными ярко-алыми ягодами, висевшими гроздьями на манер винограда, которым была увита деревянная решетка, имитировавшая крышу. Между темно-зелеными узорчатыми листьями проглядывало ярко-голубое небо. Не в силах сдержаться, я распахнула рамы. Теплый южный день буквально ворвался в комнату.

Воздух снаружи оказался наполнен запахами, в которых я узнала лишь цитрусовые нотки бергамота и что-то, отдаленно напоминающее жасмин. Где-то неподалеку журчала вода и раздавались мелодичные трели птиц. А еще пахло морем. Я закрыла глаза, буквально растворяясь в этом ярком зное полуденного юга.

— Мадонна! как вы прекрасны! — возглас заставил меня открыть глаза и посмотреть вниз. Мужчина в яркой одежде стоял между кадок и с изумлением рассматривал меня. Увидев, что я открыла глаза, он торопливо, но вместе с тем весьма изящно, сдернул с головы берет и склонился так, что длинные, тщательно уложенные каштановые локоны закрыли ему лицо:

— Позвольте выразить вам свое восхищение, мадонна!

Затем выпрямился и вновь посмотрел на меня, его улыбка была так заразительна, что я не могла не улыбнуться в ответ:

— Кто вы?

— О, я забыл назвать себя! Меня может простить лишь то, что я ослеплен вашей красотой, мадонна, но позвольте же представится: Боневенунто, Не Сидящий Ни Минуты... Художник, поэт, музыкант, которому выпало счастье еще в детстве обрести покровителя в лице могущественного графа Делроя Алайстера!

— Вот как? — я слегка напряглась при упоминании о Рое, но мой новый знакомый этого не заметил, продолжая свою речь:

— Именно так, мадонна! Мессэр граф известен как покровитель несчастных поэтов и художников, вынужденных зарабатывать за жизнь своим творчеством!

— Бедняжки, — отозвалась я в тон ему, — вам, наверное, приходится несладко!

— Именно так, мадонна! Вы не представляете себе, как это тяжело! Ведь, творя искусство, приходится угождать сильным мира сего! — он театрально вздохнул и развел руками, отчего полы его темно-фиолетового бархатного плаща разошлись, являя миру шелковую желтую подкладку. В сочетании с фиолетово-зеленым дублетом и синими штанами это было очень броско. Я вообще заметила, что мой новый знакомый склонен к театральным жестам. Удивительно, но это не вызывало раздражения. Тем временем он эффектно откинул плащ с руки и достал из-за спины лютню:

— Мадонна, о, позвольте мне пропеть строки, которые пришли мне на ум, лишь только я увидел вас!

Я кивнула, понимая, что, скажи я «нет», артист все равно это сделает. Боневенунто несколько провел рукой по струнам, лаская свою лютню, точно собаку, и запел на удивление красивым голосом:

Пламя заката –
Это расплата
За счастье лета,
Это награда
За лучик света,
Это услада
Долгих ночей...

Я настолько увлеклась серенадой, что пропустила приход Далии, очнувшись лишь тогда, когда она ахнула и буквально подбежала к окну.

— Боневенунто, ты бездельник, чтоб тебе пусто было! — закричала она на весь двор, перевесившись через подоконник. Мелодия оборвалась. Мужчина звонко рассмеялся:

— Далия, Далия, если ты будешь такой злобной, ты никогда не сможешь найти мужчину, который согреет тебе постель!

— Думаешь, меня это интересует?

— Матьер Богиня, неужели ты предпочитаешь женщин! Это же грех! — наигранно возмутился менестрель.

— Ах ты охальник! Выдумал же! — возмутилась, — Если все мужчины такие, как ты, то лучше спать в одиночестве!

— Бедняжка, да ты просто полна желчи! Хороший любовник — вот тебе рецепт от Боневенунто!

— Я не нуждаюсь ни в каких рецептах, болван! И будет лучше, если мэссэр граф не узнает, что ты тут бродишь!..

Далия осеклась и виновато посмотрела на Роя, который зашел в сад, привлеченный шумной перепалкой. При виде нашей, столь живописной, компании он лишь слегка приподнял брови, выражая свое изумление:

— А я гадал, что здесь за шум... ну конечно, Боневенунто! Вижу, ты вернулся из Лаччио?

— Мэссэр, — тот в несколько шагов пресек дворик и почтительно склонился над рукой своего покровителя, — Рад видеть вас в добром здравии.

— Лыстец, когда это тебя волновало, в добром ли я здравии?

— Всегда, мэссэр, — тот выпрямился и весело взглянул на графа, — Вы — единственный, кто регулярно платит мне жалование!

Рой усмехнулся:

— Иногда мне кажется, что я делаю это зря. Что привело тебя в наши края, помимо желания вновь на мне нажитья?

— О, мэссэр, вы несправедливы! Я был в Лаччио, расписывал потолок нового дома Его Святости... О, видели бы вы этот шедевр, мэссэр!!! Одни крылатые девы чего стоят! А краски! Я изобрел новый рецепт киновари...

— Расскажешь мне о нем позже, — оборвал его Алайстер, — почему вернулся так скоро? Его святость тебя выгнал?

— Ну что вы! До меня просто дошли слухи о скорой свадьбе нашего могущественнейшего д'ореза — мэссэра Гаудани. Весь Лаччио только и говорит, что об этом! Знатные мэссэры и мадонны обсуждают это с утра до вечера, и даже Его святость изволил сказать, что не ожидал такого завершения военного вопроса. «Боневенунто, — сказал я тогда сам себе, — Кто, кроме тебя, сможет запечатлеть столь пышное торжество? Кто сможет сложить балладу, достойную великого правителя и его нареченной? Твой талант нужен Лагомбардии!»

— И — в надежде на бесплатное угощение и выпивку, а также продолжительные маскарады — ты сорвался с места и приехал? — Роя не обманули высокопарные речи.

— Мэссэр, пытаясь приписать мне столь низменные мысли, вы оскорбляете искусство! — наигранно возмутился Боневенунто. Его покровитель проигнорировал это:

— Или ты принялся за старое, и в твоём бегстве повинна женщина, точнее, её оскорбленные родственники, — хмыкнул он, скрещивая руки на груди, — Ну и во сколько на этот раз оценивается поруганная честь?

— В том-то и дело, мэссэр, что они направились прямо к Его святости с требованием, чтобы я женился на этой торговке смоковницей, а ведь она даже не была девицей!

— Поэтому ты предпочел сбежать и переложить на меня все свои проблемы, — подытожил граф.

— Мэссэр, вы снова меня оскорбляете!

— Ты всегда можешь уйти, нанявшись к кому-нибудь другому, если тебе так неприятна правда...

Серые глаза внимательно посмотрели на художника, тот вновь склонил голову:

— Мэссэр, я не могу нанести такой удар тому, кто столько лет покровительствовал мне, делился со мной кровом и пищей.

— Скажи проще: никто не будет платить тебе столько же, сколько я! — усмехнулся Рой, затем перевел взгляд на нас с Далией. Признаться, мы обе бесстыже подслушивали этот разговор. — Так вот, дорогой мой, во всех смыслах этого слово, Боневенунто, позволь напомнить тебе, что молчание — всегда золото...

— Неужели я должен забыть эту прекрасную незнакомку, которую я имел счастье лицезреть в окне вашей опочивальни?

— Ты просто читаешь мои мысли.

— О, мэссэр, вы разбиваете мне сердце! Видеть красоту и не иметь возможности рассказать о ней...

— Выгоню, — кратко пообещал граф, слегка устав от этого словоблудия.

— Хотя в балладе я всегда могу петь о красоте незнакомки, — спохватился Боневенунто, поняв, что слегка перегнул палку.

— Лучше спой мне о Лаччио! Ибо слово — это все-таки серебро... — Рой вышел из дворика, сделав художнику знак следовать за ним. Я хмыкнула: а художник не так прост, как казалось!

Далия, стоявшая за моей спиной, выдохнула и, обойдя меня, достаточно громко хлопнула оконными рамами.

— Я же говорила, что не стоит подходить к окнам! — воскликнула она, — Хорошо вас увидел лишь этот бездельник и при этом не вспомнил про принцессу Кариссу!

— Мы действительно так похожи?

— Да. Удивительно, почему Боно не заметил этого.

— Он видел принцессу?

— В прошлом году он писал ее портрет для мэссэра Гаудани.

— Тогда, скорее всего, он заметил слишком много отличий, — предположила я, — Он же художник.

— Счастье, если это так! Впрочем, мэссэр граф наверняка посвятит его в свои планы.

Она стала составлять посуду с подноса на небольшой столик, столешница которого была выложена мозаикой из камней. Присмотревшись, я заметила, что руки женщины дрожат, а глаза подозрительно поблескивают, и испытала угрызения совести: не стоило все-таки так по-детски доказывать себе, что я могу не подчиняться приказам.

— Далия, я сожалею, что открыла окно... — начала я, но служанка лишь покачала головой, останавливая меня:

— Все равно этот бездельник вас приметит... у него просто нюх на хорошеньких женщин, столько лет одно и то же...

Я посмотрела на её расстроенное лицо, и меня вдруг осенила догадка:

— Ты расстроилась из-за слов этого Бен... Бон... менестреля?

— Он не менестрель, он — художник и поэт, — мрачно поправила меня Далия и украдкой смахнула слезы, — буду я еще из-за него

расстраиваться!

Она с силой поставила керамическую тарелку, и та раскололась пополам. Я вздохнула и взяла из ее рук половинки. Далия ойкнула, посмотрела на меня и выскочила из комнаты. Я сложила черепки вместе, поставила их на стол и принялась за еду.

Глава 4

Рой появился не слишком скоро, наверное, общался с художником. Вернее, получал сведения из Лаччио.

Я уже изнывала от скуки, когда хозяин дома, постучав и дождавшись моего ответа, вошел в комнату. Я сидела за столом, складывая черепки: к тому времени от нечего делать я расколотила несколько тарелок и теперь собирала их, словно пазлы.

Граф подошел к столу, внимательно посмотрел, затем положил несколько черепков, понял, что не подходят. Покачал головой и, будто невзначай, обронил:

— Может быть, вы желаете прогуляться?

— Прогуляться? — от неожиданности я даже подскочила на стуле, — И вы не боитесь, что меня кто-нибудь заметит?

— Опасаюсь, — мягко поправил он меня, — но в этом случае я заручился поддержкой вашего нового знакомого — Боневенунто...

Он с удовольствием понаблюдал за моим лицом, затем пояснил:

— Он будет сопровождать нас и уверять всех, что вы — его подмастерье.

— В вашем мире женщинам позволено быть художниками?

— Скажем так, это не возбраняется, но и не поощряется, поэтому вы переоденетесь в мужской наряд.

— Надеюсь, он будет чистый, — выпалила я, не задумываясь. Рой рассмеялся. Я слегка обиженно нахмурилась.

— Разумеется, — уверил он меня, все еще фыркая от смеха, — Более того, он будет совершенно новым.

— Интересно, откуда вы его взяли?

— О, это, в общем-то, не слишком трудно, главное — знать портного, — он улыбнулся, — Я скажу Далии, чтобы она помогла вам!

— В этом нет необходимости!

— Да? — Рой чуть наклонил голову, явно намереваясь сказать какую-то колкость, — Позвольте посмотреть, как вы одна будете расшнуровывать платье...

Я прикусила губу, поскольку совершенно забыла о шнуровках. Заметив это, граф удовлетворенно кивнул и вышел. Мне показалось, или он насвистывал какой-то веселый мотив.

Далия помогла мне переодеться. Теперь мой костюм, состоявший из

коротких штанов, шелковых плотных чулок, желтоватой рубашки, куртки с рукавами-буфами, нравился мне гораздо больше неудобного платья. Единственное, что мне вновь пришлось надеть под куртку — плотный жилета-баски, поддерживающего грудь на манер бюстгальтера. Высокие сапоги и короткий очень легкий плащ, надевавшийся через голову, завершили наряд. Но больше всего меня восхитили перчатки: из мягкой замши, с широкими раструбами. Я с наслаждением прошлась по комнате, покружилась, рассматривая себя в зеркале со всех сторон. Увиденное мне нравилось. Плащ скрывал фигуру так, что, не присматриваясь, меня действительно можно было принять за пухленького мальчика.

Служанка умело закрепила волосы на затылке, и когда я надевала бархатный берет с пером, казалось, что у меня достаточно короткое каре.

— Вы готовы? — окруженный свечением Рой возник в комнате так внезапно, что я даже подпрыгнула:

— Вы меня напугали!

— Простите, я решил воспользоваться порталом, — он протянул мне руку, — Таким же порталом мы переместимся за ворота усадьбы. Идемте.

Ожидая подвоха, я неуверенно вложила свою ладонь в его. Граф ободряюще мне улыбнулся и свободной рукой начертил какой-то знак в воздухе. Легкая вибрация, свечение, затем комната вдруг исчезла, а мы оказались стоящими на дороге среди полей.

Жаркий воздух буквально опалил меня, заставляя подставить лицо южному солнцу. Запах моря стал ощутимее, на этот раз смешиваясь с запахами луговых трав, легкий бриз приятно охлаждал кожу.

— Вы всегда так перемещаетесь? — я заметила, что граф наблюдает за мной.

— большей частью — да, это удобно, хотя очень опасно: существует ряд ловушек, способных поймать мага именно на выходе из портала. Но приходится рисковать.

— А Карисса? — вдруг спросила я. — Её не могли поймать, когда она выходила из портала?

— Она не воспользовалась порталом, — покачал головой Рой, в серых глазах мелькнуло беспокойство.

— Почему вы так уверены?

— Магией может обладать лишь глава рода, остальные используют амулеты, создаваемые им, и он легко может отследить все перемещения. Глава рода — Козимо Риччионе, и он не знает, где его сестра.

— И никак нельзя использовать амулеты других?

— Можно, но тогда останется магический след. Нет, она ушла из замка

по доброй воле, — он тяжело вздохнул и пробормотал что-то себе под нос. Я уловила лишь «уши надеру», из чего заключила, что беглянке не поздоровится.

Лошадиное ржание прервало наш разговор. Я обернулась. Боневенунто стоял позади нас, у кованых ворот, держа в поводу прекрасного гнедого коня. Две лошади стояли стреноженные в стороне, радостно поедая пожухшую пыльную траву на обочине дороги.

— Будто ты отцу никогда не помогал, — фыркнул Рой, забирая у художника поводья и легко вскакивая в седло. Гнедой радостно всхрапнул, намереваясь сорваться с места, но опытная рука сразу же успокоила его. Я с уважением посмотрела на графа.

Тем временем Боневенунто затянул подпруги на небольшом вороном мерине, явно предназначенном для меня, и помог сесть в седло. Затем все то же самое проделал с толстой серой кобылой, которая, с трудом оторвавшись от еды, недовольно посмотрела на хозяина. Даже не дождавшись, пока тот опустится в село, она лениво зашагала по дороге, художник, чудом не свалившись с другой стороны, тотчас осыпал ее сочными ругательствами.

Рой не стал ждать, пока Боневенунто выровняется, а выслал нетерпеливо пританцовывающего на месте гнедого вперед, моя лошадь послушно устремилась следом, серая кобыла безнадежно отстала, изображая рысь на месте, пока всадник хорошенько не пнул ее пятками по бокам, после чего она недовольно затрусила по дороге, делая вид, что очень торопится. Первое время мне было не до красот, я старалась приноровиться к ходу коня и проверить, насколько я помню вообще, как это все делается. Вороной оказался достаточно хорошо выезженным, моя память тоже не подводила, и я слегка расслабилась.

Рой с одобрением наблюдал за мной. Опытный всадник, он буквально сливался с лошадью, сидя так легко, как бывает, когда животное тебе полностью доверяет. Мы проехали по дороге, петлявшей среди перстрых из-за цветов холмов. Вилла графа стояла на самом высоком из них. Я оглянулась, стараясь запомнить местность. Рой ухмыльнулся, заметив мой маневр, но препятствовать не стал.

Достаточно небольшой дом, стены которого выкрашены охрой. Вокруг — сады, ступенями спускавшиеся к ограде. Яркие, правильной формы, разноцветные клумбы верхних террас перетекали в зелень деревьев у кованых ворот.

Вокруг виллы были поля: золотистые, зеленые, красные, за ними в дымке виднелись крыши небольших деревень.

— А вот и сам город, — Рой показал рукой куда-то вперед, я посмотрела и ахнула: впереди, над терракотово-красными крышами домов, стоящих очень плотно друг к другу, парили корабли. Отсюда они казались маленькими, почти игрушечными.

— Как это... — я всмотрелась, заметив, что у них не хватает днища.

— Это эффект высокого горизонта, — граф наслаждался моим изумлением, — на самом деле они, конечно, плывут по морю. И, надеюсь, сегодня пришвартуются на пристани.

— Вы говорите так, будто с нетерпением ожидаете из прибытия.

— Признаться, да, это мои корабли! — он усмехнулся.

— Аристократия не брезгует торговлей?

— К чему презирать то, что нас всех кормит? — слегка беспечно отозвался граф, — Торговля — вот процветание для нашего края.

Серая кобыла безнадежно от нас отстала, впрочем, ни нас, ни художника это не волновало. Тропинка все петляла, я не утерпела:

— Мы едем в город?

Рой покачал головой:

— Нет. Слишком жарко, не стоит напрягать лошадей.

— Тогда зачем вы вообще предложили эту прогулку?

— Вам же наверняка было скучно... — он замолчал, затем вдруг продекламировал:

— Если ждешь ты любви — торопись, поспешай,
Тебя ждет наш прекрасный и радостный край...
Сколько в мире вина и веселья вокруг,
Все найдешь только здесь, о, мой радостный друг!

Это было неожиданно.

— Чьи это стихи? — поинтересовалась я. Рой чуть дернул уголком рта, словно скрывая усмешку:

— Мои. Я был... скажем так, весьма романтичным юношей...

— И потом... — поддразнила я, слегка опьяненная воздухом и жарой. Но Рой помрачнел.

— А потом моего отца убили. Опрыскали ягоды витиса, это как ваш виноград, только ярко-красные ягоды, ядом вирозы... Кто-то очень хорошо знал его привычку после обеда ездить на виноградник и пробовать спелость грозди...

— И вы нашли того, кто это сделал, — я даже не спрашивала, но он

покачал головой:

— Нет, так и не нашел. Да и времени не было. Смерть отца породила раздоры в Лагомбардии, чем воспользовались Пастыри, втянув республику в войну с княжеством Риччионе.

— Почему вы не вмешались?

— Я? Конечно, вмешался, но был слишком молод, к тому же несколько лет, рассорившись с отцом, провел в Лаччио, намереваясь стать художником. Глупые мечты...

— Почему?

— Потому что до нашего друга Боневенунто мне очень далеко, — он грустно усмехнулся, — К тому же мое отсутствие подорвало авторитет нашего рода, и после смерти отца момент был упущен. Мне понадобилось достаточно много времени, чтобы восстановить мирные отношения двух стран.

— Они так важны для вас? — нахмурилась я.

— Конечно! По мне, так лучше торговать, чем воевать! — он остановил коня и очень серьезно посмотрел на меня, — Если Карисса исчезнет, Пастыри в Лаччио сделает все, чтобы война вновь вспыхнула, и тогда ее уже ничто не остановит... Выжженные поля, разрушенные деревни...

— И поэтому вы решили устроить мне экскурсию? — понимающе протянула я, испытывая странное желание задеть его, — Так надо было еще завести в какую-нибудь деревню, зайти в дом, дать поддержать кудрявого чумазого малыша...

— Я не думаю, что это поможет...

— Понятно. Да, красоты города впечатляют. Особенно огромный белый купол собора.

— Тампль, — поправил он меня, — Мы называем их так.

— Тампль, — послушно повторила я, — спасибо. Было весьма гм... познавательно!

Чувствуя, что во мне вновь разгорается злость на этого человека, я развернула коня и направилась обратно, в сторону дома, возвышавшегося на холме. Теперь он напомнил мне тюрьму или неприступную крепость.

Рой догнал меня, но не стал ничего говорить, просто молча поехал рядом. Я даже не смотрела на него, слишком оскорбленная всей этой показухой: лошади, поля, рассказ о себе, несчастном и одиноком... Я бросила взгляд на своего спутника. Он с равнодушным видом ехал рядом, будто нашего разговора и не было.

— О, наконец-то, кто же ездит в такую жару! — Боневенунто

присоединился к нам, когда мы проехали где-то две трети дороги. Его лицо подозрительно покраснелось, а глаза блестели. Он пристроился рядом и протянул мне пузатый глиняный кувшин, оплетенный лозой, — Ничто так не утоляет жажду, как дивный фьён, сделанный из ягод витиса!

Я невольно улыбнулась: ягоды-то разные, а напиток один, но кувшин не взяла:

— Простите, я при исполнении.

При этих словах Рой чуть сильнее стиснул зубы, словно сдерживаясь.

— Да? Жаль, — сделав вид, что он не понял моих слов, художник пожал плечами, обогнул меня и подогнал лошадь, поравнявшись со своим покровителем:

— Мэссэр?

Граф одарил его мрачным взглядом и коротко и емко сообщил, что он думает о местных пьяницах. Тот ничуть не обиделся, лишь отъехал на безопасное расстояние и, притормозив коня, сделал несколько больших глотков. Затем, тыльной стороной ладони вытерев губы, воскликнул:

— Тут не много и было!

После чего зашвырнул кувшин куда-то в сторону. Глухой стук возвестил, что керамика раскололась. Рой нахмурился, дернулся, но промолчал.

Подъехав к воротам усадьбы, он спешил, передал наших коней Боневенунто и вновь взмахнул рукой в воздухе:

— Прошу!

Я послушно шагнула в яркий белый свет и оказалась в комнате. Сразу же портал закрылся, разозленный неудачей Рой явно не собирался провожать меня.

Далитя помогла мне переодеться, затем принесла обед: фаршированного не то воробья, не то перепела, какие-то распаренные овощи, хлеб и фьён. При расспросах выяснилось, что эту птицу при жизни звали квал, и он приготовлен в фьёне со специями и ягодами, и это очень изысканное блюдо. Возможно, не стоило сразу после знакомства накидываться с ножом и вилкой, но я рассудила, что холодным он будет менее приятен. Во время обеда я попыталась расспросить Далию о Рое, но та отвечала очень уклончиво, и ничего нового мне узнать не удалось. Служанка собрала тарелки и вышла.

День тянулся очень медленно, я изнывала от скуки, совершенно не зная, чем себя занять.

Рассматривать гобелен, висевший на стене, мне быстро надоело, да и картинка была невеселая: тела жениха и невесты, пронзенные стрелами,

все пирующие вскочили со своих мест и пальцами указывают на двух розовых птиц, напоминающих наших лебедей, которые взмывают в небо. В памяти внезапно всплыла древняя легенда, когда влюбленные были застрелены ревнивым соперником на свадебном пиру и превратились в розовых птиц — анела.

Я с недоверием взглянула на гобелен. Вот интересно только, откуда я это все знала. Так же, как знала, что этот дом, по всей видимости, любимая загородная вилла графа Алайстера, главы могущественного рода, который являлся главой Совета десяти и фактическим правителем Лагомбардии. Даже нынешний д'орез был избран и обручен с морем по желанию Алайстера.

При мыслях о Гаудани сердце учащенно забилося. Лоренцио... это имя пришло само собой, как и воспоминание: темноволосый красавец, склонившийся к моей руке. Я буквально ощутила теплоту его пальцев, прикосновение губ к моему запястью... да что же это такое! Я затрясла головой, прогоняя наваждение.

Затем вскочила и закружила по комнате, пытаюсь понять, откуда все это в моей голове. Что-то подсказывало, что и окно с утра в знак протеста я открыла не просто так. Да и мое желание уколоть Алайстера на прогулке... Будто я была избалованной принцессой.

Взгляд упал на кольцо, которое сегодня утром граф надел мне на палец. Кажется, он сказал, что это — амулет. Возможно ли, что именно кольцо заставляло меня вести и думать, как Карисса? Вчера я бы лишь рассмеялась в ответ на такое предположение, но не сегодня.

Я решительно стянула кольцо с пальца, положила его на стол и прошлась по комнате. Ничего не случилось. Не было ни грома, ни молнии, сюда не примчался разгневанный хозяин дома. Мыслей тоже не было. Никаких. Ни своих, ни чужих.

Поняв, что для чистоты эксперимента мне необходимо выйти хотя бы в коридор, я задумалась. С одной стороны, Рой категорически запретил мне покидать комнату, с другой... маячок оставался в комнате.

Все еще колеблясь, я приоткрыла дверь и вышла, готовая сбежать в свое убежище при малейшем постороннем шорохе. Но, как я и предполагала, там никого не было. Соседняя комната была нечто средним между гостиной и кабинетом: большой стол, несколько стульев, удобный диванчик у стены. Я разочарованно вздохнула: на стенах, расписанных наверняка тем самым Боневенунто, был изображен парк.

Надо отдать должное мастерству художника, действительно складывалось ощущение, что находишься в волшебном лесу. Яркие цветы,

зеленые листья, красные гроздья местного винограда, витиса, и где-то вдалеке — синее небо с белоснежными облаками. В общем, все достаточно знакомое мне и без волшебного кольца.

Разочарованно выдохнув, я подошла к огромному окну, которое тоже выходило на тот же самый двор. Экспериментировать дальше было опасно, слуги могли меня заметить, поэтому я решила вернуться обратно в комнату.

Я не успела сделать и нескольких шагов по направлению к двери, когда вдруг по стенам пробежались желтые сполохи, после раздался оглушительный грохот, меня отбросило к стене, дверь, ведущая в спальню, разлетелась на кусочки, стены вздрогнули, а с потолка посыпалась штукатурка. Должно быть, я на несколько секунд потеряла сознание, потому что вдруг поняла, что стою за распахнутой дверью и держусь за ручку, а в комнате полно людей.

Кажется, они что-то говорили, но я не слышала, оглушенная взрывом. Это было даже забавно: смотреть, как они, словно рыбы, открывают рты, отчаянно жестикулируют, напоминая торговцев на рынке. Меня, полускрытую за дверной створкой, они не замечали. Я с каким-то отстраненным интересом рассматривала кусок штукатурки, лежащий неподалеку, там был изображен глаз птицы. Большой и круглый, два круга: белый и черный, внутри какие-то блики... Затем слух вернулся, и мир вокруг просто взорвался какофонией звуков.

Крики, оханье, испуганные возгласы, торопливые звуки шагов, хлопанье дверей — я все это воспринимала слишком отстраненно, словно смотрела представление в театре.

Слуги отчаянно жестикулировали и толкались, стараясь получше рассмотреть комнату, вернее, то, что от нее осталось: по всему полу были разбросаны доски от кровати, ошметки гобеленов и портьер, на которых, точно снег, лежал тонкий слой белого пуха, по всей видимости, из простыней и подушек. Далия вбежала одной из последних. Увидев спальню, она побледнела и буквально упала на ближайший стул.

— Что здесь... — негромкий голос графа перекрыл шум. Рой вошел в компании художника. Увидев, что стало с дверями спальни, они переглянулись и кинулись к перекошенному порогу. Боневенунто хотел войти, но Рой жестом приказал ему оставаться на месте, а сам прошел внутрь. Через несколько минут он вышел. Его лицо было очень мрачным. Качнув головой в ответ на вопросительные взгляды художника и Далии, граф посмотрел на слуг, все еще толпившихся в комнате.

— Можете идти, — ровным голосом произнес он. Те, спеша исполнить приказ хозяина, кинулись к дверям и тут же начали толкаться. Рой с какой-

то усталой злостью посмотрел на них, затем он заметил меня, все еще стоявшую за дверью.

— Вы живы! — воскликнул он. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга, я хотела потребовать объяснений, но не могла сказать ни слова: тело вдруг начала сотрясать мелкая дрожь. Потом мои ноги подогнулись, и я бы упала, не удержи граф меня за плечи в самый последний момент.

— Отп-пустите меня, — прошипела я. Голос дрожал, и получилось жалко. Рой, все еще прижимая меня к себе, покачал головой:

— Вы опять упадете.

— Отпустите! — упрямо повторила я, почему-то хватаясь за ткань его дублета. Мне было холодно и страшно. Рой заглянул в мои глаза, затем подхватил на руки, прижал к себе, словно намереваясь согреть, и понес куда-то через анфиладу комнат. Сил сопротивляться не было, да и уже прекрасно зная хозяина дома, это было бессмысленно. Голова кружилась, и я просто закрыла глаза и опустила голову на его плечо, погружаясь в какое-то странно состояние полудремы-полузабытья.

Очнулась я от прикосновения к губам холодного металла. Я невольно приоткрыла рот, и глотнула. Вода была просто ледяной, дыхание перехватило. Несколько капель обожгли кожу, приводя меня в чувство. Я обнаружила, что опять нахожусь в незнакомой мне комнате, правда, на этот раз вместо кровати я лежала на небольшом диванчике, а надо мной склонялся Рой.

— Очнулись, — удовлетворенно кивнул он. Я вдохнула и хотела подняться. Но он удержал меня, — Не торопитесь, иначе голова может закружиться.

— Да куда уж больше, — пробормотала я, стряхивая его руку и все-таки садясь.

— Ну, как хотите, — слегка раздраженно сказал он, все еще стоя рядом, словно желая поддержать.

Я медленно и очень внимательно осматривала комнату, в которой оказалась. Расписной потолок — очередной сюжет из мифов с неизменными розовыми птицами, мозаичный пол из голубого и зеленого ирхама, на этот раз с белыми прожилками, плиты уложены рядами. Вдоль синих стен, украшенных барельефами на мифологические сцены, стояли огромные шкафы с книгами. Резные, с вставками из голубого и серого перламутра, они сами по себе были уже произведением искусства.

Сквозь огромные арочные окна, разделённые лишь узкими колоннами тех же цветов, как и мозаика на полу, виднелись верхушки деревьев. Мне

вдруг подумалось, что, если открыть все эти окна, комната превратится в террасу, но, судя по всему, это редко делали. Тем не менее огромный массивный стол с резными панелями по бокам стоял так, чтобы сидевший за ним мог видеть панораму из окон.

Рой подошел к нему и со стуком поставил кубок на лакированное дерево, не заботясь, останутся ли вмятины. Вода плеснула через край, несколько капель попало на бумаги, граф недовольно нахмурился и смахнул их, чернильный след потянулся следом за его рукой к краю листа. Ругнувшись, Рой присыпал его песком и недовольно посмотрел на пергамент, словно тот был провинившимся слугой, затем отложил и вновь обернулся ко мне. Его внимательный взгляд скользнул по моему лицу. Он явно размышлял о чем-то. Заметив, что я смотрю на него, граф изобразил на своем лице улыбку и слегка натянуто произнес:

— Я бы хотел извиниться за то, что вам пришлось испытать в последнее время по моей вине.

Я недоверчиво распахнула глаза. В моем понимании извиняющийся граф Алайстер был сродни июльскому снегу. Впрочем, в Питере возможно было все. Наверное, в Лагомбардии тоже.

— Я был неправ, вовлекая вас в это мероприятие, — продолжал он, намеренно игнорируя мое удивление, — Но, поверьте, когда я продумывал план, я рассчитывал, что вы замените Кариссу лишь на несколько дней пути из Риччионе сюда, не более. С охраной двух стран и прочими атрибутами. Я ошибся. Игра стала слишком опасной, и магическая молния тому подтверждение.

— Магическая молния? — переспросила я.

— Да, заряд магии, который настроен на определенного человека и всегда попадает в жертву. Древняя магия.

— В спальне же никого не было, — возразила я.

— Был перстень. Тот самый, который я приготовил для вас. Я вплавил туда прядь волос принцессы: она подарила ее в медальоне своему жениху.

— И он отдал ее вам? — усомнилась вдруг я. Рой ухмыльнулся:

— Подарок передавал я, а толщину пряди никто не измерял.

— Мне следовало бы догадаться, — пробормотала я. Он с какой-то грустной насмешкой посмотрел на меня:

— Полагаете, от меня следует ожидать какую-нибудь подлость?

— Подлость? Нет, вы не способны на то, что сами считаете подлостью, но опасаться вас определенно стоит, — неуверенно поднявшись, я подошла к окнам. Рой остался стоять на месте. Если бы я не наблюдала за ним, то и не заметила бы мимолетного шага в мою сторону:

он явно намеревался мне помочь, но решил не делать этого.

Ноги все еще подкашивались от слабости, и я прислонилась к одной из колонн. Она была теплой, нагрелась за день от солнца.

Дом стоял на вершине холма, сад вокруг представлял собой несколько террас, на которых были разбиты причудливой формы пестрые клумбы, за верхушками тщательно подстриженных садовых деревьев пестрым ковром лежали холмы, между которыми петляла дорога. За ними виднелись серые купола собора и крыши города, а дальше простиралось море. Бирюзово-голубое, переливавшееся на солнце, оно уходило к высокому горизонту, где темно-синяя полоса воды сливалась с голубым небом.

— Лагомбардия... город мечты и любви... — раздалось у меня над ухом, — Мне жаль, что вы так и не увидели его...

Что-то было в голосе графа такое, что я обернулась. Он стоял, прислонившись к соседней колонне, и с грустью смотрел на виднеющиеся впереди красные крыши. Я вдруг заметила, что у него классический профиль, таким обычно древние скульпторы награждали богов. Было что-то такое... интимное в том, чтобы стоять вот так, друг напротив друга, до боли в глазах всматриваясь в синеющую даль моря над терракотовыми крышами и белоснежными куполами.

— Почему — не увижу? — тихо спросила я.

— Потому что игра зашла слишком далеко, и я не буду рисковать вами, — он даже не повернул головы, — Вы отправитесь обратно, в свой мир.

— Что? — я даже подпрыгнула на месте, не поверив его словам, — Вы откажетесь от всего? Ради чего?

Он повернулся, его глаза зло сверкнули:

— Я не убийца, что бы вы там обо мне не думали. Негодяй, мерзавец, но не убийца, а оставлять вас здесь равносильно тому, чтобы подписать вам приговор! Уж если они выследили вас здесь, в моем доме...

— Ну, положим, выследили они не меня, — пробормотала я, чувствуя себя как ребенок, у которого вдруг отобрали конфету. Сама мысль о том, что придется покинуть этот яркий мир и вновь отправиться на прополку, вызывала уныние.

— Какая разница? — отозвался Рой, — Все равно вам лучше выйти из игры, пока это не зашло слишком далеко. В этой комнате есть шкаф, пятый справа, на нем изображена змея, кусающая свой хвост, как вы знаете, это символ бесконечности. Бесконечности миров.

Он замолчал, давая понять, что сказал мне все. Я еще постояла, наслаждаясь видом, затем подошла к стене, где находились книжные

шкафы. Считать не пришлось, мозаика была слишком заметной. Змея, кусающая себя за хвост. Бесконечность. Бесконечность времени, бесконечность миров. Я внимательно посмотрела на изображение рептилии, на секунду показалось, что она ехидно смотрит на меня, проверяя, смогу ли... затем я нерешительно потянулась к дверной створке.

— Ну что же вы, — приободрил меня Рой, все еще стоя спиной ко мне и смотря на горизонт, — Смелее!

Я задумалась. Там, за дверью, был родной Питер, контора, дача, огурцы, скоро их надо будет закрывать в банки, опостылевший Макс, нормальная жизнь... Но, если быть честной с самой собой, в глубине души я всегда жаждала приключений, часто жалея, что родилась слишком поздно для безумных скачек и схваток под луной. Именно поэтому я пошла в пятиборье. И, стыдно сказать, именно поэтому согласилась работать на Литейном, надеясь, что в один прекрасный день случится чудо. И вот оно случилось, и при первой же опасности я должна сбежать обратно, в свою совершенно обыкновенную жизнь. С другой стороны, я — единственный ребенок у мамы, она и бабушка прожили свою жизнь и теперь пытались руководить моей. Они настояли, чтобы я поступила на экономический, они все время ворчали по поводу моей работы в ведомстве, хотя именно зарплата с этой работы позволяла нам жить нормально, да и сейчас, узнав обо всем, они наверняка не одобряют всю эту эскападу.

А ведь еще был сам Рой... И если я сейчас уйду, то никогда больше с ним не встречусь. Я развернулась и решительно отошла от шкафа:

— Знаете, я, пожалуй, останусь!

— Вы с ума сошли! — он обернулся и с изумлением посмотрел на меня, — Вы понимаете, что это опасно?

— Понимаю, — кивнула я, — И остаюсь.

— Извольте объясниться, — потребовал граф.

— Нет. Я приняла решение, — я вновь села на диванчик и демонстративно скрестила руки на груди, — и поскольку с вами я больше пить не буду, то единственный способ попытаться привести меня в состояние беспамятства — это стукнуть по голове чем-нибудь тяжелым!

— Не искушайте меня! — фыркнул он, с удивлением рассматривая меня, словно взвешивая все «за» и «против», — Скажите, зачем вам это?

— Если я отвечу, что из альтруистических соображений хочу помочь вам, вы поверите?

— Нет.

— Я так и думала. Тогда считайте, что я меркантильна и хочу обещанную вами премию.

— Вам нужны деньги? — напрямик спросил он. Я покачала головой:

— Деньги нужны всем. Они помогают нам стать независимыми.

Граф задумался, затем нерешительно кивнул головой:

— Хорошо, только потом не говорите, что я не предупреждал... С этого момента вся ответственность на вас. Последствия вы видели.

— Видела. Хотя... не могу понять, почему молния ударила в спальню, а не в меня?

— Маяком служило кольцо. Вернее, вплавленная туда прядь волос. Судя по всему, наши противники знали, что я использую амулет. Предполагалось, что двойник принцессы его не снимет. Никто же не мог подумать, что выслушаетесь приказа!

При словах «наши противники» я улыбнулась, понимая, что эта партия осталась за мной, а затем призналась:

— На самом деле, я хотела провести эксперимент...

Понимая, что именно сейчас не стоит ничего скрывать, я сбивчиво рассказала о своих ощущениях, когда кольцо было надето на мой палец. Вопреки моим ожиданиям, Рой очень внимательно выслушал меня, затем кивнул:

— Да, такое возможно. Эти амулеты фактически передают тому, кто их носит, часть памяти другого человека. Значит, и чувства, и мысли тоже этому подвластны. Интересное наблюдение.

— Простите?

— До вас никто не говорил об этом.

— Не считали нужным?

— Или не замечали, — Рой сел за стол, подвинул лист бумаги и, достав грифель, начал бездумно штриховать, — В любом случае мы знаем, что Кариссу пытались уничтожить.

— У вас есть предположения, кто стоит за всем этим? — без обиняков спросила я. Граф пожал плечами:

— Разумеется, Пастыри из Лаччио. Вопрос, кто в Лагомбардии связан с ними, а этого я пока не знаю. Многим знатым семействам с обеих сторон была очень выгодна война между нашими государствами.

— И кто выиграет больше всех?

— На самом деле — никто, но, думаете, кому-то до этого есть дело? — теперь голос Роя был полон сарказма, — Сиюминутная выгода — вот то, что все видят. И я не знаю, кто из них готов убить принцессу ради очередного мешка золота.

Я внимательно посмотрела на него:

— В связи со всеми событиями вы уверены, что Карисса жива?

— Да. Хрусталь в ее медальоне не стал светлым.

— Почему он светлеет? — спросила я. Рой улыбнулся. Отодвинул исчириканный лист и взял следующий. На этот раз его движения были последовательными и четкими.

— Сказать по правде, я как-то не задумывался об этом, — он взглянул на меня и вновь перевел взгляд на рисунок. Движения грифеля стали плавнее, — Все дело в том, что черный хрусталь прекрасно хранит все, что в него заключили. Возможно, попадая в него, кровь остается как бы живой, и лишь когда владелец умирает, она перестает быть прежней.

— И что же с ней происходит?

— Ну что может произойти с кровью? Кислород перестает поступать, и она сворачивается, — он с насмешкой посмотрел на меня, — В результате получается химическая реакция... уж это-то вы должны знать!

— Вы переносите меня в другой мир, показываете магию, а потом требуете, чтобы я вспомнила школьную программу! — возмутилась я, — Еще скажите, что магию можно объяснить с научной точки зрения!

— Если постараться, то можно, — согласился Рой, — Только зачем?

Он посмотрел на лист, по которому водил грифелем, едва заметно смутился и перевернул его. Я успела заметить, что там был набросок: портрет девушки, наверняка Кариссы. Я хотела попросить посмотреть, но он сжал руку, комкая бумагу:

— Теперь о главном: раз уж вы приняли решение остаться, вы полностью подчиняетесь моим приказам и не устраиваете самостоятельности, как с кольцом!

— Если бы я не устроила этой самостоятельности, то вряд ли сейчас сидела бы в этой комнате и выслушивала ваши требования, — отпарировала я, с удовлетворением заметив, что он вздрогнул, но тут же взял себя в руки:

— Это было исключение. Вы согласны с моим условием?

— У меня есть выбор?

— Либо согласится, либо, — он кивнул в сторону шкафа, — уйти.

Я внимательно посмотрела на него, затем на дверь. С деревянной панели на меня смотрела змея, кусающая себя за хвост. Мозаика была выложена так, что змея казалось живой, были видны малейшие чешуйки на ее теле, блеск немигающих глаз, маленькие точки-ноздри. Испытывая отвращение к змеям, я отвернулась к окнам, за которыми лежал новый для меня мир, полный красок и приключений, будоражащих кровь. Мир, где я была почти свободна от удушливой и чрезмерной опеки. Я встала, прошла по комнате, затем повернулась к графу:

— Я согласна.

Рой кивнул:

— Хорошо. Порталами сейчас пользоваться опасно, скорее всего, нас выследили именно по ним, кольцо Кариисы скрыло вашу сущность, но больше этой ошибки никто не допустит. Ни Лаччио, ни мы. Придется ехать, как обычные путники: знатная, но бедная дама со служанкой и охраной.

— Не слишком ли очевидно? — усомнилась я.

— Разумеется, нет! Доверьтесь мне, — он радостно улыбнулся. Мне подумалось, что на самом деле граф даже получает удовольствие, находясь в гуще событий.

Глава 5

Покидать виллу графа Алайстера мне пришлось, переодевшись в служанку. Закутавшись в плащи, с плетеными корзинами в руках, мы с Далией вышли из черного хода и, огибая сады, подошли к высоким кованым воротам.

Дальше пришлось идти по пыльной дороге под пока еще палящими лучами южного солнца. Уже минут через пятнадцать одежда прилипла к телу, а по лицу просто струился пот. Громоздкая корзина оттягивала руки, края лозы неприятно царапали кожу даже через ткань простого платья, которым со мной поделилась Далия.

Сама она легко шла впереди меня, словно и не было этой жары. Я с завистью посмотрела на нее, затем с тоской — на зеленевшую впереди рощицу, за которой нас должен был ждать Боневенунто с каретой и охраной. Идти предстояло не меньше получаса, и я приуныла. Далия, словно почувствовав мое настроение, обернулась:

— Потерпите, мадонна, роща ближе, чем кажется, тем более мы можем пойти через поля витиса.

Она махнула свободной рукой в сторону зеленых лоз, ровными рядами растущих неподалеку. Их огромные алые гроздья были тщательно подвязаны.

— Только осторожно, — предупредила меня служанка, — за кражу хоть одной ягодки здесь могут отрезать ухо!

— Граф так суров?

— Нет, это древний закон, и даже он не в силах изменить его.

— Я думала, он — хозяин своих земель, — фыркнула я. Далия смерила меня строгим взглядом:

— Именно так, поэтому, как никто другой, мэссэр граф прекрасно понимает, что нельзя разрушить за один миг то, что создавалось веками. Витис кормит соседние деревни, и они вправе защищать себя. Отмени граф это право, арендаторы почувствовали бы себя уязвленными, поскольку им отказали в праве защиты своего урожая.

— Понятно, — кивнула я, вслед за служанкой сворачивая с дороги и ступая на пожухшую от жары траву.

Между лозами веяло прохладно. Идти сквозь ряды было достаточно легко. Я внимательно осматривала растения, пытаясь сравнить. Лозы выглядели почти как наш виноград: отслаивающаяся тонкая кора,

узловатые лозы, огромные зеленые листья, почти с тем же рисунком. Лишь прожилки на них были красными, как и сами ягоды. Мне захотелось попробовать их на вкус, но я сдержалась, вспомнив предостережение Далии. Мы почти прошли поле, когда откуда-то сбоку раздался строгий оклик. Какой-то невысокий мужчина в полотняной рубахе, с расстегнутым воротом и в темных штанах бежал к нам по краю поля.

— Эй, вы, стойте! — потребовал он. Далия остановилась и выжидающе посмотрела на него:

— Джованио, здравствуй, — в ее голосе сквозила досада.

— Далия? — он остановился неподалеку, тяжело дыша, по его шее к груди, покрытой черными жесткими волосками, стекали струйки пота, — Я уж думал, кто чужой идет.

— В такую жару? — фыркнула она.

— В такую жару только чужие и ходят! Свои — то знают... а что тебя заставило?

— Да вот, надо родственницу в деревню проводить, — она мотнула головой в мою сторону. Джованио повернулся ко мне. Его глаза внезапно заблестели:

— Откуда такая? Ты ж вроде сирота?

— Дальняя кузина. С севера, — сухо пояснила женщина, — Ты долго нас еще на солнцепеке держать собираешься?

— Да ладно, дай мне с девушкой пообщаться! Редко в наши края такие красавицы заходят! — отмахнулся тот, намереваясь подойти ко мне ближе. От него разило потом и перегаром. Далия преградила ему путь.

— С женой приходи, вот и наобщаетесь, — веско произнесла она. При упоминании о жене, Джованио сник и попятился.

— Ладно, твоя правда, что вам лишнюю пыль глотать, — пробурчал он, старательно пряча взгляд. Служанка фыркнула и зашагала к рощице. Я поплелась за ней следом.

— Удачного пути! — совершенно искренне понеслось нам вслед. Далия по-особому скрестила пальцы на правой руке:

— Вот ведь! Так и беду накликать недолго!

— Почему? — я, пыхтя, переложила корзину из руки в руку.

— Потому что путь впереди, и лишь Создатель знает, какой он! — сурово сказала служанка. Я пожала плечами и поплелась за ней к заветной роще.

Мои надежды, что среди деревьев можно будет укрыться от солнца, не оправдались: мелкие узкие листья почти не отбрасывали тень, за ветвями виднелись остатки колонн словно здесь когда-то стоял храм. Рядом с

руинами стояло нечто, напоминающее ящик на колесах, в который были впряжены две унылые гнедые лошади. Бок одной из них был заляпан грязью. По всей видимости, это и была карета, нанятая Боневенунто.

Сам он лежал под одним из деревьев и азартно резался в карты с двумя мужчинами весьма сомнительной наружности: не то разбойники, не то бретеры. Во всяком случае, я бы не желала встретиться с ними в темном переулке: невысокие, коренастые, нос у одного из них явно сломан и свернут на бок, темные давно нестриженные волосы висели как сосульки. Одежда тоже оставляла желать лучшего: засаленные куртки из кожи с рядами металлических дисков размером с монету — имитация кольчуг, штаны из темной ткани, у одного из них штанины были разноцветные, выдавшие виды сапоги, манжеты и воротники рубашек.

Увидев компанию художника, Далия буквально швырнула корзину на землю и накинулась на него, словно бык на красную тряпку:

— Ах ты бездельник!!!! Да что ты себе позволяешь!

— Далия, любовь моя! — Боневенунто, отбросив карты, вскочил и ехидно улыбнулся, предвкушая очередную перепалку, — Чем я не смог порадовать тебя на этот раз?

Его приятели тоже поднялись и скованно поклонились мне, а затем с интересом посмотрели на служанку, которая придирчиво рассматривала ящик на колесах:

— Что ты притащил?

— Карету, как и повелел его милость, — хмыкнул художник, отряхивая свой камзол с разноцветными рукавами.

— Ты называешь *это* каретой? Полагаешь, мадонне будет достойно путешествовать там?

— Полагаю, что мэссэр граф отдал мне очень четкие распоряжения, и не тебе, женщина, их нарушать, — сухо отозвался Боневенунто, на секунду став серьезным, но тут же вновь заулыбался, уже обращаясь ко мне, — Мадонна, припадаю к вашим ногам! Надеюсь, вы сами не в обиде за столь скромную повозку. Уверяю, будь моя воля, я бы выбрал для вас золотую колесницу, усыпанную розами и фиалками.

— Это было бы не очень удобно: на такой жаре сорванные цветы быстро бы завяли, а если их ставить в горшках, то мне не хватило бы места, — отозвалась я, устало опускаясь под дерево и надеясь, что тень, отбрасываемая широким узловатым стволом, хоть как-то защитит от солнца. Щеки и шея уже горели, и я готова была сесть даже в катафалк, лишь бы уйти от обжигающих лучей.

Художник протянул мне флягу с водой:

— Мадонна, почту за честь, если ваши прекрасные губы коснутся края этой фляги.

— Я надеюсь, это не помешает вам потом ее хорошенько помыть, перед тем как наполнить вновь, — отозвалась я, делая глоток. Это оказалось вино. Или, как там оно называлось у них, в Лагомбардии, — фьён. Терпкое, сладкое, с явным привкусом малины, оно приятной прохладой разливалось по телу. Интересно, как ему удастся так долго оставаться охлажденным. Я внимательно посмотрела на флягу. Она была настоящим произведением искусства: из голубого металла, на котором было выбит мольберт и кисть, оплетенная тонкой коричневой кожей с голубым кантом. Ободок из черных камней шел вокруг горлышка. Такие же камни были на том самом кольце с прядью волос принцессы.

— Подарок мэссэра графа, — пояснил художник, по-своему истолковав мой интерес, — О, наш добрый хозяин всегда знает, чем угодить своим преданным слугам.

— Вам повезло с покровителем, — я вернула флягу, — Думаю, нам следует отправиться в путь. Наверняка мэссэр граф приказал, чтобы мы не задерживались?

— Именно, мадонна! — он с наигранным восхищением поцеловал кончики моих пальцев, — Пьетро, Паоло, разве я не говорил, что она прекрасна! Еще и умна! Редкое сочетание в женщине!

Далия презрительно усмехнулась и покачала головой. Я тоже усмехнулась, но своим мыслям: по случайности или же по какой-то прихоти, моих охранников звали, как покровителей нашего Петропавловского собора. Я решила, что это хороший знак.

Боневенунто проводил меня к карете. При ближайшем рассмотрении она была не пыльно-серой, как казалось вначале, а расписной. Вернее, была расписной много лет тому назад. Если сильно постараться, то по остаткам краски даже можно было угадать бледно-голубой фон и цветы на нем.

Внутри средство передвижения тоже не отличалось изяществом и комфортом: деревянная лавка, на которую были накиданы подушки, пропахшие лавандой и мускусом. Далия вновь презрительно сморщила нос, но промолчала.

Я нехотя заняла свое место, стараясь не откидываться на подушки, которые показались мне не слишком чистыми. Благо стекол в карете не было, лишь занавеси, которые служанка неплотно задернула, чтобы сквозь них проникал легкий ветерок.

Внутри тоже было непереносимо жарко, но, во всяком случае, крыша

защищала нас от солнца. Наши сопровождающие все вместе взобрались на скамью кучера, щелкнул хлыст, и карета покатила по потрескавшейся дороге, поднимая столбы пыли.

Уже на пятой минуте я проклинала и свою любовь к авантюрам, и графа, обманом заманившего меня сюда, и саму дорогу, по которой мы ехали. Карета действительно оказалась ящиком на колесах, и я всем телом ощущала каждый ухаб. Почти в отчаянии я посмотрела на Далию, которая сидела напротив меня совершенно расслаблено, устыдилась и попыталась последовать ее примеру.

Я проснулась оттого, что наше средство передвижения остановилось.

На неудобных подушках тело затекло, вдобавок голова просто раскалывалась от запаха лаванды. Далии в карете не было. Зато был прекрасно слышен ее пронзительный голос. Судя по всему, она отчитывала Боневенунто. Я с трудом поднялась и вышла из кареты.

Они стояли друг напротив друга, служанка — по обычаю, уперев руки в бока, художник — слегка затравленно оглядываясь в сторону своих приятелей, словно надеясь на помощь, но те предпочли сделать вид, что очень заняты лошадьми.

— Что здесь происходит? — негромко спросила я. Далия повернулась ко мне:

— Мадонна! Вы проснулись! Представляете, этот остолоп, — она кивнула в сторону Боневенунто, — предлагает нам заночевать в клирахе!

— Предпочитаешь ночевку под открытым небом? — устало огрызнулся он, — Постоялый двор занят. Буквально за час до нас туда приехал знатный господин из Наполио и занял все комнаты.

— Так перекупи их!

— Не могу.

— Почему же? — не поняла женщина.

— Потому что это сорвет легенду, — негромко пояснила я. — Бедная госпожа не может перекупить дом, не так ли?

— Мадонна! Все в точку! — обрадовался Боно, — вот сразу видно, что у вас нет недостатка в мужчинах!

— Это еще с чего? — насторожилась я. Далия фыркнула и отошла в сторону. Боневенунто проводил ее озорным взглядом:

— Мужчины любят умных и красивых женщин!

— Только женятся на дурах. — пробурчала я, — Если на постоялом дворе мест нет, то нам придется ехать до следующего?

— Боюсь, мадонна, это очень далеко, это — старый тракт, — заметил художник, — Мы специально поехали им, чтобы привлечь меньше

внимания.

— Тогда остается лишь ночевать под открытым небом?

— Ну... — протянул он, — Здесь неподалеку есть клирах...мы можем попросить пастырей о ночлеге, они не имеют право отказать нам.

— Пастыри? — я задумалась. С одной стороны, мне не хотелось привлекать к себе внимание, памятуя о последствиях удара магической молнией в спальню на вилле графа. С другой — ночевать под открытым небом я не любила. К тому же вспомнилась старая истина. Что прятаться лучше всего там, где тебя не будут искать, да и кто заподозрит бедную женщину, путешествующую в окружении нескольких слуг. Я огляделась по сторонам. И Далия, и Боно с тезками ангелов-хранителей моего города стояли и выжидающе смотрели на меня.

— Поехали в клирах, — сдалась я. Путь не занял много времени, и вскоре мы стояли у мрачных стен, в темноте казавшихся почти зловещими. Боно слез с облучка и громко постучал в ворота специально прикрепленным молоточком. С третьего удара смотровое окошко распахнулось. После достаточно эмоционального разговора, где сторож утверждал, что все беды от женщин, а художник не менее горячо настаивал, что это не повод оставлять мадонну ночевать под открытым небом, ворота распахнулись, и мы въехали во двор.

В дрожащем свете гль'ойнов я видела, что двор покрыт булыжниками, а вокруг высятся крепостные стены. Несколько мужчин в длинных одеяниях на манер римских тог стояли неподалеку и с явным недовольством смотрели на нас.

— Это клирах святого Базилика, — прошептала мне в ухо служанка, — мужчины здесь не любят женщин, ибо считают, что мы — самый большой грех, который допустил на земле наш Создатель. Поэтому они носят белые одежды, блюдут целомудрие и постоянно повторяют хвалебные речи своему святому, открывшему глаза на греховную сущность женщин.

Мужчины действительно что-то постоянно шептали. Боневенунто, распорядившись насчет отдыха лошадям, подошел к нам:

— Мы с ребятами заночуем у святош в зале для паломников, а вам придется пройти в гостевой дом, где вас закроют до утра. Только на этом условии они согласились пустить нас.

— Что значит — закроют? — напряглась я.

— Таков обычай, — художник пожал плечами. Я сердито посмотрела на него:

— Неужели ты не можешь вспомнить какой-нибудь закон?

— Вспомнить-то могу, но пастыри подчиняются лишь Истинному Пастырю, чей престол находится в Лаччио, так что мы лишь попросту сотрясаем воздух...

Я с досадой поморщилась. Признаюсь, что с художником и его людьми мне было бы спокойнее.

— К сожалению, лошади устали, да и на дороге уже ничего не видно, — вздохнул Боневенунто. Его тоже не радовала перспектива такой ночевки.

— Вы готовы? — раздался за спиной слишком приятный вкрадчивый голос. Я нерешительно посмотрела на своих сопровождающих, затем на этих мужчин в белых одеяниях. Их взгляды мне не понравились.

— Мы идем, пастырь, — откликнулась Далия.

— Сейчас, — мгновенно приняв решение, я потянула Боневенунто за рукав, — Дай мне свою шпагу!

— Что? — он слегка опешил.

— Шпагу, живо! — я сделала вид, что расправляю юбки, загородив собой художника, он отстегнул ножны и протянул их мне, я схватила их и постаралась как можно быстрее спрятать клинок в складках ткани. Благо в темноте он был не слишком заметен. Сердце тревожно колотилось, когда я подошла к мужчинам и улыбнулась:

— Простите, пастырь, мне нужно было убедиться, что слуги выполнят мои распоряжения.

— В этом нет нужды, мужчина всегда поступит разумнее, чем скажет женщина...

— Особенно если она ему пять раз это напомнит! — не удержалась я. Далия прикусила губу, скрывая улыбку, головорезы, сопровождавшие нас, расхохотались.

— Пастырь, простите наших спутников, они лишь грубые воины, — служанка попыталась сгладить впечатление, но не думаю, что ей это удалось. Недовольно посматривая на нас, один из мужчин в белых одеяниях проводил меня и Далию вглубь двора.

Пройдя под аркой, мы вышли в сад. В свете единственного гль'ойна мы едва различали тропинку, которая привела нас к небольшому домику, стоявшему в окружении каких-то ароматных кустов: не то жимолости, не то жасмина. Место было очень глухим и тихим. От этого тревога, снедавшая меня, лишь усилилась, и я крепче сжала шпагу, чуть вытащив ее из ножен.

— Прощу, — безучастно кивнул наш провожатый, подождал, пока мы зайдем, и запер за нами дверь. Громыкнул засов. Гль'ойн задержался, затем

выровнялся, освещая пространство. Мы с Далией переглянулись и вздохнули.

Дом оставлял желать лучшего. Побеленные и давно потрескавшиеся стены, на одной из них, напротив двери, висело небольшое продолговатое панно из полированного темного дерева, на котором был изображен одноглазый человек, висящий вниз головой, по всей видимости, аналог нашего распятия. За занавеской из небеленого полотна, делившую комнату на две неравные части, обнаружились бадья с еле теплой водой, несколько льняных полотенец и кувшин для умывания. Желание искупаться было велико, но я лишь обтерла лицо влажным полотенцем, уже жалея о решении приехать сюда.

Затем вновь вышла в комнату. Далия тем временем раскладывала наш нехитрый скарб на одной из кроватей. Я прошлась по комнате и попыталась посмотреть в узкие окна.

Они были закрыты ставнями и заперты снаружи, я внимательно осмотрела их, заметила щели, через которые, в случае чего, можно было шпагой попытаться поддеть засов. Тишина действовала на нервы.

Под удивленным взглядом Далии я вытащила оружие, слегка согнула его сначала в одну сторону, затем в другую, проверяя на крепость, затем встала в позицию.

— Мадонна, откуда... — служанка внимательно посмотрела на витую гарду: причудливо сплетенные листья виттиса — Это же шпага Боно!

— Верно! — подтвердила я, — раз уж нас заперли здесь без охраны, не оставаться же без оружия?

Шпага оказалась слегка длиннее и тяжелее, чем те, которыми я фехтовала, или это просто я уже все забыла. Я сделала пару выпадов, разминая запястье, затем попробовала финт и недовольно поморщилась: рука потеряла былую гибкость. Выпад, еще, и отход назад, ноги запуталась в ткани, я чуть не рухнула, лишь в самую последнюю минуту успела схватиться за стул. Шпага вылетела из рук и с грохотом упала на каменный пол. Я выругалась.

— Мадонна, тише! — взмолилась служанка, — вы всех разбудите!

— Не думаю, — беспечно отозвалась я, — Этот домик стоит слишком далеко, чтобы его хозяева могли услышать хоть что-то.

Словно вопреки моим словам, раздались шаги, затем тихий голос спросил:

— Мадонна, все ли в порядке?

— Да, все хорошо, — откликнулась я, поднимая шпагу и кладя ее рядом с кроватью.

— Но я слышал шум!

— Это я зацепилась за стул. Вы же знаете, какие женщины неловкие! — я даже не пыталась скрыть ехидство.

— Будьте осторожней! — как я и предполагала, он не заметил издевки.

— Мадонна, вам не следовало брать шпагу у Боно, — тихо заметила Далия, подходя ко мне, чтобы помочь снять платье.

— Почему? — пробурчала я, с наслаждением скидывая грязную одежду.

— Даме не пристало сражаться! Иначе что будут делать мужчины?

— Пить пиво и стонать, как они устали? — я вспомнила Макса, затем уныло посмотрела на Далию, — Давай спать?

Та послушно кивнула. По очереди мы искупались в бадье, затем легли на кровати. Гль'ойн погас. Вскоре по мерному дыханию своей спутницы, я поняла, что она спит.

Выспавшись в карете, сама я долго ворочалась на кровати, затем встала и подошла к окну, приникла к щели между ставнями, надеясь рассмотреть хоть что-то. В глубине сада скрипели цикады или какие-то другие твари. Темнота была такой, что ни монастырские стены, ни деревья не были видны. Зато над каменными громадами древних стен сверкали розовые звезды.

Они были чужими, как и все вокруг. Решительно отойдя от окна, я вновь легла на кровать. Сон все не шел. Очередной раз повернувшись в кровати, я вдруг услышала шаги. Кто-то явно направлялся к нашему порогу. Сердце тревожно забилося. Я на всякий случай аккуратно вытащила шпагу из ножен.

Дверь приоткрылась, заскрипели половицы. Я затаила дыхание, следя за темной фигурой, крадущейся по комнате. Незнакомец подошел к спящей Далии, внимательно всмотрелся в ее лицо, выпрямился и покрутил головой. Увидев меня, он почти беззвучно двинулся в мою сторону.

Я выждала, пока он подойдет почти вплотную, затем вскочила, отбрасывая одеяло на него, и выставила шпагу. Мужчина отшатнулся, бросил взгляд на клинок и, глухо ругнувшись, выхватил свой.

Мы замерли, не сводя глаз друг с друга, и я с удивлением заметила, что верхняя часть лица незнакомца черная. Он был в маске. Волосы были спрятаны под платком, повязанным на манер пиратов. Мгновения все тянулись и тянулись, затем незнакомец сделал обманное движение, будто хотел обойти меня, я дернулась, и он бросился к выходу, я помчалась следом, но он уже выскочил наружу и захлопнул дверь. Лязгнул засов. Я выругалась, едва успев затормозить, чтобы с размаху не влететь в

деревянную створку.

— Что случилось? — Далия проснулась.

— К нам приходил гость, — я с досадой посмотрела на дверь.

— Кто?

— Не знаю, он не представился, — съязвила я.

— Кто-то из пастырей? — допытывалась служанка.

— Не знаю. Он был в маске, — я присела на одну из кроватей, — Они должны надевать маску, когда входят в дом к женщине?

— Конечно же, нет! — воскликнула женщина, — зачем им маска!

— Чтобы не быть узнанным? — предположила я и тяжело вздохнула, — Думаю, что нам надо как-то выбраться отсюда.

— Пастыри это не одобряют, — покачала головой служанка. Я мрачно посмотрела на неё:

— А если нас убьют или похитят, то этого не одобрит граф. Боюсь, что одним визитом ночь не ограничится. Одевайся!

Ей пришлось подчиниться. Пока я натягивала платье, и потом Далия мне его поправляла, в голове возник план. Как только последний шнурок на платье был завязан, я подошла к окну и начала пытаться отодвинуть крючок с помощью шпаги.

— Почему бы просто не позвать пастырей? — спросила Далия, — И не рассказать им о незваном госте?

— А ты уверена, что наш незнакомец не один из них? — пропыхтела я. Бряцание железа о дерево возвестило о том, что попытка была успешной. Ставни нехотя раскрылись, и в комнату проник розоватый свет луны.

— Пойдем! — поманила я Далию следом за собой. Одна за другой, подобрав длинные юбки, мы вылезли в окно, прокрались между кустов, стараясь лишний раз не шуметь. Выйдя в соседний двор, я остановилась и покрутила головой. Необходимо было где-то переночевать. Взгляд упал на достаточно большое здание с огромным круглым окном над входом.

— Идем, — я подергала Далию за рукав, указывая на приоткрытую дверь.

— Но это же тампль! — испуганно возразила она, — Там общаются с Создателем!

— Ну вот, заодно и поговорим! — зло отозвалась я. Признаюсь, что в эту минуту, если бы кто-то набросился на меня, я бы убила его, не задумываясь.

К нашему счастью, внутри никого не было. Те же белые стены, как и в домике, ряды темных скамеек, в окнах были витражи, но в темноте ночи они казались тусклыми. У торцевой стены на полу стоял лист из синего

металла, на котором горели свечи.

Пахло воском. А еще — лавандой и полынью. Я поморщилась: никогда не любила запах лаванды, тем более здесь он был слегка навязчивым.

Далия прошла по проходу, между рядами скамей из темного дерева, остановилась у первого ряда, стала на колени и что-то зашептала. Наверняка молитву.

Вздыхнув, я попыталась улечься на скамью. Она была очень жесткой, выступы больно впивались в бока. Пришлось встать. Я оценивающе посмотрела на пол из голубых и зеленых плит, наверняка сырой и холодный. На всякий случай потрогала рукой. Он был не просто холодным, а ледяным. Так ничего и не придумав, я села, опустила голову на руки и наконец задремала.

Нас весьма бесцеремонно разбудили на рассвете. Кто-то из пастырей вошел в храм и попытался поднять шум.

Пришлось вставать, уверять, что на нас напало неудержимое желание всю ночь говорить с создателем, после чего, зевая, брести в сероватых сумерках на стены, окружавшие клирах, чтобы в торжественном молчании лицезреть первый луч солнца. Признаться, в другое время зрелище меня бы порадовало: миг, когда тьма обращается в серые сумерки, которые, в свою очередь, развеиваются розовато-золотистыми лучами светила, действительно заставлял затаить дыхание. Когда закончишь зевать от недосыпа.

Затем мы дружно, вернее, послушно, прошли в трапезную: большую комнату, где на длинном столе уже стояли миски с какой-то кашей, на вид напоминающей овсянку. Какова она на вкус, я пробовать не решилась. Лениво ковыряясь в тарелке, я с тоской подумала о своем фирменном кофе.

После завтрака нас попросту попросили уехать как можно скорее. Возможно, в этом сыграла свою роль моя непочтительность, во всяком случае, после разговора с тем самым пастырем, который нашел нас в храме, Боневенунто как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Сев в нашу расписную коробчонку, так я мысленно называла карету, я блаженно раскинулась на подушках, сквозь сон думая, что в мире все относительно. Возможно, наш экипаж и подпрыгивал на ухабах, но этого я уже не замечала, крепко заснув.

Проснувшись я оттого, что карета остановилась. Оказалось, что Боневенунто решил свернуть к каким-то очередным развалинам, чтобы переждать полуденную жару.

Из куска ткани, который художник извлек из недр походного сундука, мужчины быстро соорудили что-то наподобие навеса, под которым мы все

и расположились.

Пьетро с хитрым видом достал из-под скамьи кучера плетеную корзину, в которой оказались хлеб, несколько головок домашнего мягкого сыра, круг колбасы и два кувшина с вином, или, как его называли здесь, фьён.

— Приятель, неужели ты принялся за старое? — наигранно изумился Пауло, пожевывая сухую травинку. Он уже лежал на траве, с удовольствием вытянув ноги, — То-то я гадал, куда ты бегал всю ночь! Думал, что от этой пресной еды тебя выворачивает, а ты, оказывается, в погреба наведывался!

— Не завидуй, друг мой, — поучительно отозвался его приятель, выкладывая сыр и колбасу на камни и ловко нарезаая хлеб толстыми ломтями.

Я внимательно посмотрела на Паоло, мысленно сравнивая его с вчерашним незнакомцем. Он был ниже и явно толще, к тому же его руки не были столь белыми и холеными, как те, что я видела ночью. Этому трюку меня научили наши мальчишки: запоминать человека не только по лицу, но и по рукам. Способ был не совсем надежным, но сейчас помог. Руки Пьетро тоже оказались мозолистыми и грубыми.

— Мадонна, — окликнул меня художник, отвлекая от наблюдений. Он протянул мне один из кувшинов. Я вздрогнула и машинально посмотрела на его руки: с разноцветными следами от въевшейся краски, тонкими порезами от неудачных попыток заточить грифель, они тем не менее были достаточно красивыми, но тоже далеки от тех, которые я видела. Хоть это радовало. Я взяла кувшин. Кубков не было, и фьён пришлось пить из горла.

— Далия мне рассказала о незнакомце, — аккуратно начал художник, выждав, пока я сделаю глоток. Я кивнула и заметила вполголоса:

— Да. Твоя шпага пришлась кстати, он не был готов к тому, что я буду сопротивляться.

— Как вы думаете, чего он хотел?

— Не знаю. Но искал он именно меня. Или кого-то очень похожего.

Мы переглянулись. Боно бросил взгляд на приятелей. Но те были увлечены фьёном.

— Но не думаю, что искали именно меня, — быстро добавила я, — Шпага была для незнакомца полной неожиданностью.

— Теперь уже не будет, — предупредил меня художник, — надо обязательно рассказать это мэссэру графу.

Я кивнула и откинулась на нагретые солнцем камни, закрыла глаза. Пахло луговыми цветами и малиной. После бессонной ночи фьён буквально вскружили голову, и я наслаждалась этим полуденным отдыхом.

Сквозь ленивую дрему я слышала, как Боневенунто с набитым ртом рассказывал какие-то скабрезности, отчаянно жестикулируя. Дружки художника пили фьён, хохотали и звонко хлопали себя по бедрам, прося повторить особо смешную шутку. Далия сидела рядом со мной. Даже с закрытыми глазами я чувствовала, что она недовольно происходящим, но понимала, что возражать бесполезно.

— Вот пустозвон! — пробормотала она, думая, что ее никто не слышит. Я приоткрыла один глаз. Женщина сидела и с какой-то грустью смотрела на разошедшегося художника, — Хорошо мэссэр граф его не видит, иначе не избежать ему плетей.

Сон как рукой сняло. Я резко села?

— Плетей? За что?

— Сидит тут, пьянствует, охрана не выставлена... — пробурчала она и добавила чуть громче, — Боневенунто, ты опять врешь!

— Я? — он прервал свой рассказ о том, как муж его любовницы прятал художника в своем кабинете, чтобы тот избежал встречи со вторым любовником, — Я готов поклясться святыми мощами, что так оно все и было! Я в одной рубахе сидел и пил с мэссэром прекраснейший фьён, пока эта страстная козочка развлекалась с младшим отпрыском одного из знатнейших родов Лагомбардии...

— И муж был не против таких развлечений своей жены? — усомнилась я.

— Конечно, нет! Ему же нужно и украсить особняк прекрасными фресками, и продвинуться по службе! — совершенно искренне воскликнул художник под громкий хохот. Даже Далия улыбнулась, хотя ее лицо все еще выражало недовольство.

Увлечшись рассказом и принимая тент как щит, никто из нас не заметил, как к развалинам подъехал небольшой отряд. Мы опомнились лишь тогда, когда ткань, натянутая на колья, вдруг с треском сорвалась, опутывая нас, а знакомый голос произнес:

— Какая милая картина! Кто бы мог подумать!

Трепыхаясь, как рыба в сети, я с трудом выбралась из-под ткани и увидела Роя, неподалеку от которого стояло несколько мужчин в темных одеждах и кирасах с изображением единорога на груди. Я невольно почувствовала радость оттого, что они все здесь.

— Мэссэр, — художник уже почтительно кланялся, первым выбравшись из-под ткани, — Рад вас видеть в добром здравии.

— Поверь, это взаимно! — какие-то нотки в голосе его покровителя заставили Боневенунто вздрогнуть и опустить голову. И Пьетро, и Паоло

благоразумно затаились под упавшим на головы тентом, надеясь переждать бурю. Далии повезло больше всех, она сидела с самого края, и ткань просто соскользнула с нее. Служанка лишь поднялась на ноги и почтительно склонила голову.

Было заметно, что, несмотря на улыбку, застывшую на губах, граф был в ярости. Сделав несколько шагов, он с силой дернул ткань, бутылка жалобно зазвенела, фьён полился на землю. Художник шумно вздохнул, чем заслужил еще один яростный взгляд.

Пауло и Пьетро нехотя поднялись с земли и теперь делали вид, что старательно отряхивают одежду. Граф бросил взгляд на выливающуюся из бутылки жидкость, затем презрительно посмотрел на разбойников:

— Как я понимаю, кражей выпивки вы не ограничились?

Друзья переглянулись, Пьетро достал из кармана массивную цепь из зеленого металла с изображением висящего вниз головой одноглазого человека.

— Великолепно, — процедил граф, забирая реликвию и передавая одному из своих людей, — Посадите их под стражу, по возвращению в Лагомбардию, они предстанут перед судом.

Разбойники вновь переглянулись, затем разом бухнулись на колени:

— Мэссэр, пощадите!

— Мэссэр, это же верная смерть для них, — заметил Боневенунто, тоже побледнев, — Вы же знаете, что за воровство в temple их сожгут на костре.

— Ну, возможно, просто отправят на рудники... — Рой нарочито медленно снял перчатки, затем с насмешкой посмотрел на неудачных грабителей, — Хотя, как сказал мне сегодня Главный Пастырь клираха, эта цепь очень древняя...

— Мы же вернули ее, — робко возразил Пьетро.

— Вы украли ее и тем самым привлекли к себе ненужное внимание, — жестко возразил граф, затем помолчал и добавил, — На первый раз пять плетей, каждому. Если такое повторится, я лично повешу вас. Идите!

Пьетро и Пауло поднялись и медленно побрели в сторону людей графа. На ходу скидывая свои кожаные жилеты. Боневенунто пытался ускользнуть, но был остановлен Роем:

— Боно, с тобой я еще не закончил.

— Мэссэр?

— Когда я приказал нанять людей в охрану, я имел в виду отнюдь не этих головорезов, твоих дружков по дармовой выпивке в тавернах.

— Но, мэссэр граф, они — лучшие! Я не первый раз имею с ними

дело! Поверьте, что в бою им не будет равных.

— Если они доживут до боя, а не будут болтаться на дереве из-за очередной кражи, — хмуро возразил Алайстер, в раздражении похлопывая себя перчатками по ладони, — К тому же теперь о шайке разбойников, среди которых две женщины, не знает только глухой.

— Об этом я не подумал, — признался художник.

— Разумеется, — подтвердил граф, — Поэтому, чтобы тебе лучше думалось, я решил, что тебе стоит вспомнить твои прежние навыки и на все время нашего путешествия заняться лошадьми.

— Мэссэр! — Боневенунто поднял на своего хозяина несчастный взгляд, но тот сделал вид, что не заметил этого. Художник тяжело вздохнул и поплелся к лошадям. Я думала, что Далия будет торжествовать, но она с сочувствием смотрела ему вслед.

— Он же задыхается рядом с лошадьми, — тихо прошептала она.

— Он задыхается в конюшне, — мрачно поправил ее граф, — На свежем воздухе ему это не повредит.

Свист плети заставил меня вздрогнуть. Я невольно бросила взгляд в сторону, где один из солдат исполнял приказ своего господина. Пьетро стоял, опираясь руками на стену и прикусив губу, чтобы сдержать стоны.

— Что за варварство! — я не смогла сдержаться, — Прекратите это!

Тяжелый взгляд графа скользнул по мне. Я вдруг будто увидела себя со стороны: растрепанная, в грязном платье, с покрасневшим от солнца и фьёна лицом. Рой подошел ко мне почти вплотную.

— На вашем месте я бы поостерегся требовать от меня отмены наказания для этих воров, — вкрадчиво заметил он, — а то я могу решить, что вы с ними заодно... Кстати, зачем вы ночью вылезли из дома через окно и пошли в храм?

— Мне было очень скучно, и я не могла ни с кем поговорить! — раздраженно фыркнула я. Граф зло посмотрел на меня, и я заметила, что он как-то осунулся, а под глазами залегли темные круги.

— Оставьте ваши шутки для вашего полковника! — процедил он сквозь зубы, — И ответьте на вопрос.

— А если я не хочу, что тогда? — алкоголь все еще бурлил в крови, и мне казалось особенно важным отстоять право на свое мнение. — Меня постигнет та же участь, что и этих несчастных?

Я кивнула в сторону солдат, закончив экзекуцию, те сворачивали плети. Пьетро что-то сказал, и, к моему удивлению, все рассмеялись.

— Ну что вы! — Рой усмехнулся, — На вас здесь распространяется система наказаний, принятая у вас! Кажется, это отжимания?

— Вы перепутали отделы, — проинформировала я, — Отжимания — прерогатива силовиков, финансовые аналитики на задания не ездят, их просто могут лишить прем...

Я осеклась, глаза графа насмешливо блеснули.

— Продолжайте, — почти весело посоветовал он.

— Вы не можете меня заставить, — при мысли о том, что я могу лишиться премии, я пошла на попятную, — Вы не в праве это делать.

— Мне помнится, вы дали слово исполнять все мои приказы... — он отвернулся и с наигранной скукой посмотрел куда-то вдаль.

Я задохнулась от этой наглости, но граф молчал. Зло сверкнув глазами, я демонстративно легла на землю. Рубашка на груди предательски провисла. Далия охнула.

Рой резко выдохнул и чуть прищурился, стремясь скрыть подозрительный блеск в глазах. Я вдруг поняла, что слегка погорячилась, но отступить было поздно, и я начала отжиматься. Признаться, я не делала этого с того момента, когда бросила заниматься пятиборьем. Теперь я об этом пожалела.

Первые три раза еще прошли на энтузиазме, к четвертому я уже остыла, но упрямство не позволило мне встать. Стиснув зубы, я продолжала это унижительное занятие, злорадно посматривая на Роя. Он стоял со слишком скучающим видом, его выдавали лишь руки, слишком крепко сжимающие перчатки, да блеск в полуприкрытых глазах.

Десять, одиннадцать... Вскоре мне стало не до моего мучителя. Жара становилась просто невыносимой. Пот струился по лицу, рубашка так и норовила соскользнуть с груди, тугие шнуровки корсажа впивались в тело, юбки казались уже слишком неудобными и тяжелыми.

— Хватит! — раздался голос графа Алайстера где-то далеко. Упрямо отжавшись еще два раза, я поднялась. Руки дрожали, в ушах шумело от напряжения. Я сделала шаг куда-то к стене и пошатнулась, от жары и нагрузок голова кружилась. Крепкая рука схватила меня за плечо, помогая пройти в тень.

— Надеюсь, на этом наши разногласия закончились? — Рой протянул мне флягу, достаточно простую, лишь выложенный черными камнями вензель напоминал о хозяине.

Поколебавшись между собственной гордостью, вызванной его менторским тоном, и жаждой, я все-таки взяла ее и сделала маленький глоток. Вода была восхитительно холодной. Подавив в себе желание выпить ее всю, я тщательно закрутила крышку и отдала ее обратно.

Подождав, пока я окончательно приду в себя, Рой сразу же отпустил

меня, повесил флягу на пояс и направился в сторону лошадей, на ходу отдавая приказы.

— Мадонна, позвольте дать вам один совет, — Далия неслышно подошла и стала за моей спиной, — Никогда не спорьте с графом.

Я неопределенно пожала плечами и направилась к отряду.

Глава 6

Возок, в котором мы ехали, уже сломали и перевернули, вытоптав вокруг траву, словно здесь шел бой. Мне показалось, что я увидела пятна крови. Завязанная левая ладонь Пьетро, угрюмо посматривавшего на Боневенунто, подтверждала мои подозрения.

— Нельзя было обойтись просто следами борьбы, — ворчал он.

— Мой друг, конечно, нет! — воскликнул художник. — В таких схватках обязательно должна пролиться кровь!

— Но почему она должна быть моей?

— Потому что именно ты вытащил соломинку! — ухмыльнулся Паоло, за что получил в ответ убийственный взгляд друга. При виде меня все замолчали. Мои провожатые поспешили сделать вид, что заняты делами, а люди графа настороженно посматривали на меня, словно решая, стоит ли мне доверять.

Я сделала вид, что это меня не задевает, и подошла к художнику:

— Что происходит?

— Мэссэр граф решил, что дальше мы поедem верхом, — пояснил он, стараясь не смотреть мне в глаза, по всей видимости, от его цепкого взгляда не укрылось недавнее развлечение его хозяина, — Вам велено дать вороного.

— Хорошо, — кивнула я, направляясь к коню, которого держал один из людей графа, и спокойно забрала поводья. Вороной слегка повернул голову, я погладила его по белой проточине на носу. Он фыркнул и отвернулся, наверняка раздумывая, как бы ему отвлечь меня и наклонится, чтобы щипнуть травы. Под удивленно-уважительными взглядами я проверила подпруги, но подтягивать пока не стала.

Рой подошел через несколько минут. Его волосы были подозрительно мокрыми, словно он купался или же, что скорее, просто вылил на голову воду.

— Вперед, — скомандовал он, вскакивая на жеребца, которого ему подвел Боневенунто. В лучах солнца его конь казался золотым. Я невольно залюбовалась тонкими ногами и горделиво вздернутой головой этого животного.

Заметив мой взгляд, граф слегка нахмурился, затем посмотрел на своего жеребца и понимающе усмехнулся. Я сердито отвернулась, давая понять, что все еще злюсь на него.

Художник подошел, чтобы помочь мне сесть в седло, и лично подтянул подпруги. Затем сам вскочил на одну из лошадей, которую выпрягли из возка. Далия села позади него, достаточно крепко прижавшись к мужчине.

Пьетро и Паоло сели на вторую лошадь. Надо заметить, что их объятия были гораздо менее нежными. Они то и дело переругивались, стремясь отодвинуться друг от друга.

Невольно улыбнувшись, я поскакала за ними. Золотой жеребец буквально летел впереди к горам, фиолетовой дымкой виднеющимся на горизонте, и графу приходилось слегка его придерживать. Конь недовольно фыркал, но послушно следовал приказам.

Солнце припекало вовсю, и наше путешествие было недолгим. Дорога, пару раз вильнув, начала спускаться к зеленой роще.

— Мы остановимся здесь до вечера, — распорядился Рой, вновь придерживая своего жеребца, чтобы поравняться с нами. Затем он чуть отпустил руку, высылая коня вперед. Безданно отстав, я решила не гнать свою лошадь галопом, а перевела на шаг, позволяя отдышаться. Если граф и заметил это, то ничего не сказал.

В роще было прохладно. Я с наслаждением спрыгнула с коня, собственноручно расседлала и стреножила под удивленными взглядами мужчин.

Боневенунто дернулся было помочь, но я махнула рукой, словно говоря, что справлюсь сама, и он занялся жеребцом своего покровителя. Остальные начали разбивать лагерь.

Тем временем я просто села под ближайшее дерево, наслаждаясь настоящей тенью, отбрасываемой зеленой плотной листвой, от длительной езды ноги просто подкашивались.

— Боно рассказал мне о человеке в маске, — Рой подошел и стал рядом. На меня он не смотрел, наблюдая за тем, как его люди справляются со своими обязанностями, — Почему вы промолчали?

— Не успела, вы уже вовсю раздавали приказы об экзекуциях. — ссызвила я. Он повернул голову и все-таки взглянул на меня:

— Он вас напугал?

— Если я скажу «да» вы найдете его и прикажете высесть?

— Я убью его, — он сказал это спокойно, но что-то в голосе графа заставило меня поежиться.

— На самом деле все произошло слишком стремительно и было слишком похоже на сон, — призналась я. Рой кивнул и сменил тему:

— Здесь протекает небольшая река, если хотите, то можно освежиться.

Первым порывом было съязвить, но, судя по всему, он ждал именно этого, и я лишь ограничилась простой благодарностью:

— Спасибо.

Он странно посмотрел на меня, но ничего не сказал, потом кто-то подбежал к нему с вопросом, и граф отошел в сторону.

Мне было лень вставать, но соблазн окунуться в прохладную воду был слишком велик, пришлось подняться и пойти в сторону, указанную моим мучителем и начальником. Мой уход никто не заметил.

Петляя между деревьями, едва заметная тропинка привела меня к подножию холма, где и протекала река, по всей видимости, беря начало высоко в горах, фиолетовые пики которых виднелись вдалеке.

Вода была мутноватой, от нее веяло прохладой. Неширокая, с небольшими порогами-валунами, река стремительно текла куда-то к горизонту. Деревья и кусты бурно разрослись на берегах, образуя надежные завесы от чужих глаз.

Несколько минут я просто стояла, наслаждаясь тишиной и прохладой, затем, найдя достаточно укромное место, где кусты подходили к воде почти вплотную, начала раздеваться. Шнуровку решила не развязывать, лишь ослабила так, чтобы платье можно было снять через голову.

Скинув пыльную, пропахшую потом одежду, я скользнула в воду. Она была восхитительно прохладной, именно такой, чтобы разгоряченное тело остыло, но при этом не перехватывало дыхание. Окунувшись с головой, я сделала несколько гребков и перевернулась на спину, чувствуя, что вновь наполняюсь силами.

Мерный плеск реки успокаивал, приятный холод разливался по телу. Деревья склоняли свои кроны к воде, даря эфемерное ощущение защиты от остального мира. Было так хорошо лежать здесь, ни о чем не думая.

Поддавшись порыву, я закрыла глаза, отдаваясь на волю течения. Оно подхватило меня, неся куда-то, все звуки стали очень тягучими, словно приходили из другого мира. Открыв глаза, я вдруг поняла, что меня снесло на середину реки и я достаточно далеко от того места, где раздевалась.

Опасаясь, что кто-то может подсмотреть за мной, я медленно перевернулась, и встретила взглядом с Роем. Он стоял на берегу в одних коротких штанах и, скрестив руки на груди, пристально смотрел на меня.

Лицо графа, как всегда, было бесстрастно, и я не могла понять, о чем он думает. Судя по одежде, он собирался купаться. Заметив, что я наблюдаю за ним, он нахмурился, повернулся и отошел от берега. Можно было подумать, что мне это привиделось, если бы не ветки, все еще покачивающиеся там, куда скрылся мужчина.

Желание нежиться в прохладной воде прошло. Течение все еще сносило меня, и мощными гребками я направилась к своей заводи. Выскользнув на берег, я быстро натянула рубашку и поежилась. Ткань сразу же намокла и неприятно липла к телу. Нечего было и помыслить натянуть сверху платье. Треск веток заставил меня испуганно вздрогнуть.

— Мадонна, — окликнула меня Далия, пробираясь сквозь кусты.

— Я здесь, — отозвалась я, благодаря Бога, что это не граф Алайстер, с которого стало бы пробраться сюда, чтобы наговорить мне очередных гадостей.

— Мэссэр граф только что распорядился принести вам это, — женщина наконец вышла к берегу и неодобрительно посмотрела на меня, — Неужели вы купались в одной рубашке?

— Нет. Я купалась без нее, — хмуро ответила я, с каким-то мрачным злорадством наблюдая за ужасом на ее лице:

— Но это же... что было бы, если бы кто-то вас увидел!

— Откуда я знаю? — я пожала плечами, нехотая вспомнив Роя, стоящего на берегу. Громкий всплеск, разнёсшийся над водой, заставил нас обеих вздрогнуть.

— Вот, держите, — заторопилась она, протягивая мне сверток с одеждой.

Мне показалось, что в ее голосе вновь проскользнуло неодобрение. В отличие от меня, Далия была яростной поборницей приличий.

Я с интересом рассматривала свой новый наряд, состоявший из высоких сапог из мягкой кожи, коротких штанов, вязаных чулок, белоснежной рубашки и куртки. Ко всему этому прилагался очередной жилет-баска, как его называли здесь, нося вместо корсета, чтобы поддерживать грудь.

Всплеск повторился. Кто-то явно последовал моему примеру и решил искупаться. Опасаясь быть замеченной, я поторопилась натянуть на себя штаны и рубашку. Надевая чулки, я вдруг задумалась, все ли мужчины в этом мире носят такое. Впрочем, для них это, скорее всего, было так же обыденно, как для нас — носки. Зашнуровав жилет спереди, я натянула сапоги и накинула на плечи куртку.

Уже поднимаясь к лагерю, мы столкнулись с Роем. Судя по его мокрым волосам, именно его мы слышали, пока я переодевалась. Я напряглась, ожидая подвоха, но он лишь безразлично скользнул по мне взглядом, вежливо кивнул и зашагал вперед как ни в чем не бывало.

В роще мы пробыли до захода солнца, после чего, оседлав лошадей, вновь выехали на дорогу. На этот раз граф предпочел ехать рядом со мной.

Меня слегка смущало такое соседство, вдобавок приходилось следить, чтобы лошади не куснули друг друга. Вороной постоянно закладывал уши и щелкал зубами, жеребец Роя то и дело порывался встать на дыбы, чтобы проучить нахала, не признавшего его превосходства.

И если мой спутник справлялся без видимых усилий, то мне приходилось попотеть в буквальном смысле этого слова. Не спасало даже то, что к вечеру стало значительно прохладнее: от нагретой солнцем потрескавшейся земли все еще исходили волны тепла. Наконец мой вороной смирился и зашагал ровнее. Я слегка расслабилась и бросила быстрый взгляд на графа. Он с интересом наблюдал за моими действиями.

Это не прибавило мне настроения.

— Это что, очередное испытание? — не выдержала я.

— Простите?

— Вы специально подъехали так близко? Или это попытка не дать мне заснуть? — я подавила зевотку: в отличие от остальных, выспавшихся в роще, я не могла заснуть днем, и теперь с ужасом размышляла, как провести всю ночь в седле. Рой мягко усмехнулся:

— Скорее, попытка все-таки наладить отношения. Признаюсь, днем я слегка... перестарался. Я не имел права отдавать вам такие приказы.

— Не имели, — подтвердила я, вновь вспоминая унижение, которое почувствовала тогда.

— Тогда почему вы решили его исполнить?

— Чтобы показать вам всю абсурдность!

— Да, абсурдность была хороша, — пробормотал он и добавил чуть громче, не давая мне даже возмутиться, — Не переживайте, вам не придется ехать всю ночь, часа через три мы остановимся на ночлег... к сожалению, в силу тайны нашей миссии, ночевать придется под открытым небом.

Я лишь вздохнула, удрученная такой перспективой. Походы ассоциировались у меня не с единением с природой, а отсутствием элементарных удобств и комарами. Блуждать в темноте по кустам, распугивая местную фауну, возвращаться к костру, чтобы потом пропахнуть дымом, — нет, даже нарочно Рой, точно, не мог придумать для меня более изощренное издевательство.

— Если вы устали, то можем остановиться на ночлег раньше, — великодушно предложил мой мучитель, я покачала головой:

— Не стоит. Вы наверняка торопитесь, да и мне хочется побыстрее покончить со всем этим.

— Покончить... — задумчиво повторил он, — Возможно, вы и

правы...

Его взгляд упал на мои руки, и он недовольно нахмурился:

— Почему вы без перчаток? Вы же сотрете себе кожу!

— Наверное, потому, что у меня их нет.

Рой ругнулся и, придерживая коня, быстро снял с рук кольца, небрежно ссыпал их в кошель на поясе. Затем сдернул с рук свои перчатки и протянул мне:

— Вот, возьмите!

— Зачем?

— Хотя бы потому, что руки принцессы не должны выглядеть, как руки портового грузчика! Берите же!

— А... — что-то было в его взгляде такое, что я послушно взяла перчатки из серой тонкой замши и натянула на руки. Они все еще были теплыми. И очень большими. Мои руки просто утонули в них, я слегка растерянно посмотрела на Роя:

— Они слишком...

— Все лучше, чем держать повод голыми руками, — ответил он.

— А как же вы?

— Я? — он улыбнулся почти голливудской улыбкой, — Поверьте, радость моя, я слишком толстокож, чтобы поводья могли причинить мне вред.

Он тронул коня и поскакал вперед, догоняя остальных. Вскоре я услышала его веселый голос, Рой что-то спрашивал у Боневенунто. Художник ответил, и граф рассмеялся, слегка запрокинув голову.

Солнце скрылось за горами. Небо стало фиолетовым, по нему волнами прошлись золотые и оранжевые всполохи, затем все стало серым, и сразу же наступила темнота.

Розовые звезды зажигались одна за другой, затем из-за темнеющей впереди громады горного хребта выплыла луна. Вернее, молодой месяц, в отличие от нашего, висевший рогами вниз.

Было решено не гнать лошадей. Они уверенно шагали по едва заметной в темноте дороге, я вдруг обнаружила, что люди графа окружили меня достаточно плотным кольцом, не то стремясь защитить, не то опасаясь, что я сбегу, воспользовавшись темнотой.

Сам Рой ехал чуть впереди, внимательно посматривая по сторонам. Затем он поднял руку, приказывая остановиться.

Впереди нас на холме темнели очередные руины. Остатки колонн, полуразрушенная стена с проемом окна, через который было видно звезды и опрокинутую луну.

— Переночуем здесь, — распорядился граф.

Мы свернули с дороги и начали подниматься на холм. В темноте трава казалось черной и приходилось внимательно смотреть в нее, чтобы лошадь не оступилась. К тому же кони постоянно тянулись к траве, и их приходилось сдерживать.

Посмотрев на темноту под ногами, я просто спешила, отпустила подпруги и повела коня в поводу, ловя на себе завистливые взгляды мужчин из отряда. Они не посмели последовать моему примеру, и до руин я дошла гораздо быстрее, чем они.

Рой уже стоял о колонны, чудом уцелевшей от всех разрушений, если не считать мелких выбоинок на ее поверхности, да мха, растущего в щелях. При виде меня он слегка удивленно заморгал, затем рассмеялся:

— Я все-таки в вас не ошибся! Если есть два способа сделать что-либо, вы всегда найдете третий!

— Третий? — не поняла я.

— О, да. Вы могли либо высматривать путь для коня, либо поручить кому-нибудь из моих людей идти впереди вас. Но вы предпочли просто спешиться.

— Так безопаснее.

— Так же, как и ваше купание в реке сегодня! Кто вас надоумил сделать это?

— Вы же сами сказали про то, что можно освежиться...

Рой хмыкнул, потешаясь, скорее, над самим собой:

— И верно! Надо будет помнить, что вы всегда трактуете мои слова по-своему... Но купаться нагишом...

— Ну вы же не дали мне захватить с собой купальник, — огрызнулась я, внезапно вспомнив, как очутилась в этом мире.

— Он бы спас вас от насилия, если бы вас обнаружил какой-нибудь мужлан? — граф скептически вздернул бровь.

— Нет, но...

— Тогда предлагаю больше не спорить по этому поводу, — не дожидаясь ответа, подошел к вороному и с легкостью снял седло с его спины, — Давайте помогу.

— Разве вы сами не приказали Боневенунто заниматься этим? — я настолько устала, что действительно была благодарна за помощь.

— О, у этого пройдохи и так много дел, — он сгрузил седло вниз и заговорщицки прошептал, — К тому же ему тоже иногда надо дать возможность порисовать, иначе он озверееет.

— С Пьетро и Паоло вы не были столь лояльны.

— Потому что они действительно это заслужили. Этот мир лишен вашего так называемого гуманизма. Если бы я спустил им кражу реликвии, то однажды мы бы оказались в лучшем случае обокраденными, а в худшем — с перерезанным горлом, — он слегка улыбнулся, словно пытаясь смягчить жестокость своих слов. Я опустила голову, признавая его правоту:

— Простите...

— За что? — он вдруг дотронулся до моей руки, которая все еще была в его перчатке, — Они и вправду большие...

Я недоверчиво взглянула на графа. Он стоял и пристально смотрел на меня, его глаза были почти черными. Я вдруг осознала, что мы совсем одни.

Мы замерли на вершине холма, розовые звезды светили вокруг нас, а конь загораживал от солдат, разбивающих лагерь. Ночной воздух пьянил не хуже фьёна, где-то в траве скрежетали цикады.

Ветер доносил запахи цветов, от усталости кружилась голова, или это было от слишком пристального взгляда серых глаз графа. Мои губы раскрылись сами собой, словно ожидая поцелуя. Рука Роя потянулась к моему лицу, скользнула по скуле, очерчивая ее...

— Мэссэр, шатер готов! — один из стражников подскочил к своему хозяину и, заметив меня, слегка смутился. Вороной всхрипнул и отпрянул, я вздрогнула.

— Спасибо, Дино, ты даже не представляешь, до чего ты вовремя, — невозмутимо произнес граф и слегка насмешливо мне поклонился, — Мадонна, могу ли я просить вас оказать мне честь и провести с вашей служанкой ночь в моем шатре?

— Но... а... — я слегка растерялась, слишком уж двусмысленно прозвучала фраза.

— Я, разумеется, буду спать снаружи, со своими людьми, — подсказал мне Рой, вдоволь налюбовавшись моей нерешительностью.

Я бросила на него сердитый взгляд, внезапно заметила, что его рука все еще удерживает мою. Решительно освободившись, я направилась к белевшему у полуразрушенной стены небольшому шатру.

У самого входа я оглянулась. Граф Алайстер все еще стоял у коня, задумчиво поглаживая его по шее. Почувствовав мой взгляд, он поднял голову, улыбнулся и заговорщицки приложил палец к губам. Я укоризненно покачала головой и скрылась за белой тканью.

В шатре никого не было. Одинокий гль'ойн скупое освещал пространство, вырисовывая на ткани стен причудливые тени. Далия

заглянула поинтересоваться, не желаю ли я поужинать, я покачала головой: я настолько устала, что кусок просто не лез в горло. Она недовольно нахмурилась, но возражать не осмелилась. Лишь помогла мне раздеться, если она и заметила у меня перчатки своего хозяина, то ничего не сказала.

С трудом переставляя ноги, я прошла к походной кровати, напоминавшей нашу раскладушку, только рамы были деревянные, и просто рухнула на нее. Служанка погасила свет и, судя по звукам, тоже легла на свою постель. Вскоре я услышала ее размеренное дыхание. Я же ворочалась, пытаюсь устроиться поудобнее. Сон все не шел.

Я то опасалась очередного визита незнакомца, то вспоминала лицо Роя: нахмуренное, смеющееся, безразличное. К тому же в шатре было душно. Не в силах больше ворочаться, я встала, быстро оделась и вышла в темноту ночи.

Часовые, расставленные по периметру лагеря, скользили по мне взглядом и вновь отворачивались. Я медленно прошла к еще тлеющим углям костра, на котором готовили ужин. Вокруг него спали люди графа. Я совершенно искренне позавидовала им. Самого Алайстера среди них не было. Я сделала еще несколько шагов и увидела его, сидящего у колонны. Гль'ойн парил над ним, нервно подрагивая в такт руке, что-то чертившей в альбоме.

Сейчас граф, скорее, напоминал бродячего художника, нежели аристократа. Дублет был наполовину расстегнут, из-под него выбивались складки рубашки, темная прядь волос падала на лоб. Я невольно подошла ближе, стеклянный шар тревожно заметался, отбрасывая уродливые тени, альбом полетел на землю. Рой мягко вскочил на ноги, хватаясь за шпагу.

— А, это вы, — он не то разозлился, не то смутился.

— Я помешала?

— Нет, — он мгновенно подобрал разлетевшиеся листы, тщательно разгладил, спрятал их в папку и лишь потом снова взглянул на меня, словно спрашивая, что мне нужно.

— Душно... Мне не спалось... — я вдруг поняла, что оправдываюсь, прикусила губу и с мрачным вызовом посмотрела на графа. Он внимательно всматривался в мое лицо, ожидая продолжения, и я решилась, — На самом деле тогда, в клирахе, я испугалась...

— Расскажите мне, — потребовал он.

— Зачем?

— Я хочу понять, за кем из вас они охотились.

— За кем из нас?

— Давайте обойдемся без имен, — Рой чуть насмешливо посмотрел на

меня. Я прикрыла глаза, послушно вспоминая:

— Они нас закрыли...

Рой слушал, не перебивая, лишь все больше хмурился, когда я описывала визит незнакомца.

— Вы не запомнили ничего больше? — отрывисто спросил он, когда я закончила. Я покачала головой:

— Было очень темно. И маска... Он очень удивился, увидев у меня в руках шпагу. Как я понимаю, принцесса...

— Разумеется, нет! Но почему вы решили провести ночь в храме?

— У меня были варианты?

— Амбар. Или конюшня...

— К сожалению, у меня нет столь подробных познаний в архитектуре ваших клирахов или как их там... — огрызнулась я. Рой грустно усмехнулся и вдруг спросил:

— Почему вы всегда ищете во мне врага?

— Потому что ваши поступки далеки от дружеских? — предположила я, слегка сбита с толку тем поворотом, который приняла наша беседа. Серые глаза блеснули:

— Все еще злитесь на меня?

— Нет... то есть да, злюсь!

— Жаль, — он безразлично пожал плечами.

— Вас это не задевает?

— Самую малость.

— Вы — ужасный человек.

— Вы даже не представляете, до какой степени... — мне показалось, или в его голосе послышалась горечь. Я вопросительно посмотрела на него, ожидая пояснений, но он переменял тему:

— Через два дня мы вновь выедем к реке. Там проходит граница.

— Вы так и не нашли Кариссу?

Рой вздрогнул и почему-то моргнул:

— Нет.

Едва заметная пауза насторожила меня:

— Но...

— Она жива, — он достал медальон с портретом.

— Понятно, — я нахмурилась, затем вдруг спросила, — а ведь черный хрусталь используется не только в портретах, верно?

— Да, — он не стал лукавить, — как вы догадались?

— Фляга Боневенунто. И ваша.

— Да, камень можно использовать как стазис любого заклинания.

— Кто об этом знает? — насторожилась я.

— Почти никто. Я обнаружил совершенно случайно. Вот смотрите, — Рой мягко махнул рукой, и гль'ойн подлетел к колонне. В каменных стыках я заметила мерцание, — Древние использовали его в строительстве как защиту от чужой магии. Тогда его было очень много.

— А сейчас?

— Шахты почти иссякли, и мы не знаем, как искать новые. Секрет поиска утерян.

— И никаких записей?

— Лишь легенда: один юноша, который был слишком ленив, чтобы работать, пас коз в горах, одно животное отбилось от стада, он пошел за ней и упал в яму, в стенах которой увидел много темных странных камней. Ему показалось, что они достойны его внимания. Взяв несколько, он выбрался из ямы (как ему это удалось, я не знаю) и погнал свое стадо в деревню. Там он показал свои камни жрецам, но те отмахнулись и подняли его на смех. Ночью к ним явился сам Создатель, который попенял жрецам за их недоверие и сказал, что эти камни — его кровь. Она пролилась в тот момент, когда он, желая познать мудрость мира, выколол себе один глаз и повис на дереве вниз головой. На следующий день жрецы покаялись перед пастухом, приняли его в свои ряды, и тот отвел их к яме, чтобы они набрали камней. Ночью к жрецам опять явился Создатель и подарил им свои познания о магии. С тех пор магия властвует в нашем мире, — Рой замолчал. Я еще несколько секунд смотрела на него, очарованная мягким тембром его голоса.

— И что же случилось потом? — невольно спросила я, видя, что он не хочет продолжать.

— Темные века. Схоластические рассуждения — добро ли магия или зло. Сожжение на кострах тех, кто был неугоден власти... мы потеряли очень много знаний, в том числе — и как искать залежи хрусталя...

— А вы не пробовали?.. — я с любопытством посмотрела на колонну. Граф рассмеялся, совершенно верно истолковав мой взгляд:

— Нет, отсюда его достать невозможно. Тем более, если в хрустале хранится магическое заклинание, то заменить его на другое невозможно.

— И что хранится в этих стенах? Какая магия?

— Древняя очень мощная магия, защищающая жрецов. Именно поэтому я и приказал переночевать здесь.

— Но вы же не жрец!

— По матери я принадлежу к древнему роду жрецов. Стены защищают меня и моих спутников, — Рой весело взглянул на меня. Я еще раз

посмотрела на мерцающие в глубине колонн искры, затем на мужчину, стоящего рядом.

— Зачем вы убедили д'ореза жениться на принцессе? — вопрос вырвался сам собой. Граф задумался, затем пожал плечами:

— Его не надо было убеждать. Это была любовь с первого взгляда... так что... — Рой позволил себе усмехнуться, — я сделал больше: я убедил совет.

И, видя, что я не понимаю, пояснил:

— Согласно закону, наш д'орез не имеет право жениться на иностранке без одобрения совета. Старый закон, но он был как нельзя на руку нескольким семьям, имеющим дочерей на выданье. Пришлось проявить чудеса дипломатии.

— И почему я не сомневаюсь, что вам все удалось? — пробурчала я. Он улыбнулся:

— Наверное, потому, что в глубине души вы в меня верите?

— Вы себе льстите. Я просто считаю вас бессовестным интриганом, — я невольно улыбнулась в ответ и с трудом подавила зевок. Рой все равно это заметил.

— Идите спать, — мягко посоветовал он, едва заметно касаясь моей руки, — сегодня вас никто не побеспокоит, даю слово.

Я кивнула и послушно направилась к шатру, мысленно готовясь к бессонной ночи. Удивительно, но после этой беседы, я уснула, как только моя голова коснулась подушки.

Далия разбудила меня, как только я зарыла глаза, во всяком случае, мне так показалось. Судя по шуму, раздававшемуся за полотняной стеной шатра, лагерь сворачивали. Мы привели себя в порядок и вышли, позволяя свернуть шатер и погрузить весь нехитрый скарб на выючных лошадей.

Наскоро собравшись, мы выехали еще до рассвета, намереваясь пройти как можно больше до того времени, когда солнце заявит свои права, превращая землю вокруг в пекло. В рассветных сумерках все вокруг казалось каким-то нереальным: туман, скапливавшийся в низинах, высаженные в линию высокие деревья, напоминавшие кипарисы и служившие границами наделов, неровные силуэты гор, высившихся вдали.

Темное небо вдруг стало фиолетовым, затем красным, затем — огненно-золотым. В какой-то момент стало казаться, что облака буквально понеслись по небу, пытаясь убежать от яркого солнца, выкатывающегося из-за горизонта. Туман медленно уползал в лощины.

Яркий диск взлетал все выше и выше, и скоро воздух вновь стал раскаленным, как и вчера. Пыль от дороги вздымалась столбом, чтобы

осесть на одежде, она липла к коже, скатываясь с капельками пота некрасивыми серыми разводами.

— Неужели здесь не бывает дождей? — вопрос был, скорее, риторическим.

— Бывают, но редко, — Боневенунто поравнялся со мной.

— И как же здесь все растет?

— Среди холмов много ручьев, да и выращивают здесь в основном то, что может выдержать засуху, — прищурившись, он посмотрел на солнце, — День будет жарким.

Я очередной раз вытерла лоб рукавом, мечтая лишь о том, чтобы мы остановились, но граф неумолимо гнал нас всех вперед. Оставалось только стиснуть зубы и следовать за золотым конем, так легко летевшем над дорогой.

Рой сжалился над нами лишь в полдень, мы вновь свернули с дороги к небольшой группе деревьев, стоявших на холме. Шатер ставить не стали, предпочитая почти незаметную тень, отбрасываемую узколиственными деревьями. Спешившись, я передала поводья Боневенунто и буквально свалилась под дерево, даже не пытаясь найти более удобное место. Тело, давно отвыкшее от физических нагрузок, болело так, что я просто не могла даже сидеть, не говоря уже о том, чтобы вскочить и нестись куда-то.

Лежа под узловатым стволом, я с завистью смотрела на графа, который все еще был на ногах, раздавая указания. В эту минуту он казался мне сделанным из стали. Он заметил мой взгляд и слегка нахмурился, словно спрашивая, что случилось, я покачала головой и отвернулась, просто наслаждаясь передышкой.

— Как вы? — Рой подошел чуть позже, когда часовые были выставлены.

— Жить, наверное, буду, — я с благодарностью взяла флягу и глотнула прохладной воды, — Вы ведь это хотели узнать.

Он дернулся, но промолчал, лишь отошел, оставив мне флягу. Сделав еще несколько глотков, я откинулась на ствол и задремала.

Вечером мы вновь собрались в дорогу. Я закусила губу, чтобы не расплакаться, когда садилась в седло. Я безумно любила ездить верхом, но это путешествие с его монотонностью, ранними подъемами и марш-бросками по пересеченной местности доводило меня почти до истерики.

Вдобавок я все-таки стерла себе пальцы, и теперь даже перчатки Роя не помогали. Приходилось держать повод в кулаке, но и это не спасало. Солнце уже скрылось за горизонтом, розовые звезды вспыхивали на небе одна за другой, а мы все ехали и ехали. Я чувствовала, что меня начинает

тошнить от этой тряски, пыли, которой я была покрыта с ног до головы, все не заканчивающейся жаркой духоты, когда граф, бросив на меня обеспокоенный взгляд, резко остановил коня и объявил очередной привал. Уже не чувствуя ног, я слезла с коня и попыталась подойти к тому месту, где ставили шатер, но смогла лишь отойти в тень, после чего ноги просто подкосились. Я буквально рухнула на землю, понимая, что больше не могу сделать и шага.

Рой подошел ко мне, молча подхватил на руки и занес в шатер, аккуратно положил на кровать и тут же вышел. Я растянулась поверх одеяла и моментально заснула.

Глава 7

Проснулась я, когда, судя по теням на белой ткани стен, солнце было уже достаточно высоко. В шатре никого не было.

Всласть повалявшись, я встала. Спина и ноги все еще болезненно ныли, но не настолько, чтобы я оставалась в постели. Найдя расческу, я с трудом расчесалась и заплела волосы в косу, после чего вышла наружу.

Вчера я и не заметила, что мы вновь остановились у руин. На этот раз это были развалины какого-то храма. Полуразрушенные колонны из голубого с белыми прожилками камня, сквозь стыки которого поблескивали знакомые черные искры, стояли в два ряда, образуя прямоугольник, два щербатых фронтона говорили, что над ними когда-то была крыша.

Шатер установили в углу, используя остатки строения как опоры. Роя нигде не было видно. Часовые, выставленные по периметру бывшего храма, не знали или не хотели говорить, где граф, зато с готовностью указали мне на небольшой ручеек, протекавший неподалеку, и проинформировали, что мне позволено туда ходить, и что никому пока неизвестно, когда мы вновь отправимся в путь. Я медленно направилась к воде, испытывая наслаждение оттого, что не надо никуда спешить.

Тоненькая струйка воды вытекала между камней и лилась вниз, в густую траву, растущую в трещинах каменной чаши, на бортике которой виднелась полустертая вязь. Я задумчиво провела по ней пальцами, гадая, что она может означать.

— Это было древнее святилище, посвященное богини любви, — раздался голос совсем рядом, — Думаю, Боно сможет рассказать вам больше.

Я обернулась. Рой стоял у одной из колонн, той, что надломилась посередине. Он был лишь в штанах и рубашке, грудь вздымалась, словно он только что бежал кросс, в руке были зажаты две шпаги. Боневенунто, слегка понурый, маячил чуть позади и уныло рассматривал проколотую в нескольких местах рубашку.

— Мэссэр, право слово, какой демон в вас вселился? — недовольно ворчал художник, — Можно подумать, у меня с собой целый сундук одежды.

— Прости, дорогой друг, я действительно слегка погорячился, — примирительно произнес граф, кладя шпаги на землю и зачерпывая воду,

чтобы умыться.

— Слегка? — художник выразительно посмотрел на бурые капли, видневшиеся на белой ткани, — да вы меня чуть не проткнули, как цыпленка!

— Поверь, я слишком ценю твой талант, чтобы, как ты выразился, «проткнуть тебя», — фыркнул Рой, садясь на каменный борт.

— Как знать, — пробурчал Боневенунто, тоже умываясь, — Только вот кто теперь будет мне зашивать рубашку?

Он жалостливо посмотрел на меня, пытаясь вызвать сострадание, я отпрянула:

— Даже не проси меня об этом!

— Почему? — графа слегка позабавили и смущение художника, и ужас, отразившийся на моем лице.

— Потому что шить я не умею. Как и вышивать, — отрезала я, игнорируя огоньки смеха, плясавшие в серых глазах.

— Зато умеете фехтовать, верно? — граф мягко, с грацией акробата, поднялся, потянулся и, подхватив с земли шпаги, протянул их мне, — Выбирайте!

Я недоверчиво посмотрела на него, ожидая подвоха.

— Смелее! — подбодрил он, — вы же умеете с ней обращаться!

Я задумчиво посмотрела на клинки. Абсолютно одинаковые, черная сталь с синеватыми искрами внутри, эфес в виде переплетенных листьев надежно защищает руку, в навершие вплавлен черный камень. Неуверенно протянув руку, выбрала один из них, проверила баланс по руке. Опять слегка длинноват, чуть больше привычного, но легкий и очень удобный. Шпага была настолько мне по руке, что я не удержалась и взмахнула ей, со свистом рассекая воздух. Сталь тут же натолкнулась на сталь: Рой выставил свой клинок, скрещивая с моим.

Серые глаза испытующе смотрели на меня, словно поддразнивая, и я приняла вызов, о чем вскоре пожалела. Здесь не было привычного для меня покрытия для боя, трава скользила под ногами, вдобавок Рой кружил, вынуждая меня разворачиваться лицом к солнцу. Разгадав его маневр, я постаралась, пробив защиту, как можно более резко уйти в нападение, но он успел выставить клинок, шпаги столкнулись гардами, и я отскочила, прекрасно понимая, что в силе я все равно проиграю.

Это было словно завораживающий танец. Финт, укол из положения сверху, шаг, прыжок, защита, контратака, финт прямо, перенос со средней дистанции, попытка прорваться, чтобы задеть тело противника, опять укол, на этот раз я попыталась пробиться снизу, но раз за разом, мой противник

разгадывал все мои маневры. Сталь зазвенела о сталь, вдруг моя шпага вылетела из рук и приземлилась неподалеку. Острие клинка Роя замерло в сантиметре от моей груди.

Тяжело дыша, мы смотрела друг на друга темными из-за расширенных зрачков глазами, лицо Роя было покрыто капельками пота, затем откуда-то сбоку раздались аплодисменты.

— Bravo! — Боневенунто подскочил к нам, разрывая магию, — мадонна, вы были великолепны! Какая техника, какие выпады!

— Да, но я проиграла!

— Не переживайте, моя дорогая, — в своей обычной, слегка насмешливой, манере отозвался Рой, — Многие мужчины не продержались бы столько, сколько держались вы.

Он подошел к ручью, зачерпнул воды и начал жадно пить. Затем, поплескав себе на лицо, повернулся ко мне:

— Рад, что вам уже лучше. Завтра мы выдвинемся в путь еще до рассвета. Нам необходимо выйти к границам Риччионе.

Не дожидаясь ответа, он направился к своим людям. Я подошла к ручейку, набрала полные ладони воды и опустила туда разгоряченное лицо. Кровь все еще бурлила, в ушах раздавался звон стали, тем обиднее был проигрыш.

— Не переживайте, мадонна, — Боневенунто все еще стоял рядом, прекрасно видя, что я расстроена, — Мэссэр граф по праву носит звание первой шпаги Лагомбардии. Между нами, вы выбрали себе лучшего покровителя.

— Выбрала себе кого? — подскочила я, все еще надеясь, что неправильно поняла слова художника.

— Покровителя... — художник даже потер руки, словно предвкушая удовольствие, — Уверяю, мадонна! Это — великая честь! Все дамы Лагомбардии просто умрут от зависти, когда узнают...

— Для меня эта честь кажется весьма сомнительной, — резко оборвала я его изыскания.

— И никто ничего не узнает, Боно! Никто и ничего! — Рой стоял за моей спиной. Хотя его губы и кривились в улыбке, глаза снова были темными, на этот раз от злости.

— Да, мэссэр! — Боневенунто низко, как и положено слуге, склонил голову. Не глядя ни на кого, Рой подошел к шпаге, все еще лежавшей в пожухшей траве, подобрал ее и, приказав художнику следовать за ним, вновь поднялся к руинам.

Я присела на каменный бортик и вздохнула. Ну что мне стоило

сдержаться и не поддразнивать Алайстера. Прав был Павел Андреевич, когда говорил, что язык мой — враг мой. Вот и сейчас не смогла удержаться, хотя наживать себе врага в мире, где нет друзей, по меньшей мере глупо. Я встала, с тоской посмотрела на холм, где расположился лагерь, и медленно побрела вверх, понимая, что придется проявить мудрость и попросить у графа прощения.

Рой был занят со своими людьми, его голос звучал очень отрывисто, меня он не замечал, и я трусливо сбежала в шатер, решив повременить с извинениями.

В шатре время тянулось невыносимо медленно. Жара усиливалась. Белые полотняные стены препятствовали робким дуновениям ветра и лишь усиливали духоту.

Я бросила быстрый взгляд на Далию, безмятежно сидевшую на краю кровати и штопающую рубашку, по всей видимости, по просьбе Боневенунто. Она на секунду подняла глаза, затем вновь занялась штопкой.

— Не понимаю, к чему все это? — раздраженно бросила я.

— Мадонна? — она вновь посмотрела на меня, слегка нахмурившись.

— К чему сломя голову нестись по безлюдной дороге, чтобы потом вот так тратить день на отдых?

— Полагаю, у мэссэра графа на то свои причины, — она перекусила нитку и занялась второй прорехой.

— Ну конечно, и ты о них даже не догадываешься, — пробормотала я. Она вздохнула, не отрываясь от латания:

— Что толку гадать? Если вам так хочется знать, спросите его сами.

Я бросила на нее пристальный взгляд, но она сделала вид, что полностью поглощена своим занятием. Я вновь закружила по шатру, затем, признавая правоту слов служанки, вышла наружу.

Вокруг белели куски ткани: спасаясь от зноя, люди графа натянули небольшие тенты и теперь дремали под ними, не повезло лишь часовым: обливаясь потом, они с завистью посматривали на более удачливых товарищей. Я аккуратно прошла мимо, стараясь не привлекать к себе внимания.

Сам граф обнаружился за одной из колонн. Опираясь на нее спиной, он что-то быстро зарисовывал в уже знакомый мне альбом. Услышав шаги, он стремительно обернулся:

— А, это вы!

Листы опять рассыпались. Один из них упал мне под ноги. Я наклонилась, чтобы поднять его. Это был набросок. Полуразрушенная колонна, над которой висел молодой месяц. Я бросила быстрый взгляд на

графа. От меня не укрылось, что он слегка напрягся. Я протянула ему набросок:

— Очень красиво. Вы рисуете?

— Вы мне льстите. Боно — вот кто действительно заслуживает восхищения, это же, — он небрежно спрятал рисунок в альбом, — скажем так... развлечение в память о прошлом.

— Да, вы же рассказывали, что хотели стать художником, — кивнула я, вспомнив ту прогулку.

— Что сподвигло вас выйти из шатра в такую жару? — он явно не хотел обсуждать свое прошлое.

— Наверное, скука, — я решила не лукавить. Рой фыркнул:

— Стоило догадаться.

— А еще желание извиниться за свои слова. Поверьте, я не считаю ваше покровительство честью... тем более — сомнительной, — набралась я смелости, он скептически посмотрел на меня, и я поняла, что сказала не совсем то, что хотела, — Вернее, должно быть, для многих женщин это честь, но...

Он выставил руку вперед, прерывая:

— Прошу вас, не продолжайте, пощадите мое чувство гордости! Давайте смилуемся друг над другом и решим, что я злился лишь на Боно, распустившего язык!

— Чувство гордости? — переспросила я.

— Угу. Вы только что дали мне понять, что абсолютно не раскисаетесь в своих словах, тем не менее ваше зависимое от меня положение обязывает вас принести извинения.

Я недоверчиво рассмеялась:

— Вы так хорошо успели меня изучить?

— Нет, — он покачал головой, — Мне кажется, я вас совсем не знаю...

В серых глазах мелькнула грусть, но Рой, вдруг посмотрев на свой альбом, тут же продолжил:

— Знаете... а вы могли бы мне попозировать?

— Что?

— Попозировать. Все равно жара, а реки рядом нет, — он многозначительно посмотрел на меня. Я слегка покраснела:

— Вы теперь все время будете вспоминать мне об этом?

— Только в особых случаях, как этот, — галантно уверил он, беря меня за руку и увлекая вновь к ручью, — Здесь будет удобнее. Можете сесть на край и наклониться к воде? Опустите туда руку... нет, выньте... нет все-таки опустите, но только пальцы...

— Вы уж определитесь, — посоветовала я, слегка возмущенная такой бесцеремонностью, но он лишь хмыкнул в ответ, присматриваясь. Затем распустил мне волосы, быстро уложил пряди на плечо и расположился на квадратном каменном блоке, торчавшем неподалеку.

Время тянулось очень медленно. Тело затекло. На любую мою попытку шевельнуться, Рой хмурился, бурчал себе под нос, и я вновь замирала. Он то и дело что-то стирал рукой, затем принимался вновь рисовать.

Я послушно позировала, не решаясь возразить. От ручья веяло прохладой, сладкий запах цветов и сухой травы разливался в полуденном зное. Где-то вверху перекликались часовые. Рой все чиркал грифелем по бумаге, я сидела на краю, стараясь не шевелиться.

Опомнилась я, когда все тело уже онемело от неподвижности и холода, идущего от ручья:

— Рой, пожалуйста...

Он нахмурился, наконец, отрывая взгляд от бумаги, посмотрел на солнце, перевалившее на другой край неба, и вздрогнул:

— Пресветлый создатель! Я же вас совсем замучил!

Он подскочил ко мне, помогая подняться. Я с наслаждением потянулась, разминая затекшие мышцы:

— Можно посмотреть, что получилось?

Мне показалось, что граф смутился, затем он пожал плечами и, подобрав многострадальный альбом, протянул мне рисунок.

Девушка сидела на краю фонтана. Четкий профиль. Распушенные волосы, падающие на плечо. Одна рука опущена в воду, другая придерживала сползающую с груди ткань. Спина была полностью обнажена, ткань мягкими складками обрамляя ее, подчеркивая совершенство линий. Я изумленно посмотрела на Роя:

— Это... это действительно очень красиво...

— Это вы очень... — он не договорил, притягивая меня к себе, затем заглянул в глаза, спрашивая разрешения. Дыхание перехватило. Он был очень близко, его губы почти касались моих, но он все еще ждал позволения, опасаясь, что я могу его оттолкнуть. Я замерла, а затем сама потянулась к нему, зарываясь пальцами в его волосы. Он еле слышно выдохнул и притянул к себе. Мир перестал существовать. Были лишь крепкие руки мужчины, до боли сжимающие в своих объятиях, его губы, жадно прильнувшие к моим, словно он желал выпить мое дыхание, его тело, про которому пробегали волны дрожи. В этот миг ничего более не существовало, кроме нас двоих, стоящих в объятиях друг друга.

— Мэссэр граф! — голос Далии развеял магию. Женщина стояла и недовольно смотрела на нас, — Боно вас ищет!

Граф зло прищурился:

— Да неужели? Полагаешь, он сообразит, зачем?

— Полагаю, мэссэр, вы это сообразите! — она перевела многозначительный взгляд на меня, затем на рисунок, давно валяющийся на траве, ее глаза распахнулись, — Вы опять за старое?!

— Придержи язык! — оборвал её Рой, поднимая альбом, — То, что твоя мать была моей кормилицей, не дает тебе право...

Он осекся, резко развернулся и направился в сторону лагеря. Далия с укором посмотрела на меня:

— Мадонна, вам не стоит позволять мэссэру графу такое!

— Вы уж все как-то определитесь! — рявкнула я, окончательно разозлившись, — А еще лучше — оставьте меня в покое!

Лицо женщины окаменело. Она заученно поклонилась и пошла вверх по холму.

На негнущихся ногах я подошла и вновь присела на камень, опустила руки в холодную воду, плеснула на горящее лицо. Ноги подкашивались, а голова кружилась. Поцелуи Роя не шли ни в какое сравнение с тем, что я испытывала раньше.

У меня были мужчины, но Макса я просто терпела, поскольку... да кто его знает, почему я так долго его терпела, иногда он был забавным, иногда — смешным, до Макса... несколько случайных эпизодов, скорее, из любопытства, нежели от больших чувств. Я вновь зачерпнула воды и опустила в нее лицо.

Кто-то деликатно кашлянул. Я подняла голову. Один из воинов нашего отряда. Я все еще не знала их имена. Он бесстрастно он сообщил, что мэссэр граф поменял планы, и мы выезжаем на закате.

Глава 8

На следующий день еще до полудня мы достигли реки, которая проходила по границе двух государств. Все это время мы с Роем не обмолвились и словом. Вернее было сказать, что он делал вид, что не замечает меня, упрямо гоня своего коня вперед по пыльной дороге. После заката мы ехали почти полночи, пока лошади не стали спотыкаться. Лишь тогда граф распорядился сделать короткий привал, чтобы с рассветом вновь нестись вперед, то и дело осаживая коня и с недовольством оглядываясь на нас. Меня он явно избегал.

Недоумение сменилось досадой, а потом и самой настоящей обидой. Теперь я начала испытывать неловкость и за свое поведение у реки, и за тот поцелуй.

Своим безразличием он словно показывал, что для него все это — лишь приятное времяпрепровождение, не более. Напрасно, вернувшись в лагерь, я пыталась поймать его взгляд, он делал вид, что меня просто не существует. Стремясь выместить досаду хоть на чем-то, я сорвала и долго топтала его перчатки, затем подобрала и отшвырнула в дальний угол. Я уже собиралась отказаться и от того, чтобы ночевать в шатре, но потом решила все-таки не пренебрегать удобствами. Перчатки пришлось подобрать и отряхнуть. Вид у них был плачевный. Далия с сочувствием наблюдала за мной. Понимая, что зря обидела ее, я начала первой:

— Далия, кажется, я была очень резкой сегодня днем...

— Ничего страшного! — с готовностью откликнулась она, — Я все понимаю!

— Спасибо! — я с досадой посмотрела на перчатки и снова отшвырнула их. Настала очередь служанки подбирать и отряхивать.

— Не расстраивайтесь, мадонна, — примирительно сказала она, — Вы не первая, кто попадает под чары нашего графа.

— Хочешь сказать, что он околдовал меня? — мрачно обронила я, понимая, что глупо отрицать очевидное: меня влекло к Рою. Я буквально хотела его до дрожи в коленях, то и дело вспоминая его поцелуй.

— Говорят, он околдовывает женщин, так, что они забывают про все, — голос служанки проник в мои мысли, я вздохнула, она покачала головой, — Но я в это не верю.

А вот я готова была в это поверить. Моя гордость — вот единственное, что меня удерживало от того, чтобы броситься к Рою и потребовать

объяснений. Признаться, теперь я была даже рада этому изнуряющему путешествию, которое не оставляло сил ни на что другое.

Выйдя к берегам реки, граф решил не останавливаться на дневной отдых, а пройти вверх по течению и переправиться на тот берег через мост.

— Интересно, почему дорога не ведет к броду сразу? — спросила я у Боневенунто, едущего рядом со мной.

— Потому что мы ехали старой дорогой, — пояснил художник, — Она была проложена еще в незапамятные времена, когда люди поклонялись не одному Создателю, а многим. Дорога храмов, как ее называли.

— Вот почему вокруг не было ни деревень, ни людей! — воскликнула я, вспомнив, как единственный случайно встреченный крестьянин, завидев вооруженный отряд, торопливо свернул в сторону.

— Именно. Плюс эта дорога идет по холмам, а не вдоль реки, и оттого длиннее.

— Замечательно! — процедила я, с ненавистью смотря на Роя, — Не сомневаюсь, что идея проехать по этой дороге всецело принадлежала графу...

Боневенунто все еще продолжал разглагольствовать, но я его уже не слушала. Я даже не знала, на кого я больше злилась: на Роя, так легко отказавшегося от меня, или на себя, так легко поверившую ему. Теперь я даже была благодарна, что Далия появилась тогда у ручья, иначе я презирала бы себя еще больше.

Почти не останавливаясь в пути, мы пересекли реку вброд, как объяснил художник, чтобы избежать таможенной заставы, и оказались на территории княжества Риччионе.

От реки мы направились на север. Холмы становились все выше, жара отступала. Вскоре мы выехали на основной тракт, связывающий две страны. Дорога все еще была пустынна, но это объяснялось дневной жарой. Крыши деревень, стоящих неподалеку, купола небольших часовен, или, как их здесь называли, — цеппел, возделанные поля — все говорило о присутствии людей.

К вечеру тракт ожил, и нам приходилось лавировать между купеческими телегами, крестьянскими осликами, да и просто пешими людьми. Правда, завидев отряд вооруженных людей, все сами спешили уступить дорогу. Неспешной рысью мы ехали к горам, на одной из которых и стоял Риччионе.

Город, как и все города начинавшийся с небольших построек вокруг замка сеньора, разросся, был обнесен крепостными стенами и сейчас представлял собой достаточно неприступную твердыню.

Замок на вершине горы неоднократно перестраивался, стены, окружавшие его, стали частью городских домов, и с дороги казалось, что к нему ведут красные ступени крыш. Вместо того, чтобы подъехать к воротам, мы свернули в рощу, где густые деревья скрывали нас от взглядов стражников на стенах. Рой спешил и подошел ко мне, все еще сидевшей в седле:

— Я открою портал, и мы перенесемся сразу в замок принца. Боно поведет людей через ворота.

— Вы же говорили, что это опасно, — напомнила я, не в силах терпеть очередную ложь.

— Здесь расстояние небольшое, да и Козимо будет по ту сторону. Если что, он сможет помочь, — он протянул руку, и мне пришлось спешиться и пойти за ним.

Рой открыл портал буквально сразу же, схватил меня за руку и шагнул. На этот раз было стремительное ощущение полета, и мы оказались в небольшой комнате.

Судя по всему, это был кабинет, студиолло, как называли его здесь. Он отличался от студиолло графа на вилле. Потолки с деревянными балками, стены, затянутые тисненой серебром красной кожей — изображение распустившейся лилии, в самом темном углу два массивных шкафа, с множеством ящичков, стоявших по обе стороны от огромного стола, за которым сидел человек. Узкие окна были расположены очень высоко, свет от них почти не проникал внутрь, и в отблесках огня, отбрасываемого факелами человек показался мне седым. С нашим внезапным появлением он оторвал свой взгляд от бумаг, и я поняла, что этот человек — альбинос. Во всяком случае, у него была очень светлая кожа, голубые водянистые глаза и почти белые волосы.

При виде нас, выпадающих из портала, он слегка нахмурился, затем, узнав Роя, кивнул:

— Делрой! Наконец-то! — он перевел взгляд на меня, его глаза расширились, — Кари... како... — под очень пристальным взглядом Роя блондин оборвал сам себя и подошел к нам, внимательно рассматривая меня, — Нет, вы не Карисса, она чуть толще, и глаза у нее груглее, а губы полнее, но какое сходство! Кузен, ты превзошел все мои ожидания!

— Козимо, надеюсь, ты помнишь условия, — оборвал его граф Алайстер. Тот усмехнулся и еще раз взглянул на меня светлыми глазами с белесыми, едва заметными ресницами:

— Помню, но надеюсь, что все будет зависеть от решения самой девушки. Где ты ее нашел?

— Неважно. Лиза очень устала с дороги, мы торопились.

— Вы задержались на два дня! Мне пришлось сказать, что моя сестра больна! — в голосе блондина послышалось возмущение.

— Я не хотел пользоваться порталом на такие расстояния, за нами могли следить, — Рой впервые за два дня посмотрел на меня, — Мадонна, как вы уже поняли, перед вами — принц Козимо Риччионе, брат принцессы Кариссы, роль которой вам надлежит сыграть.

— Я очарован! — поклон принца напоминал скорее кивок, его глаза смотрели очень холодно, — Надеюсь, эта девушка справится с поставленной задачей?

Последний вопрос адресовался Рою.

— Думаю, да, — заложив руки за спину, тот покачался с носка на пятку, затем вновь взглянул на меня, — Давай доставим нашу гостью в комнаты Кариссы и потом поговорим?

Меня передернуло, он говорил, будто речь шла о бандероли или посылке.

— Как скажешь, — Козимо направился к столу, где стоял колокольчик, но граф перехватил его:

— Не стоит. Лучше проводи нас тайным ходом.

— И точно! — натянуто рассмеялся тот, правда, глаза так и остались холодными. Он подошел к одной из панелей и тронул резьбу. Планка отъехала в сторону, — Прощу!

Вопреки своему приглашению, принц первым шагнул внутрь, позволяя нам следовать за ним. Рой махнул рукой, предлагая мне шагнуть в темноту проема, сам он вошел последним и нажал один из кирпичей, закрывая ход, одновременно щелкнув пальцами. Гль'ойн загорелся над нашими головами. Принц с неким восхищением посмотрел на золотистый шар.

— Всегда удивлялся, как это легко у тебя получается.

— Просто опыт, Козимо, ты тоже бы так смог. Если бы прилежно учился, — Рой прошел вперед. К моему удивлению принц ничуть не обиделся:

— О, прилежная учеба — не моя стезя. У меня не хватает таланта!

— Скажи проще, что тебе было лень! — хмыкнул граф.

— Возможно, ты и прав. Или же у меня, в отличие от тебя, не было отца, который бы заставлял ежедневно заниматься, — беззлобно откликнулся тот, направляясь по извилистому узкому коридору. Я шла за ним, затылком ощущая на себе мрачный взгляд Роя. Как бы я ни устала, гордость заставила меня выпрямиться и идти почти модельной походкой.

Тяжелый вздох за спиной был мне наградой.

Пыль, толстым слоем лежавшая на полу, приглушала наши шаги. Стены были каменные, иногда взгляд выхватывал темные ниши, из которых можно было услышать, что происходит за стеной, в комнате.

Наконец принц остановился около одной из ниш, нашел чуть выпирающий кирпич и нажал его, открывая проход в комнату, на этот раз, судя по огромной кровати, занимавшей большую часть, — спальне.

— Спальня принцессы, — пояснил мне граф, словно я сама не могла понять этого. Я кивнула головой, с интересом рассматривая комнату той, чью роль мне придется играть.

Она напоминала раковину: перламутрово-розовые стены, украшенные красным и синим орнаментом, друг напротив друга висели два зеркала в массивных рамах. Слишком высоко, чтобы просто смотреться в них. Я вспомнила, как когда-то экскурсовод рассказывала нам, что такие зеркала вешали лишь для украшения комнаты. Третье стояло у стены так, чтобы можно было увидеть себя в полный рост.

Кровать стояла посередине, на возвышении, балдахин над ней был из розовой парчи, затканной серебром: снова эти птицы, напоминающие лебедей.

Стену напротив кровати скрывал гобелен, где была изображена все та же сцена превращения убитых на свадьбе жениха и невесты в розовых птиц, под ним стояло несколько больших сундуков. Я задумчиво прошлась по комнате, затем обернулась к принцу, внимательно изучавшему меня:

— Итак, — я слегка запнулась, не зная, как к нему обращаться.

— Обращайтесь ко мне по имени, так будет проще, — посоветовал он, — Вы все равно будете изображать мою сестру.

— У вас с ней были хорошие отношения?

Тот нахмурился и обернулся к Рою:

— Она что, не знает?

— Нет. Кольцо уничтожили, — пояснил тот, — Магическая молния, явно рассчитанная на Кариссу.

— Почему ты не отправил вестника? — всполошился принц. Граф Алайстер с насмешкой посмотрел на него:

— Сам подумай. Если уж молнию подбросили ко мне на виллу...

Козимо присвистнул:

— Как это возможно?

— Не знаю. Комнату просто разнесло. Лиза чудом уцелела.

— Да, было бы обидно, если бы она погибла тогда. Потрясающее сходство!

Рой дернулся, но промолчал, было слышно, как скрипнули его зубы.

— Что? — Козимо с недоумением взглянул на кузена.

— Ничего, — слишком ровным тоном ответил тот, — кроме того, что мы говорим о живом человеке.

— С чего вдруг такие речи? Или девушка не знает, для чего она здесь?

— Даже не догадываюсь, — игнорируя Роя, я наивно взмахнула ресницами, — Может быть, вы меня просветите?

— После оглашение помолвки с д'орезом мою сестру несколько раз пытались убить, после чего она исчезла, скорее всего, сбежала, — буднично проинформировал меня принц, — Поскольку Истинным Пастырем её исчезновение может быть расценено как нежелание выходить замуж, и, как следствие, в Лаччио отказались бы признавать этот брак, мы решили не рисковать.

Я повернулась к Рою и насмешливо приподняла брови:

— Какие потрясающие подробности... надеюсь, те, кто подписывал мой приказ о них проинформированы?

— Нет. Потому что Карисса исчезла после вашего назначения, — граф бросил убийственный взгляд на ухмыляющегося кузена, — И — в отличие от своего брата — она менее многословна!

— Вернее сказать, за потоком ее слов трудно уловить мысль, — отпаривал тот, — Ты сделаешь новое кольцо?

— Если после того, что ты наговорил, Лиза не сбежит, я использую хрустальный шар, — фыркнул Рой. Холодные голубые глаза выжидающе посмотрели на меня:

— А ей есть куда бежать?

— Представь себе! — граф тоже посмотрел на меня. Я пожала плечами:

— Как я понимаю, выбора у меня все равно нет.

— Верно, — кивнул Козимо и повернулся к кузену, — Знаешь, я бы предпочел кольцо...

— Нет. Это опасно.

— Но это...

— Козимо, нет. И оставим это!

— Могу я узнать, о чем вы сейчас говорите? — перебила я их, понимая, что речь идет обо мне.

— О том, как вложить в вашу голову необходимые знания, — отозвался Рой. У меня создалось стойкое ощущение, что ему с каждой минутой все меньше нравится сама идея.

— И как же?

— Хрустальный шар, — пояснил мне принц, — Как я понимаю, наш друг собирается сосредоточить там все необходимые вам знания...

— Да, там, к сожалению, не будет воспоминаний Кариссы, но это — лучшее, что я могу придумать сейчас, — Рой вновь подошел к секретеру — небольшому шкафу с множеством ящичков, за которым скрывался потайной ход, — Козимо, нам пора! Принцесса, ваши покои сейчас защищены с помощью древней магии. С вашего позволения!

Он исчез в темноте хода. Принц кивнул мне и последовал за ним. Секретер встал на свое место, и я осталась одна. Еще раз прошлась по комнате, на этот раз внимательно всматриваясь в стены. Теперь от меня не укрылся знакомый темный блеск хрустальной крошки, украшавшей орнаменты стен. Что ж, хотя бы здесь я могу быть спокойна. Почему-то возможность скорой смерти воспринималось как что-то нереальное, что не может произойти именно со мной. Я решила, что я просто слишком устала.

За гобеленом обнаружилась дверь, ведущая в ванную, где действовала почти такая же система, как и на вилле графа. Во всяком случае, вода в синей трубе была восхитительно горячей. Приняв ванну, я закуталась в простыню, прошла к кровати, рухнула на нее и погрузилась в блаженный сон.

Весь день я бессовестно проспала, открыв глаза, лишь когда солнце начало клониться к горизонту. Я потянулась, и моя рука задела небольшой предмет, лежащий на соседней подушке. Это был черный кулон в виде шара на цепочке из зеленого металла. По всей видимости, Рой заходил в спальню. Я нахмурилась: мысль о том, что он может прийти в любой момент, меня насторожила.

Рядом с шаром лежал небольшой букет голубых цветов, похожих на ромашки, перевязанный синей лентой, к которому был прикреплен свёрнутый в трубочку лист бумаги. Я развернула его.

Это был рисунок. Девушка. Одной рукой державшая кулон в виде шара, висевший на шее, черты ее лицо были еле видны, а вот кулон, наоборот, тщательно прорисован. Позади нее виднелся едва заметный силуэт всадника, а рядом была изображена палитра с воткнутым в нее пером. Я слегка нахмурилась, если первая часть послания была мне понятна: кулон, который лежал на подушке, следовало надеть, то вот вторая... перо и палитра... палитра — это атрибут художника. Я что, должна что-то зарисовывать? Рисовать я не умела.

Звонкий смех за окном отвлек меня от размышлений. Аккуратно ступая по отполированному до блеска зеленому полу, в центре которого была красочная мозаика: яркие птицы, сидящие на дереве, я подошла к

окну и выглянула наружу.

Внизу был разбит парк, представлявший из себя настоящий лабиринт из аккуратно подстриженных кустов, в центре которого находилась мраморная чаша фонтана. Именно там сейчас бегали вокруг и смеялись насколько девушек в ярких длинных платьях, напоминавших стайку разноцветных попугаев в зоомагазине. Неподалеку от них с мольбертом расположился Боневенунто, на этот раз он был одет просто с шиком: куртка, отороченная мехом, с разрезами по бокам и вдоль рукавов, сквозь которые выглядывала белая рубашка, разноцветные узкие штаны, высокие сапоги из красной кожи. Голову художника венчал ярко-алый берет с фазаньим пером. Одна из девушек, явно заигрывая, зачерпнула воды из мраморной чаши фонтана и брызнула в сторону мужчины, он оторвался от своего мольберта и кинулся догонять шутницу, остальные девушки с визгом пытались помешать ему.

Я задумчиво прошлась по комнате. Скорее всего, палитра относилась к художнику, но вот перо... и при чем тут всадник... Так ничего и не решив, я надела кулон и невольно вскрикнула. Голову пронзила боль, перед глазами все завертелось, а дыхание перехватило. Я пришла в себя, сидя на кровати и держась за изголовье.

Голова все еще болела, перед глазами то и дело вспыхивали яркие искры. Зато теперь я знала, что принцессе Кариссе восемнадцать лет, что ее брат три года назад вступил на престол, помимо брата есть еще дядя, который является первым советником принца. Более того, я даже знала, как этот дядя выглядит: точно такой же белесый, как и принц, они редко ладили, особенно что касается брака с д'орезом соседнего государства, на котором настаивала сама принцесса, по уши влюбленная в Лоренцио Гаудани.

По всей видимости, черный хрусталь каким-то образом передал мне те знания, которые Рой посчитал для меня необходимыми. Странно, но о нем самом я ничего не помнила, кроме того, что узнала за эту дорогу. Хотя он приходился двоюродным братом принцу и принцессе Риччионе: их матери были сестрами-близнецами.

— Замечательно, — фыркнула я, — Хоть бы предупредил!

Я с досадой посмотрела на кулон, словно он мог передать мой взгляд своему создателю, но снимать украшение не стала. Выждав, пока голова перестанет кружиться, я позвала служанок. Охая и ахая по поводу моей внезапной болезни, они принесли мне обед и попытались уложить в постель, но я настояла на том, что хочу выйти. Одна из женщин заикнулась было о докторе, но я оборвала её, слегка капризным тоном сказав, что

устала сидеть взаперти, и если она хочет, то может спросить позволения для меня у принца. Женщина обиженно замолчала и покорно принесла мне платье.

Их оказалось два: одно, надевавшееся на белоснежную рубашку и уже ставшей привычной баску — бирюзовое, с глубоким вырезом, расшитое серебром, второе, верхнее — темно-синее, представлявшее собой, скорее, длинный жилет с узкими рукавами, в разрезах которых виднелось полотно рубашки. Насколько я уже успела заметить, именно белизне рубашки уделялось больше всего внимания.

Замшевые туфельки темно-синего цвета завершили мой наряд, служанка тщательно расчесала мне волосы, выплела замысловатые косы и отступила. Накрасить глаза и губы я отказалась, вспомнив, какими красителями пользовались во времена нашего средневековья, после чего, игнорируя причитания о приличиях и красоте, спустилась в сад, благодаря кулону безошибочно найдя туда дорогу. Тот же кулон вложил мне в голову знания помещений в замке и несколько стер восхищение, с которым бы я могла рассматривать комнаты, через которые шла. Расписанные фресками, украшенные позолотой и мозаиками, они не вызвали у меня того восторга, которого по праву заслуживали, и я добавила это к длинному списку претензий к графу Алайстеру.

При виде меня смех стих, девушки — теперь я знала все их имена, и к какому роду каждая из них принадлежала — повскакивали со своих мест и почтительно присели в реверансах. Боневенунто грациозно поклонился:

— Принцесса, рад вас видеть в добром здравии.

Я улыбнулась ему:

— О, вы все-таки доехали?

— Именно так, мадонна! Я прибыл просить оказать мне честь и написать ваш портрет! — он махнул беретом, который все еще сжимал в руках, в сторону мольберта, кончик пера попал в краску. Заметив это, художник горестно вскрикнул. Я невольно рассмеялась. Девушки сразу же подхватили мой смех. Я слегка нахмурилась, смех сразу же стих.

— Пожалуй, мэссэр Боневенунто, я окажу вам эту честь, — слова вырвались сами. Он вновь склонился в почтительном поклоне:

— Мадонна, ваша доброта может соперничать лишь с вашей красотой. Вы позволите начать сегодня?

— Только после обеда, дорогой Боно! Только после обеда! — раздалось у меня за спиной. Я повернулась. Принц Риччионе стоял на аллее. За ним толпились придворные.

— Дорогой брат, — я грациозно (откуда только взялось) присела, —

Рада вас видеть.

— Дорогая сестра, — он подошел и протянул руку, помогая подняться. Руку, правда, не отпустил, — вы все еще бледны...

Я как можно более беспечно улыбнулась:

— Чепуха! Я устала быть затворницей!

— И чего же вам хочется? — принц улыбнулся, как обычно, его глаза остались холодными. Я дерзко посмотрела на него:

— Конечно, развлечений!

— Боюсь, что не смогу составить вам компанию, — вздохнул он, — Возможно...

— Полагаю, Боневенунто вполне справиться, — уверила я его, — Он же — мастер развлечений!

Несколько смешков сменившихся кашлем подтвердили мои предположения, в каких именно развлечениях специализировался художник. Сам он слегка покраснел, а я продолжала:

— Разумеется, все будет очень достойно, но, Козимо, пожалуйста, мне так скучно! — я скорчила умоляющее лицо. Принц чуть прищурил глаза, словно пытаюсь понять, что у меня на уме, затем махнул рукой:

— Хорошо, если вам так будет угодно... Простите, Карисса, мне надо идти.

— О да, — глубокомысленно заметила я, чувствуя себя еще большей душой, чем пустоголовая принцесса, — Государственные дела...

— Именно. Вы составите мне компанию за ужином?

— Непременно! — улыбнулась я, понимая, что до ужина необходимо дожить.

Довольный моими ответами, принц кивнул и направился к замку. Свита последовала за ним.

Я села на скамью у фонтана, девушки продолжали стоять. Их было четыре, наперсниц принцессы. Все из знатных родов Риччионе, приставленные к принцессе, чтобы той не было скучно. На большее знаний графа Алайстера не хватило. Видимо, бывая здесь, он не обращал на них внимания, или...

Я бросила быстрый взгляд на Бьянку дель Фиоре, пышногрудую блондинку, которая томно посматривала на Боневенунто. Или воспоминания графа были такими, что мне не полагалось о них знать... Я перевела взгляд на художника, с тоской рассматривавшего свой берет. Перо, воткнутое в палитру... Ну конечно же, Боно! Он не просто так остался здесь, тем более портрет принцессы был написан еще в прошлом году. Наверное, на моем лице все-таки была радость, потому что Бьянка как-то

подозрительно посмотрела на меня.

— Это можно сделать новой модой, — подсказала я и, стараясь перевести внимание, обратилась к одной из девушек, на мой взгляд, самой безобидной, — Джемма, прикажи на моем берете покрасить пару перьев.

Та кивнула и, шелестя юбками, побежала выполнять поручение.

— Мадонна! — художник смотрел на меня со смесью растерянности и восторга на лице, — Это — гениально!

Я улыбнулась, когда услышала злобное шипение Бьянки:

— Малышка Джем как всегда рада услужить.

Следуя воспоминаниям из кулона, мне следовало рассмеяться или не заметить этой фразы, но меня всегда раздражало такое отношение. Нахмурившись, я посмотрела на блондинку:

— Прошу прощения, я не расслышала. Ты что-то сказала, Бьянка?

Она слегка смутилась, затем деланно рассмеялась:

— О, мадонна, лишь то, что Джемма всегда рада вам услужить.

— Как и вы все, не так ли? — я улыбнулась, — ведь именно в этом и состоят ваши обязанности?

— Да, мадонна, — она не могла возразить, лишь зло сверкала глазами, а я вдруг подумала, что в жизни принцессы есть свои плюсы.

Боневенунто предложил начать портрет прямо в саду, и я согласилась. Позирование ему отличалось от позирования Рою. Граф был сосредоточен, художник же постоянно сыпал шутками, размахивал руками, заставляя девушек прыскать со смеху и краснеть. Особенно старалась темноволосая Луиджина, призывно посматривая на художника. Почему-то мне подумалось, что эту ночь Боно проведет отнюдь не в своей постели. Немного обеспокоенная этим, я принялась размышлять, как же мне реагировать на это, и перестала улыбаться. Заметив это, художник высказал предположение, что я устала, и предложил продолжить завтра. Согласившись, я поднялась, сказала девушкам, что они могут остаться в саду, а сама направилась во дворец, в кабинет принца.

Как и остальные комнаты, он находился на втором этаже, по всей видимости, это было связано с тем, что на этом этаже ранее располагался вход в замок, и попасть внутрь можно было лишь по приставной лестнице, которую легко было разрушить в случае осады и не дать врагу войти.

С тех пор убранство комнат неоднократно менялось, но сам замок оставался прежним, теперь ко входу вела красивая лестница из голубого израма, на широких ступенях которой стояли кадки с растениями. Я прошла сквозь зал для приема послов и малую столовую, оба помещения были украшены фресками работы Боневенунто.

Но если столовая повторяла собой тропический яркий сад, который я видела на вилле у графа Алайстера, то в зале художник создал ощущение, будто стоишь на холме и смотришь вдаль, где находятся руины одного из древних храмов. Я слегка покраснела: слишком уж изображение храма напоминало мне то место, где недавно останавливался наш отряд. Казалось, стоит сделать шаг, и я попаду к фонтану и вновь окажусь в объятиях Роя.

Тряхнув головой, чтобы прогнать ненужные сантименты, я пошла дальше. Около дверей, ведущих в кабинет принца, я заметила нескольких просителей, судя по цветам в одежде, разных сословий: яркие тона носили дворяне, более темную и простую одежду — торговцы, крестьян среди них не было. При виде меня все почтительно поклонились и посторонились, полагая, что у меня должно быть важное дело. Я не стала их переубеждать, постучала и вошла в уже знакомое мне студиолло.

Принц находился там не один, рядом с ним за столом сидел пожилой человек с длинным крючковатым носом и седыми волосами, скрипучим голосом зачитывающий цифры, — казначей, как подсказала мне чужая память. Еще один человек, тоже со светлыми волосами, стоял под окном, спиной ко всем. Услышав мои шаги, он обернулся. Его светлые льдистые глаза смотрели на меня очень недоверчиво. Я заметила, что у него высокий лоб и классической формы нос. Губы и подбородок скрывала небольшая тщательно ухоженная бородка. Джованио, младший брат старого правителя и дядя нынешнего. Мне показалось, что при виде меня он недоверчиво моргнул, затем широко улыбнулся. В полутьме кабинета блеск зубов напомнил оскал.

— Карри? — принц слегка привстал, приветствуя меня, казначей остался сидеть, он получил это дозволение из-за подагры, которая то и дело мучила его, — Чем обязан?

— Мне необходимо поговорить, — я внимательно посмотрела на остальных, — наедине.

— Хорошо, — кивнул он, — Оставьте нас.

Тяжело вздохнув, старик начал подниматься, опираясь на стол. Я с сочувствием смотрела на него, заметив это, он улыбнулся.

— Вам не стоит беспокоиться, принцесса, — голос у него оказался очень скрипучий, — Моя нога беспокоит меня, лишь когда сыро.

Прихрамывая, он направился к дверям. Джованио остался на своем месте.

— Козимо, по-моему, это лишнее, не думаю, что у Кариссы действительно что-то важное, — произнес он, поморщившись, словно речь

шла о надоедливой мухе.

— Джованио, позволь мне самому решать, насколько это важно, — в голосе принца послышалось недовольство. Дядя внимательно посмотрел на него, потом пожал плечами:

— Как тебе будет угодно, но ты слишком потекаешь сестре!

— Я могу себе это позволить, — отрезал его племянник, — Будь добр, выйди!

— Как скажешь, — тот с издевкой поклонился нам и последовал за седовласым казначеем. Дождавшись, пока они выйдут, Козимо подошел ко мне почти вплотную.

— Итак, зачем вы пришли?

— Я... — я на всякий случай оглянулась, гадая, могут ли нас подслушать. Принц совершенно правильно истолковал мое замешательство:

— Не пугайтесь, защиту здесь создавал наш общий друг...Она совершенна.

— Нет ни одной защиты, которую нельзя бы было обойти, — возразила я.

— Вы не верите гению графа Алайстера?

— После того, как в кольцо попала магическая молния? — я вскинула брови в притворном удивлении, — нет, не верю.

Правитель Риччионе довольно хмыкнул, словно оплошность кузена доставила ему удовольствие, затем вновь стал серьезным:

— Так зачем вы пришли?

— Хотела узнать, насколько необходимо следить за моральным обликом девушек, прислуживающих вашей сестре.

— Следить за... чем? — от неожиданности Козимо даже выронил бумаги, которые держал в руках. Мы одновременно наклонились, подбирая их, затем я вручила свою часть бумаг принцу и повторила свой вопрос, пояснив:

— Видите ли, я заметила, что они слишком... слишком доступны. Насколько это допустимо?

Мой собеседник недоверчиво посмотрел на меня и рассмеялся:

— Только не говорите, что вы — рьяная поборница веры и целомудрия.

— Мы говорим сейчас не обо мне, — напомнила я, — Как я понимаю, вы и ваша сестра несете ответственность за тех девушек, которые являются наперсницами принцессы. Насколько допустимо то, что они заводят себе любовников?

— Это абсолютно недопустимо, — расхохотался он, — и потому все делают это. Главное — в брачную ночь на простыне должны появиться следы.

— И как же они это делают? — изумилась я. Принц весело посмотрел на меня, я покраснела, поняв, насколько неуместно прозвучал мой вопрос, — Да, вы правы, это было глупо с моей стороны...

— Ну, не совсем, вами двигали добрые побуждения... А следы... кто использует мешочек с кровью животных, кто — ведовские сборы, вызывающие кровотечения, а кто — просто умудряется действительно сохранить девственность, ведь доставить удовольствие можно разными способами, — он зачем-то взял мою руку в свои, я насторожилась:

— Простите, пожалуй, мне пора...

Но он ощутимо сжал ладонь, заставляя меня поморщиться:

— Не торопитесь.

Вторая рука легла мне на талию, я попыталась отстраниться:

— Принц...

— Козимо, — поправил он меня, хищно рассматривая, словно ястреб, — Мы же почти родственники...

— У вас там, за дверями, полно людей!

— Подождут, — чувственно прошептал он. Я попыталась еще раз решить все с помощью дипломатии:

— Принц, я не думаю...

— Я же сказал, называйте меня Козимо, — он наклонился, чтобы поцеловать меня, я хотела оттолкнуть его, но безрезультатно.

— Я предупреждала, — выдохнула я, но прежде чем успела применить один из двух известных мне приемов самообороны, которым меня научили наши инструктора по борьбе, кулон ярко вспыхнул. Принц отскочил, схватившись за щеку, на которой расплывалось красное пятно, словно кто-то ударил его в скулу.

— Что за... — начал он, затем расхохотался, — Вот пройдоха! Наверняка он что-то вам дал, верно?

— Кто? — на всякий случай, я отошла от принца.

— Мой кузен, Алайстер! — фыркнул он, — Только не изображайте из себя дуручку, вам это не к лицу! Признайтесь, что наш друг снабдил вас парочкой охранных амулетов на случай, если...

Он выразительно посмотрел на кушетку, стоявшую в углу. Я смерила его холодным взглядом:

— Понятия не имею, о чем вы. В любом случае думаю, нам лучше не встречаться наедине.

— Не бойтесь, — хмыкнул он, — Мой кузен слишком ясно дал мне понять, что будет недоволен. Признаться, новизна меня всегда привлекает, но не настолько, чтобы идти против своего слишком могущественного кузена! Тем более, когда благополучие моей страны у него в руках.

— Благополучие страны?

— А кто еще, по-вашему, правит Лагомбардией? Неужели Делрой вам не сказал?

— У нас было мало времени. Мы торопились, — не выдержав его многозначительный взгляд, я первая отвела глаза, Козимо понимающе хмыкнул:

— Тогда мне остается лишь сочувствовать, вот интересно, кому больше: вам или ему?

— Посочувствуйте лучше своей сестре, — огрызнулась я, слегка задетая таким отношением. Принц почесал затылок и скривился, словно вспомнив, что должен изображать беспокойство:

— Да, Карисса... её исчезновение совсем некстати...

— И это все, что вы можете сказать? — возмутилась я.

— А вы ждете, что я буду рвать на себе волосы от отчаяния? — отмахнулся принц и, заметив мое изумление, поспешно добавил, — Поверьте, я очень беспокоюсь за Кариссу, но не думаю, что моя истерика может помочь. К тому же Алайстер ищет её.

— Не слишком ли много он делает для вашего княжества? — не удержалась я.

— Нет, если при этом он блюдет интересы своей страны. Даже вы прекрасно понимаете, что свадьба Кариссы необходима!

— А что об этом думает сама Карисса? — не сдержалась я. Козимо усмехнулся:

— Пытаетесь спросить, не сбежала ли она, чтобы избежать ненавистного брака? Нет, она не могла сбежать. Моя сестра была воспитана с мыслью о том, что ее брак будет политическим, тем более она была влюблена в Гаудани, да вы это и сами должны были понять, когда надевали кольцо.

— Как они познакомились?

— На мирных переговорах. Это была любовь с первого взгляда, — голос Козимо был пронизан иронией, — Насколько мне известно, они даже тайно встречались...

— И вы не возражали?

— Зачем? К тому времени мы с Делроем почти все решили, и эта любовь была весьма кстати. Видели бы вы их, — он презрительно

фыркнул.

— И об этом, как я понимаю, знали почти все.

— Разумеется.

— Получается, Кариссу похитил тот, кто не хотел этой свадьбы?

— Я не уверен. Слишком уж все гладко. Возможно, её завлекли обманом... — избегая моего взгляда, принц прошелся по комнате и вновь сел за стол, — Если это все вопросы, то, простите, у меня мало времени.

— Хорошо, — я направилась к двери, но обернулась, — Скажите, а почему вы так быстро...

— Отступил? — он усмехнулся, прекрасно поняв мое любопытство, — Зная моего кузена, я просто уверен, что он хорошо продумал защиту, и если бы вы были не против, то она не сработала бы... да и насиловать хорошенькую женщину, когда к моим услугам полный дворец красавиц... надеюсь, то, что произошло между нами, не повлияет на наши отношения в дальнейшем?

— Это приказ?

— Это совет, как и то, что вам просто необходимо появится за ужином, иначе по замку поползут слухи о нашей размолвке, что позволит врагам напасть на вас. Так что, моя любезная сестра, если вам дорога жизнь, — он замолчал, демонстративно начав читать письма, лежавшие на столе.

Чувствуя себя слегка уязвленной его словами, я кивнула головой и вышла из кабинета, предоставив доступ тем, кто действительно нуждался в аудиенции.

Глава 9

Ужин состоялся в малом зале. Это была старая часть замка, с узкими окнами, нештукатуренными стенами и огромным камином, в котором вполне можно было зажарить тушу кабана целиком. Поскольку принц Риччионе был не женат, я по праву хозяйки заняла место во главе длинного стола напротив него. Джованио сел по правую руку от принца, казначей — по левую. Я заметила, что напротив каждого человека, сидящего за столом, на скатерти был вышит герб. Кабаны, лисы, орлы — все они символизировали богатство и знатность родов, чьи представители сегодня занимали места за столом.

Я с интересом рассматривала свиту принца, почти мгновенно в памяти всплывали их имена. Несколько секретарей, седовласый казначей, два военачальника. Я вдруг заметила, что одно место осталось пустым. На скатерти красовался алый единорог Алайстеров.

Боневенунто тоже не было, наверняка ему положено было есть со слугами. Впрочем, зная деятельную натуру художника, я была уверена, что он наверняка выбрался в город и теперь пьет и веселится в какой-нибудь таверне. Признаться, я ему даже завидовала.

Пажи, облаченные в черные бархатные туники, на которых шелком был вышит герб Риччионе, подносили блюда, и я заметила, что многие старательно накладывают на тарелку как можно больше, будто пришли сюда именно поесть. Впрочем, что-то мне подсказывало, что так оно и было.

— Козимо, а почему за столом нет твоего кузена? — вдруг спросил Джованио, — Это же его люди сегодня въехали в город?

— Да, но сам Алайстер остался в Лагомбардии, — принц недовольно посмотрел на дядю, словно тот задал неудобный вопрос.

— Какая жалость, нам очень не хватает мэссэра графа! — Бьянка томно опустила ресницы, Козимо нахмурился и бросил на меня быстрый взгляд, в ответ я ангельски улыбнулась.

— Тогда почему я видел на улице людей с его гербом на туниках? — упорствовал Джованио.

— Боно здесь. Делрой прислал его с охраной, Гаудани заказал портрет Кариссы, — принц был явно недоволен расспросами, — Ты же знаешь, что на дорогах неспокойно.

— Мог бы дожидаться и свадьбы, — пробурчал дядя, — А так в городе

полно вооруженных людей из другого государства.

— Полагаешь, Алайстер будет инициировать новую войну? — фыркнул принц.

— Полагаю, все эти разговоры о мире между двумя странами — бред. Ваши с Алайстером матери были сестрами, причем близнецами, это не помешало вашим отцам воевать друг с другом!

Последние слова прозвучали в полной тишине. Козимо зло отшвырнул кусок ткани, заменявший ему салфетку.

— Ты забываешь, Джованио, что после свадеб очень долго царил мир. Закончился он лишь тогда, когда старый граф Алайстер внезапно умер, а лагомбардийцы вдруг избрали д'орезом старика Лонгельфельдо! Именно он вновь развязал войну!

Мужчины зашумели, кто одобрительно, кто возмущенно, какой-то старик громким голосом начал рассказывать о своих победах, сбился, но все равно пытался перекричать всех.

— Война была неизбежна! — выкрикнул Джованио, — и не стоит все списывать на полоумного старика! Лагомбардия готовилась к войне, и как только Делрой Алайстер тайком, словно вор, покинул наше герцогство...

— Джованио, если вы не присутствовали при отъезде Алайстера, это не значит, что он покинул нас тайно, — заметил казначей, вызвав хохот, — Насколько я помню, он уехал открыто, закатив на прощание бурную пирушку с музыкантами и девками! Там была одна такая...

Его голос вновь потонул в шуме голосов. Я сидела, делая вид, что пью фьён, и не принимая участия в споре, пока бесцветные глаза Джованио Риччионе не скользнули по мне.

— А что думаете вы, Карисса? — вдруг просил он.

— Дядя? — я постаралась выиграть время, потому что не понимала, что Карисса думает о своем кузене, но тот продолжил:

— Что вы думаете по поводу войны с Лагомбардией?

Голоса стихли, теперь все смотрели на меня. Я отпила из бокала, затем решила.

— Я думаю, что война — это всегда потери, — аккуратно начала я.

— Но в результате возможны и приобретения! — возразил один из советников по военным делам.

— Да, если вы выиграете. И не факт, что, выиграв войну, вы не потеряете больше! — мои слова прозвучали в полной тишине. Все присутствующие с интересом следили за разговором.

— Глупости, как можно потерять, выиграв! — взвился старик. Я улыбнулась:

— Например, вы получите территории, но потеряете всех дееспособных мужчин. Что тогда вы будете делать с этой землей, когда у вас на руках останутся лишь женщины и дети? — я улыбнулась, заметив одобряющий взгляд Козимо.

— У нас будут пленные! — возразил кто-то, по-моему, казначей.

— Вы заставите их содержать чужих жен? Или растить чужих детей в любви к стране, которая их пленила?

В тишине смехок принца прозвучал как издевка. Я осеклась и вопросительно посмотрела на него, он качнул головой, не советуя мне продолжать.

— Карисса, а вы поумнели, — Джованио обратился ко мне с неприятной улыбкой, — Раньше я не слышал от вас таких речей.

Я ругнулась на себя, все-таки следовало быть осторожнее, но тут же скрыла замешательство за улыбкой:

— Наверное, дядя, раньше вы не слишком интересовались моим мнением?

— Возможно... — от его пристального взгляда мне стало не по себе, — Мне казалось, вы слишком юны...

— Это частое заблуждение тех, кто всегда находится рядом, — я умоляюще посмотрела на Козимо, он совершенно правильно истолковал мой взгляд:

— За здоровье моей сестры! Мне воистину жаль, что она покинет нас так скоро!

Присутствующие подхватили тост. Больше к теме войн мы не возвращались.

Ужин закончился очень поздно. Сославшись на усталость, спина действительно затекла от неудобного стула, я вернулась в спальню принцессы. Рисунок все еще лежал на небольшом столике у кровати. Я вновь взяла его в руки, теперь уже не сомневаясь в смысле: Рой сообщал, что он уехал, кулон снимать не стоило, а связь с ним надо было держать через Боневенунто.

Я с раздражением отшвырнула лист и начала расшнуровывать платье. Очень любезно было со стороны Алайстра буквально похитить меня, потом протащить через всю страну, чтобы вот так бросить на милость своего кузена. К тому же мне не давало покоя исчезновение Кариссы. Что-то в нем было не так.

Руки подрагивали, ленты шнуровки запутались, дернув их несколько раз, я вынуждена была позвать служанок, чтобы снять платье. Охая и причитая, они аккуратно распутали ленты и помогли мне переодеться. Это

не прибавило мне настроения. В спальне было душно. Раздвинув шторы, я вышла на небольшой балкончик, явно пристроенный при последнем ремонте замка. Он выходил на один из многочисленных садов, разбитых в лабиринте внутренних дворигов замка.

Было уже темно, на небе горели розовые звезды, луна стала еще тоньше, все так же рогами вниз вися над главной башней. Воздух был просто наполнен запахом жимолости и лимонов.

Я облокотилась на каменные перила и закрыла глаза, наслаждаясь тишиной. Шум воды в фонтане сплетался с пением птиц и грустной мелодией. Я открыла глаза. Внизу, под балконом, стоял человек в маске. В руках он держал гитару. Незамысловатая мелодия, отражаясь от стен, устремлялась куда-то вверх, из каменного внутреннего двора-колодца, к звездам.

Трубадур все играл и играл, я заметила, что в окне мелькнул огонек свечи. Наверняка кто-то из девушек. Интересно, кому из них предназначалась мелодия. То, что мужчина в маске играл одной из них, не подлежало сомнению: ко мне он стоял почти спиной, разноцветное перо на его берете колыхалось в такт музыке. Я усмехнулась: Боно! Ну конечно, художник решил с пользой провести остаток ночи. Я облокотилась на перила, с интересом наблюдая за художником.

Послышались шаги, затем шорох веток, и худенькая фигурка выскользнула к музыканту. Я ахнула от неожиданности: Джемма! Легкий поцелуй, торопливый шепот, девушка испуганно посмотрела по сторонам, ее поклонник беззвучно засмеялся. Я слегка насторожилась. Боно смеялся абсолютно по-другому.

Джемма вновь заговорила, теперь уже громче, словно пытаюсь подбодрить саму себя. До меня долетали отдельные слова, понять смысл разговора было невозможно. Мужчина обнял ее, пытаюсь поцелуем заглушить сомнения. Его рука скользнула по спине девушки, и я вдруг поняла, что я видела этого мужчину. В памяти сразу же всплыл темный дом, запертые ставни, узкая полоска света и рука, сжимающая шпагу.

Я отшатнулась от перил. Именно этот человек напал на меня в клирахе. Сомнений быть не могло. Вот почему он показался мне знакомым. Первый порыв был поднять шум, но я тут же поняла, что это — плохая идея. Человек в маске оказался во внутреннем дворе, значит, это кто-то из окружения принца, либо... либо сам принц. Я не сбрасывала со счетов Козимо, который мог быть недоволен результатом мирных переговоров. Что я могу предъявить ему? Даже обвинение в соблазнении невинной девушки было весьма спорным: одетые, во дворе, куда выходили окна

спален...

Я вновь подошла к краю балкона, они все еще были там. Мне казалось, что мое сердце стучит очень громко, и я не сразу поняла, о чем они говорят. Джемма отнекивалась, а человек в маске что-то шептал ей, стараясь убедить. Наконец он протянул девушке пузырек, она нерешительно взяла его и спрятала в складках юбки.

Я невольно напряглась, затем зашла в комнату, накинула на себя первое, что попало под руку, кажется, это был парчовый халат, и вышла из спальни. Прошла сквозь анфиладу комнат и появилась на лестничной площадке как раз в тот момент, когда худенькая фигурка почти беззвучно поднималась к себе в комнату. При виде меня Джемма вскрикнула. Пузырек выскользнул из рук и разбился. Я с сожалением посмотрела на жидкость, стекавшую по ступням. Теперь уже не узнать, что там было. Что-то подсказывало мне, что это отнюдь не обычное снотворное, и что, приняв его, можно уже и не проснуться.

— Джемма? — как бы ни было противно и страшно, пришлось изобразить удивление и некую дружелюбность, — Что ты здесь делаешь?

— Я... — она замялась, — Я... я не могла уснуть и пошла взять сонное зелье...

Она беспомощно посмотрела на меня, ожидая, что ее уличат во лжи. Мне стоило большого труда сохранить спокойное выражение лица.

— Неужели? — только и спросила я, — Из-за меня ты разбила его?

— Да...то есть, нет! Не спрашивайте меня! — она подхватила юбки, намереваясь бежать, я успела схватить ее за руку:

— Джемма, что с тобой? Тебе кто-то угрожает?

Она затравлено посмотрела на меня, мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы.

— Не спрашивайте меня! — взмолилась девушка, — Не спрашивайте ни о чем!!! Ах, зачем вы только вернулись!

Пользуясь моей растерянностью, она выскользнула и со всех ног побежала наверх.

Я проводила ее задумчивым взглядом, но догонять не стала. Слова Джеммы говорили о том, что она знала что-то, что не знали другие. Карисса вернулась. Значит... я замерла, осенённая догадкой, значит, принцесса действительно сбежала. И, судя по неосторожным словам, Джемма об этом знала. «Малышка Джемма так отзывчива!» — в памяти сразу же всплыла фраза, сказанная днем Бьянкой. Я прикусила губу, как делала в минуты очень усердных вычислений. Пока что вопросов было больше, чем ответов. Самое главное, мне предстояло понять, насколько в

этом замешаны и Козимо, и сам Рой. И — кому из них можно доверять.

Глава 9

Утром я проснулась очень рано и долго смотрела на балдахин, размышляя, стоит ли терпеть этот пылесборник или приказать его снять, но в результате решила, что лучше оставить. Кулон действовал и ночью, во сне давая мне необходимую информацию о Риччионе и Лагомбардии.

Так что, проснувшись, я знала, что Карисса была младшей дочерью в семье. Козимо — старшим и единственным сыном, наследником, рождение которого сильно пошатнуло надежды Джованио Риччионе. Еще две сестры принцессы давно были замужем.

Делрой Алайстер, сын д'ореза Лагомбардии и единственный ребенок графа Алайстера, в свое время, следуя давней традиции, воспитывался в Риччионе и был закадычным приятелем Козимо. Во всяком случае, они вместе придумывали различные шутки и вместе получали за них наказание. Рой пробыл в Риччионе достаточно долго, пока не поссорился с отцом, после чего уехал в Лаччио. Там он провел несколько лет почти в нищете, пытаясь стать художником.

После смерти отца Рой незамедлительно вернулся в Лагомбардию, но, поскольку законы республики строго настрого запрещали сыну наследовать должность правителя, д'орезом был избран семидесятидвухлетний старик, который, подстрекаемый пастырями из Лаччио начал войну против соседей. Отец Козимо и Кариссы с удовольствием принял вызов, надеясь таким образом за счет контрибуций поправить дела в дырявой казне. К тому времени жена правителя Риччионе умерла от лихорадки, и соседей уже не сдерживало никакое родство.

Война велась с переменным успехом и напоминала, скорее, партизанские стычки: то одни, то другие вторгались на приграничные территории противника, грабили дома и уводили скот. В результате за несколько лет оба берега реки опустели.

Затем д'орез таинственным образом умер. Принц Риччионе, используя неразбериху, царившую на тот момент в совете Лагомбардии, вторгся на территорию противника, намереваясь испытать новое магическое оружие, но на тот момент граф Делрой Алайстер уже утвердил свои позиции в Лагомбардии, восстановил величие древнего рода и возглавил Совет Десяти — фактически правящий орган республики. Д'орезом был избран Лоренцио Гаудани — один из друзей графа, подчинявшийся ему безоговорочно.

Войска княжества увязли в болотистой местности в дельте реки и в тот момент были атакованы лагомбардийцами, которых возглавлял все тот же Алайстер. Армия Риччионе с позором отступила, вернее, позорно бежала с поля боя.

Отстояв свои территории, Лагомбардия незамедлительно объявила Риччионе континентальную блокаду.

Этого принц вынести уже не мог и слег с ударом. Впрочем, злые языки утверждали, что его отравил собственный сын, Козимо, расчищавший себе путь к власти и совершенно недовольный политикой, проводимой отцом.

В любом случае смерть старого правителя привела к долгим переговорам, в результате которых был достигнут ряд соглашений. В переговорах принимал участие и Лоренцио Гаудани, вернее, он присутствовал на них с важным видом, что пленило принцессу Кариссу. Красивый и видный, он покорила ее девичье сердце. Будучи почти такой же интриганкой, как и ее брат, она мастерски устроила несколько встреч с объектом своих грез, в результате которых д'орез попросил у принца руки его сестры. Козимо был в ярости, но — по здравом размышлении, а также по совету своего кузена, — решил, что этот брак скрепит мир между двумя странами.

Мне было очень интересно, смирился ли Козимо на самом деле, или же это он ведет двойную игру и виноват в исчезновении Кариссы, но, к сожалению, кулон молчал. Как молчал и по поводу Джеммы.

Все еще обдумывая новые знания и сопоставляя их с тем, что я увидела ночью, я встала и подошла к окну. Привычно раздернула шторы. Над красными черепичными крышами замка были горы, над ними слепило глаза яркое солнце. В его лучах сад внизу выглядел просто идиллией: чаша фонтана из голубого ирхама, фигурка в виде рыбы, стоящей на хвосте, из рта которой выливается вода, ни дать ни взять — золотая... Фигурка была словно живая, и мне казалось, что вот-вот она повернется и спросит, чего же мне надобно.

Мне было страшно, и я хотела домой. Вдали от графа Алайстера жажда приключений поутихла, зато проснулся здравый смысл, теперь во все горло кричавший, что мне необходимо бросить все и вернуться к маме и огурцам, которые здесь почему-то не растут. До боли в зубах захотелось огурчик. Зеленый, слегка пупырчатый, прямо с грядки и оттого сладкий. Я вдруг поняла, что ради этого вкуса я готова весь отпуск пахать на даче, лишь бы домой.

Но в эту минуту дверь, расписанная цветами и птицами, приоткрылась, и в спальню вошла служанка. Только теперь ее

морщинистое лицо и темные с проседью волосы были мне знакомы. Мария, служившая в замке еще матери принцессы. При виде меня, босиком стоящей у окна, она всплеснула руками:

— Мадонна, вы же простудитесь!

— В такую жару? — я слегка изогнула бровь, — Вряд ли.

— Вы всегда были своевольной девочкой, — вздохнула старуха, скорее, обращаясь к самой себе. В голове всплыла подсказка, я улыбнулась:

— А ты всегда причесывала мне кудри, верно?

— Конечно! Когда это старая Мария пренебрегала своими обязанностями? — она, покачиваясь из стороны в сторону, будто утка, направилась к столику, на котором были разложены гребни и зеркала в зеленоватой, мерцающей искрами оправе.

Мария причесывала очень долго, разбирая каждую прядку, аккуратно прочесывая концы и приглаживая волосы. Наконец она закончила и подала мне домашнее платье. Этакий халат из розового шелка, расшитый по подолу огромными алыми маками, кажется, именно его я надевала сегодня ночью.

Затем, положив руки мне на голову, она прошептала надо мной слова древней молитвы и удалилась своей утиной походной. Сразу же после в спальню впорхнули девушки: Бьянка, Джемма, Клаудиа и Аугуста. Согласно традиции, им надлежало одеть меня. В остальное время это делали служанки, но утреннее одевание было слишком древним обычаем, чтобы им можно было пренебречь. Я внимательно следила за ними.

Пересмеиваясь и подшучивая друг над другом (Джемма лишь вздыхала), девушки разложили на кровати платье. Нижнее, из золотистого атласа, и верхнее — яблочно-зеленое, с аппликациями из атласа и каких-то полудрагоценных фиолетовых камней. Джемма поднесла мне очередные замшевые туфли, вышитые золотом и теми же камнями, что и платье, затем открыла флакон духов, сделанный в виде какого-то местного фрукта и богато инкрустированный камнями. Среди них я заметила вкрапления черного хрусталя. Капнув духами на запястья, я с удовольствием вдохнула аромат: свежий и чистый, словно раннее утро. Девушки удивленно переглянулись, но промолчали, после чего Бьянка сообщили слугам, что мы готовы позавтракать.

Еду подали в сад. Сидя среди шаров и пирамид, в которые были превращены деревья, я чувствовала себя попугаем. Вспомнив рассказы о средневековых ядах, я ничего не ела, но делала вид, что все в порядке. Прилежно улыбалась слугам, смеялась вместе со всеми глупым шуткам Бьянки, ободряюще улыбалась бледной Джемме, отшучивалась от

подтруниваний Аугусты и в глубине души проклинала графа Алайстера, втянувшего меня во все это. В любом случае вернуться в свой мир я могла лишь из виллы Роя. Хотя... я бросила взгляд на окна замка. Возможно, в Риччионе тоже есть такие шкафы, стоит только их поискать. Но как это сделать, я пока не представляла: принцесса всегда была окружена слугами.

Заметив, что я грущу, Клаудиа предложила поиграть в прятки в лабиринте — саду, высокие зеленые кусты в котором были подстрижены в виде стен, а дорожки запутаны. Остальные её поддержали, я лишь пожалала плечами, в глубине души радуясь, что останусь одна. Мы прошли под арками на террасу, примыкавшую к замку. Ее сделали во время правления отца Кариссы, и с нее открывался великолепный вид на холмы Риччионе.

Весело хохоча, девушки разбежались в разные стороны, оставив Джемму считать. Подобрав юбки, я побрела вглубь тенистой аллеи. Вскоре голоса отдалились, но вместо того, чтобы спрятаться в кустах, я пошла к замку. Благодаря кулону, дорожки были мне знакомы, и я безошибочно нашла вход, которым пользовались слуги: невысокая деревянная дверь, обитая железом. Оглянувшись, я скользнула внутрь, быстро вбежала по крутым ступеням на второй этаж и поспешила к библиотеке, здраво рассудив, что если уж и прятать шкафы, то именно там.

В библиотеке шкафов не было, лишь стеллажи, снизу доверху заставленные книгами. Небольшие лестницы позволяли подняться, чтобы достать книги с верхних полок. Я разочарованно вздохнула и хотела уже выйти, когда вторая дверь распахнулась и в комнату вошли двое. Меня, стоявшую в нише, они не видели.

— Здесь можно поговорить спокойно, — сказал один из вошедших. Не желая подслушивать, я попятилась и попыталась открыть дверь, чтобы выйти, но она почему-то не поддавалась.

— Вы уверены, что нас никто не услышит? — спросил второй голос.

— Да, я запер дверь магией и поставил заслон, — голос звучал очень глухо.

— Хорошо, — шаги по комнате. Конечно, мне следовало бы остаться на месте или же выйти из-за шкафов с книгами и спокойно попросить открыть дверь, но вместо этого я скользнула в самый темный угол и затаилась за креслом, стоявшим в нише. Из своего укрытия я не могла видеть лиц, но прекрасно слышала все.

— Что вы от меня хотите еще? — спрашивавший почти кричал, явно нервничая.

— Правду, — второй голос звучал очень вкрадчиво, словно говорил слова молитвы, — Это она?

— Не знаю. Я не могу понять. Амулет очень сильный, он защищает.
— А что говорят другие?
— Непонятно. Замкнутость приписывают болезни, но я почти уверен, что это — двойник.
— Если это так, то как им удалось?..
— Понятия не имею. Но девушка достаточно умна и себя не выдаст.
— Сможете собрать доказательства?
— Нет. Лишь духи, но это не в счет. Запах был другой.
— Добудьте мне доказательства! — это было сказано очень резко.
— Вы осмеливаетесь приказывать мне? — в голосе слышались ноты недовольства.

— Я осмеливаюсь настаивать, что дело не терпит отлагательств, — снова вкрадчивость, словно говоривший вещал для паствы, — Вы не хуже меня знаете, что свадьбу нельзя допустить! Иначе...

— Я делаю все, что могу! — раздраженно отозвался его собеседник. Оба замолчали. Затем один из них вздохнул и спросил:

— Мне нужны деньги.
— Боюсь, что это невозможно, — снова вкрадчивый голос.
— Почему?
— Мы остановили разработку. Слишком уж много внимания к острову.
— Но шахта...
— Она надежно спрятана. Хотя, кажется, Алай..
— Не надо имен! — теперь в голосе явно ощущался испуг.
— Хорошо. Мне кажется, он что-то узнал.

Судя по звуку шагов, один из мужчин взволнованно закружил по комнате:

— Вы уверены?
— Как можно быть хоть в чем-то уверенным с... — второй выразительно замолчал. Я затаила дыхание, в голове шумело. Мне казалось, что биение моего сердца слышно во всей комнате, — Говорят, он исчезал на несколько дней. Вполне возможно, что шпионил...

— Исключено. Мы не пускаем на остров никого.
— Я на это надеюсь. Если он узнает...
— Не волнуйтесь. Я приму все меры, — наконец сказал один из разговаривавших. Четкие шаги. Хлопнула дверь. Я выдохнула и аккуратно выползал из-за кресла.

Подождав еще несколько минут, показавшихся мне часами, я вышла и вернулась назад, в лабиринт, где испуганно перекликались девушки, пытаюсь найти меня.

Отговорившись тем, что я спряталась в кустах и задремала (кажется, Бьянка мне не поверила), я предложила вернуться в комнаты. Джемма выглядела еще более бледной, чем утром, но я решила держать ее на виду.

К тому же мне следовало переодеться: платье испачкалось в пыли, а в волосах была паутина. Первый порыв рассказать все принцу Риччионе я подавила, я все еще сомневалась в его непричастности к исчезновению сестры. Оставался лишь Рой. По здравом размышлении я почти не сомневалась, что если он и причастен ко всем этим событиям, то, по крайней мере, мы играем на одной стороне. Тем более что эти двое в библиотеке явно упоминали его в разговоре, опасаясь, что он узнает что-то. Надо было дождаться Боневенунто и попытаться поговорить с ним.

Джемма предложила почитать, я согласилась. Девушка принесла книгу из своей комнаты, это был какой-то новомодный роман с достаточно фривольными картинками. Пока все склонились над ними, ахая и хихикая, я сидела с отсутствующим видом, пытаюсь понять разговор, подслушанный в библиотеке. Чем дольше я перебирала в памяти слова, тем меньше мне хотелось посвящать в это дело еще кого-то, кроме Роя. Лиц собеседников я не видела, голоса звучали глухо, но все равно мне казалось, что один из них я слышала недавно, а значит, любой человек мог быть на стороне заговорщиков, к тому же они упоминали духи, да и человек в черном... А еще мне хотелось есть. Пришлось распорядиться принести с кухни еду и внимательно наблюдать, что ест Джемма. Как назло, у той просто кусок не лез в рот. В результате я смогла съесть только небольшой кусок мяса и хлеб, что не способствовало моему настроению.

Художник появился после полудня. Судя по его внешнему виду, он весьма неплохо провел вечер и, возможно, ночь. К тому времени я уже окончательно себя накрутила и решила рассказать все лишь самому Алайстеру. Меня основательно потряхивало, словно перед ответственными соревнованиями. Правда, ставкой в них была не медаль, а моя жизнь.

Заметив, что я часто задумываюсь, художник в свойственной ему манере постоянно шутил, стремясь меня подбодрить. Я улыбалась, но старалась подловить момент, когда можно будет поговорить. Как назло, вокруг все время кружили девушки.

— Мадонна грустит? — я и не заметила, как Боневенунто перестал рисовать и подошел ко мне, — Могу ли узнать, что стало причиной для этого?

Я задумалась, еще раз все взвешивая. Алайстер доверял своему протеже, но доверяла ли я им двоим?

— Я беспокоюсь о своем будущем, Боно, — так ничего и не решив,

осторожно начала я, вставая и отходя вглубь сада, чтобы наш разговор не могли услышать, — что ждет бедную принцессу в Лагомбардии?

— Почет и уважение, мадонна.

— Почет и уважение... но ведь до границы еще надо доехать, верно?

— Верно, — протянул художник, пристально смотря мне в глаза, я на секунду прикрыла их, делая знак, что он все правильно понял, — Но, полагаю, граф Алайстер может гарантировать вашу безопасность.

— Только по ту сторону границы, мой дорогой друг. Здесь он для многих — весьма неуютная личность, не более, — я сорвала какой-то цветок и начала меланхолично обрывать лепестки. Настала очередь Боно пристально смотреть на меня.

— Мне кажется, мадонна, все ваши страхи надуманы! Каждая девушка волнуется перед собственной свадьбой, вот и вы... — наконец сказал он, галантно протянул мне руку, чтобы я оперлась на нее, довел до скамьи и вновь вернулся к портрету. Вскоре солнце скрылось за башнями замка, после чего художник извинился и предложил продолжить на следующий день. Я кивнула и поднялась переодеться к ужину.

Ужин проходил все в том же зале. Только на этот раз рядом с принцем сидел казначей. Место Джованио оставалось пустым. Во время ужина я ковыряла в тарелке, очень внимательно рассматривая каждого, сидевшего за столом. Внезапно я услышала те самые знакомые интонации, все утро не выходившие из головы.

Я вздрогнула и подняла голову: Козимо что-то вполголоса говорил своему казначею. Заметив мой пристальный взгляд, он слегка нахмурился, я поспешно опустила глаза, стараясь не выдать себя. Сердце отчаянно колотилось. Все-таки я была права: принц, не желая оставаться побежденным, вступил в заговор с целью сохранить приданое сестры и разрушить союз двух государств.

Заметив мой взгляд. Козимо слегка нахмурился, затем спросил что-то. Я ответила невпопад, тут же исправилась, под всеобщий смех отговорившись мыслями о женихе, получила в ответ пару сальных шуточек, два совершенно неприемлемых для девицы совета и пронизательный взгляд принца. Впрочем, он ничего не сказал.

С трудом дождавшись окончания ужина, я сослалась на усталость и поспешила спрятаться в спальне. В голове гудело. Мне казалось, что в спальне невероятно душно. Двойная игра принца меня напугала. Я посмотрела на панель, скрывавшую потайной ход. А ведь Козимо ничего не стоит пройти по нему, войти в спальню и придушить меня во сне.

Мне действительно стало страшно. Воображение разыгралось.

Малейший шорох пугал и заставлял подскакивать на кровати вновь и вновь. Не выдержав, я встала и начала двигать кресло, стоявшее в углу к стене, где по моей памяти был потайной ход. Мне казалось, что грохот стоял невероятный, но никто не пришел.

Придвинув мебель к стене, я вновь легла на кровать, затем вскочила, подхватила одеяло и подушку и вышла на балкон. Там светили звезды. Чужие розовые звезды на темном небе. Громады гор нависали над крышами замка, словно угрожая в один прекрасный день обрушиться камнепадом и раздавить жалких людишек, осмелившихся изуродовать их сестру.

Затем раздался тихий шепот и звуки поцелуев. Я перегнулась через парапет и заметила знакомый берет с разноцветным пером фазана. Не выдержав, я кинула вниз горшок с каким-то вонючим растением. Он разбился. Пара недовольно оторвалась друг от друга и посмотрели на балкон.

Боневенунто действительно не терял ни минуты. Он крепко обнимал Бьянку, платье которой было спущено до талии. Даже в темноте я прекрасно видела белизну ее груди. Смутившись, я пробормотала извинения и под гортанный смех любовников вернулась в спальню. Странно, но присутствие людей в саду успокоило меня больше, чем что-либо другое. Я завернулась в одеяло, легла удобнее и вскоре заснула, уже не обращая внимание на тихие стоны за окном.

Следующее утро началось с примерки платья. Умывшись и надев очередную белоснежную рубашку, я с интересом смотрела, как служанки заносят платье, предназначавшееся для свадьбы принцессы в главном храме Лагомбардии.

Оно было розовым. Богато расшитое серебром и жемчугом, с кружевными вставками из серебряной парчи, рукава оторочены мехом горноста. Рубашка под него была свободной, а само платье — на шнуровках с боков, так что даже если у нас с настоящей принцессой были различия в фигуре, они остались незамеченными. Одев меня, служанки отступили, давая мне вдоволь налюбоваться собой в огромное зеркало.

— Сюда просто необходим розовый жемчуг, — раздалось за моей спиной. Я обернулась. Принц Риччионе стоял в дверях. На этот раз свита почтительно замерла в соседней комнате. Повинуясь знаку своего господина, служанки вышли, и мы остались одни. Кажется, я побледнела.

— Ваше высочество, — я хотела сделать реверанс, но он остановил меня и поцеловал мне руку, давая понять, что визит неофициальный. Сердце тревожно забилося. Оставалась слабая надежда, что за дверями

очень много людей, и принц не станет убивать меня фактически на глазах у своей свиты.

— Зовите меня по имени, мы же все-таки брат с сестрой, — его улыбка показалась мне зловещей.

— Спасибо, — я смотрела на него, гадая, что привело его сюда, он не торопился раскрывать цель своего визита.

— Вы выглядите прекрасно! — наконец резюмировал он. Я нервно улыбнулась, он истолковал это по-своему, — Вам не нравится?

— Я предпочла бы надеть другое платье, — уклончиво ответила я и пояснила, — Которое не заставляло бы меня играть роль...

— Не забывайте, что здесь и у стен есть уши, — принц остановил мои откровения. Я наклонила голову, признавая его правоту:

— Простите.

— Впрочем, это легко поправить, — он взмахнул рукой и что-то прошептал, после чего, заметив недоумение на моём лице, пояснил, — Заклинание тишины. Теперь никто вне комнаты не может нас подслушать.

Я вздрогнула, понимая, что звать на помощь бесполезно. Принц слегка нахмурился, и я попыталась отвлечь его:

— Скажите, Карисса тоже владеет магией?

— Нет. Магия — удел главы рода. Дар переходит от отца к старшему сыну в том момент, когда тот совершает обряд...

— Обряд?

— Да, некий ритуал, определенная последовательность действий. В моем случае это был ритуал коронации. Отец не оставил мне особых распоряжений.

— И, кроме главы рода, никто не может владеть магией?

— Насколько мне известно — нет. Но, признаю, я не сильно интересовался этим вопросом.

— Предпочитая развлечения учебе? — вопрос вырвался сам собой, я прикусила губу, — Простите, это не мое дело...

— Точно, — его ответ прозвучал слегка двусмысленно, после чего принц сменил тему для разговора, — Вообще-то я зашел сказать вам о том, что с утра получил известие от Гаудани. Оно касается вас.

— Вот как?

— Да. Он настаивает на том, чтобы в Риччионе была проведена свадьба по доверенности, — мужчина скривился, словно сама мысль об этом его оскорбляла.

— И что это значит? — я невольно напряглась, гадая, чем для меня может обернуться это известие.

— Значит, что Гаудани очень беспокоит приданое, — хохотнул принц, — именно поэтому он настаивает на скорейшем подписании договора. Будто он сможет воспользоваться хоть чем-то до свадебного обряда и консумации брака!

— Как мило... — процедила я, — Могу ли узнать, где и, главное, с кем пройдет сам обряд и...

— Консумация? — услужливо и почти весело подсказал мой собеседник, явно наслаждаясь моим замешательством. — Разумеется, все пройдет в главном храме Лагомбардии.

— У вас варварские обычаи, — заметила я, — Консумация в храме... Надеюсь, зрителей не будет?

Козимо рассмеялся, по достоинству оценив шутку:

— Ну что вы! Эту церемонию жених и невеста проводят где пожелают... Хотя, как правило, все традиционно предпочитают спальню.

— Счастлива это слышать, — кивнула я и затем, набравшись смелости, задала мучавший меня вопрос, — Ва... Козимо, а что вы будете делать, если вашу сестру не найдут?

— А как вы думаете? — его взгляд был просто ледяным. Невольно поежившись, я подошла к окну:

— Не знаю... возможно, у вас останутся земли...

— Пара никчемных островов, которые затапливает в половодье? — презрительно фыркнул тот, — велика потеря. Поверьте, я заинтересован в этой свадьбе, как и мой кузен. Я не хочу, чтобы моя страна воевала на радость святошам из Лаччио! Это обойдется слишком дорого, а казна и так истощена и войной, и блокадой!

Он говорил совершенно искренне. Я вздохнула и повернулась:

— Как я понимаю, понадобится еще одно платье?

— Да, портниха уже заламывает руки, вымогая дополнительную оплату своего труда. Полагаю, платье должно быть голубым...

— Как пожелаете.

— Я? — принц вдруг зло рассмеялся, — Поверьте, уж мне-то все равно, какого цвета платье на вас будет... А вот Делрою...

Он встал и, коротко поклонившись, вышел, даже не позаботившись закрыть дверь.

После его ухода я присела на край кровати, сил просто не было.

— Мадонна, вы здоровы? — Джемма первая вошла в комнату и подбежала ко мне. Я улыбнулась, пытаясь сделать вид, что ничего не случилось. Улыбка вышла кривоватой.

— Граф Алайстер приедет через несколько дней подписать брачный

контракт со стороны мэссэра Гаудани, — я решила не скрывать то, о чем уже к вечеру будет известно всем.

— Значит, вы скоро покинете нас? — всплеснула руками Аугуста, а Джемма испуганно посмотрела на меня.

— Наверное, — протянула я, — Пока что мой брат не слишком спешит посвящать меня в свои планы.

— Его высочество мудр, и наверняка не желает вам зла, — пролепетала Джемма, я скептически посмотрела на нее:

— Искренне на это надеюсь.

Глава 10

Рой приехал через два дня. Из окон замка мне прекрасно был виден кортеж, въезжавший в городские ворота. В окружении девушек я стояла на одной из террас, с которой открывался вид на город, и нам прекрасно было видно, как логамбардийцы во всем блеске мчатся по дороге к городским воротам.

Граф на своем золотом жеребце ехал первым. Столпившись у окон, девушки с интересом рассматривали всадников в блестящих доспехах, на которых был изображен лев, сжимающий в лапе поднятый меч. Этот же лев был и на флагах, развивавшихся над головами гостей. Гордо прогарцевав под приветственные выкрики толпы по узким городским улицам, они подъехали к замку. Я вдруг подумала, что я так и не прогулялась по этим улицам, все время находились какие-то оговорки: примерка платьев, рисование или же просто удушающая жара.

Я предполагала, что на самом деле принц Риччионе просто не хотел упускать меня из виду, опасаясь, что я сбегу. После его визита в мою спальню мы виделись лишь за ужином, в окружении придворных, и поговорить наедине не представлялось возможным. Меня радовало лишь то, что в его присутствии я могла поесть, не опасаясь за свою жизнь.

Дождавшись, пока последние всадники из отряда исчезнут в воротах, мы вернулись в спальню, где служанки раскладывали на кровати мое платье. Нижнее, из голубого шелка, на котором серебряными нитями были вышиты лилии — герб Риччионе. Верхнее платье было из серого, под цвет моих глаз, бархата, с традиционным глубоким вырезом на груди и разрезами на рукавах, показывающими ослепительно-белую нижнюю рубашку. Но больше всего меня поразили туфли, просто усыпанные голубыми бриллиантами.

По традиции меня одевали мои подруги, дочери благороднейших семейств герцогства. Их глаза сияли в предвкушении праздника, а шутки, которыми они перебрасывались, становились настолько фривольными, что мне пришлось их одернуть:

— Надеюсь, мне не стоит напоминать вам правила приличия?

— Ваше высочество, вы слишком строги! — запротестовала Аугуста, расправляя складки моего шлейфа, — Может быть, мы тоже желаем послужить на благо страны и скрепить наши отношения с доблестными воинами Лагомбардии!

Она грациозно поднялась с колен и выразительно выпятила грудь, остальные приснули со смеху. Маленькие дурочки. Я посмотрела на них со всей строгостью:

— Не думаю, дорогая, что внебрачный ребенок улучшит отношения между странами. Скорее всего, ты будешь ненавидеть и его, и его отца. Так что лучшее, что ты можешь сделать на благо страны, — вести себя достойно. Не хочешь же ты дать понять, что все женщины здесь так доступны.

Аугуста хотела что-то возразить, но не нашла слов. Бьянка густо покраснела, но я уже не смотрела на нее. Слуга постучал в двери, извещая нас, что принц и его гости ждут нас в зале для приемов.

Благодаря кулону, я уже знала, что из себя представляет этот зал: высокие стрельчатые окна с витражами, стены оштукатурены на манер Лагомбардийских и расписаны фресками на мифологические темы, потолок украшен лепкой и позолочен, в центре — работа самого Делла Урбино — фреска о сотворении мира.

Наверное, со стороны мы смотрелись очень эффектно: принцесса и ее свита. Шорох юбок, негромкие звуки шагов, озорная улыбка Бьянки, царственная поступь Аугусты, робкое покашливание Джеммы — все это слегка действовало на нервы, заставляя шагать быстрее.

Слуги распахнули перед нами огромные, обитые голубыми металлическими пластинами двери, сеншаль вошел первым, громко объявил имя принцессы.

Придворные торжественно замерли, склонив головы. В сопровождении своей свиты я прошла через весь зал к возвышению. На нем в огромном кресле, обитом красным бархатом, сидел принц Риччионе. Балдахин над головой у принца должен был напоминать всем о божественном происхождении власти, если бы не пыль на складках алого бархата. Рой стоял на ступенях, глядя на меня с привычной насмешкой. Внезапно захотелось кинуться к нему, вновь почувствовать себя в его объятиях и забыть об опасности. Я вдруг поняла, что за эти дня я дико устала. Он внимательно посмотрел на меня и слегка нахмурился. Я чинно подошла к ступеням и склонилась в реверансе:

— Дорогой брат?

— Дорогая сестра! — принц встал, подошел ко мне и протянул руку, помогая подняться и подводя к Рою, — полагаю, нет нужды представлять вам доверенное лицо вашего жениха?

— Разумеется, — я произнесла это очень холодно, — Как поживаете... кузен?

Он весело улыбнулся и поклонился:

— Безмерно страдал без вас...

— Да неужели? Вы — льстец.

— Скорее, дипломат. Впрочем, это одно и то же, — он протянул руку, — Козимо, вы позволите?

— Я доверяю вам так же, как и ваш д'орез, — кивнул тот. Я вынуждена была опереться на руку графа. Незаметно для остальных, он на секунду крепко сжал мне пальцы, словно ободряя. Я выдохнула, затем слегка прищурила глаза, взглядом обещая длинный и обстоятельный разговор.

Рой хмыкнул и повел меня вслед за принцем по ступеням. Собравшиеся в зале расступились, освобождая нам путь к небольшой конторке из темного дерева, принц Риччионе встал с одной стороны, граф Алайстер — с другой, я стояла между ними. Сеншаль тожественно развернул свиток, который держал в руках, и громко, чтобы было слышно всем присутствующим, зачитал условия договора.

Помимо денег и драгоценностей принцессы, унаследованных ею от матери, к Лагомбардии отходили несколько спорных островов, расположенных на реке, и какие-то заливные луга неподалеку от них. В случае если у принца Риччионе не осталось бы прямых наследников, то дети его сестры имели право наследовать герцогство.

В случае смерти мужа принцесса могла вернуться под защиту брата, при этом земли оставались собственностью республики. Само приданное могло вернуться лишь в том случае, если брак не будет заключен официально и консумирован надлежащим образом. Я вспомнила про обычай присутствовать в спальне жениха и невесты свидетелей и невольно вздрогнула.

Сеншаль замолчал, на всякий случай важно надув щеки. Рой небрежно скользнул взглядом по бумагам, лежащим перед ним:

— Да, все верно. Козимо?

— Я читал их уже несколько раз, последний как раз перед твоим прибытием, не думаю, что, даже желай ты, у тебя хватило бы времени подменить их!

Алайстер ухмыльнулся:

— Какое прекрасное мнение у тебя обо мне, кузен! Тогда подписывай.

Повинуясь знаку, поданному принцем, паж, совсем еще мальчик, в тунике с серебряной лилией на груди, преклонив колено, подал своему господину на бархатной подушке чернильницу и перо, раскрашенное в несколько цветов. Рой озадаченно нахмурился и невольно провел над пером

рукой, проверяя на магию, покачал головой: чисто. Я невольно хихикнула, Козимо раздраженно пожал плечами:

— Даже не спрашивай, я понятия не имею, кто ввел эту дурацкую моду, но сейчас в Риччионе раскрашены все перья, даже у куриц! — с этими словами он поставил размашистую подпись, после чего передал перо графу. Рой взял перо, покрутил в руках, еще раз осматривая яркие пятна краски, обмакнул в чернильницу и подписал, правда, более аккуратно.

Затем скатал документ в свиток и приложил свое кольцо-печатку. Яркая вспышка, и на ленте, удерживающей свиток, появилась магическая печать с изображением единорога. Принц взял меня за руку и торжественно подвел к графу, тот церемонно поклонился, а затем повернулся к придворным.

В тот же момент раздался выстрел из пушки, послуживший сигналом для продолжительных оваций. И если в замке свита принца была все-таки сдержанна, то, судя по шуму, царившему в городе, горожане начали веселиться вовсю.

Как только крики стихли, слуги распахнули двери в обеденный зал, и восхищенное «ах» пронеслось по толпе. Бальный зал Риччионе всегда поражал своим великолепием, но сегодня те, кто украшал его, превзошли самих себя. Гирлянды из красных лилий, переплетенные голубыми с золотом лентами, обвивали колонны, поддерживающие арочные своды потолка. Капители сейчас представляли собой корзины, полные цветов и фруктов. Под ногами были разостланы ковры, настолько пушистые, что нога буквально утопала в ворсе.

Стены были украшены мозаикой: полупрозрачные разноцветные стекла, в которых переливались синие и зеленые искорки. Зеленые портьеры на окнах задернули, и зал освещался лишь свечами. Слуги в белых туниках с вышитым на груди гербом Риччионе, красной распутившейся лилией, бесшумно скользили по полу.

Все пространство зала сейчас занимали три стола, настолько огромные, что места вокруг почти не было. Рой подвел меня к центральному, накрытому белым шелком. На нем стоял макет замка, в котором мы находились. Рядом с замком стояли фигуры двух кораблей в полной оснастке, что подразумевало собой союз двух стран. На столах для гостей стояли фигурки домов, между которыми были бирюзовые каналы. Я тихо ахнула, удивляясь, как такое возможно.

— Это всего лишь магическая иллюзия, — прошептал граф мне на ухо, слегка посмеиваясь в ответ на мое изумление, — Я же говорил, что Лагомбардия прекрасна!

— Да, если вас не пытаются убить, — фыркнула я. Он нахмурился:

— Это правда?

— Не знаю.

Козимо за нашей спиной зашипел, напоминая, что мы не одни, а люди, идущие за нами, жаждут начала праздника.

— Поговорим позже, — пообещал Рой, подводя меня к столу.

Как только мы с ним заняли свои места, положенные жениху и невесте, ставни замка, стоявшего на столе, раскрылись и оттуда выпорхнули белые голуби. Я слегка напряглась, опасаясь, что птицы могут нагадить на головы сидящим. Обошлось.

Голуби упорхнули в предусмотрительно открытое окно, вызвав бурю оваций среди простого народа. Окно сразу же закрыли, вновь погрузив зал в полутьму. Мне подумалось, что это освещение — прекрасная возможность для отравителя.

Откуда-то сверху раздалась музыка, я с первого взгляда и не заметила галерею, построенную специально для музыкантов.

— Белые коломены — символ мира и невинности помыслов, а также пожелание молодоженам иметь много детей, — Козимо улыбнулся мне. Как обычно, его глаза оставались холодными, — Это была моя идея.

— Мило и... неожиданно, — кивнула я. Рой как-то нехорошо посмотрел на кузена, но ничего не сказал.

Тем временем красивое тонкое сопрано в сопровождении арфы и скрипки поплыло по залу, иногда перебиваемое взрывами смеха: виночерпии уже вновь разлили фьён из огромных кувшинов. Мелодию вскоре подхватили лютни. Певица вместе с музыкантами пряталась где-то на галерее. Как я ни старалась ее увидеть, мне не удавалось.

За виночерпиями потянулись пажи, подносящие блюда. В основном мясо, приготовленное на вертелах. Принц, вгрызаясь в свиную ножку, рассказывал о новой поэме известного поэта. В ней говорилось о певце, сошедшем в мир теней в поисках своей возлюбленной, которая умерла от укуса змеи. Своим пением он так очаровал Владыку Теней, что тот согласился отпустить девушку. Условием было то, что певец не должен оборачиваться, пока не достигнет выхода из пещеры, но, увидев впереди солнечный свет, юноша не выдержал и обернулся. Его единственная любовь осталась в царстве теней. Козимо так поэтично описывал все страдания, пришедшиеся на долю нерадивого влюбленного, что дамы достали платки, чтобы вытереть слезы.

— Граф Алайстер, вы не находите, что это романтично? — взволнованно произнесла пышнотелая женщина, сидевшая неподалеку от

нас. Она так призывно смотрела на него, выпячивая грудь, что я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Рой бросил на меня укоряющий взгляд.

— Да, это пронизано определенным шармом, — небрежно согласился он, машинально прокручивая кольцо на безымянном пальце, — Потерять все по глупости — что может быть поэтичнее?

— И это все, что вы можете сказать? — наигранно изумилась она, — Неужели вы не пойдете за своей возлюбленной в царство теней?

— Скорее, не допущу, чтобы она туда попала, — граф бросил на меня еще один быстрый взгляд и улыбнулся.

— Ах, как бы я хотела быть на месте вашей возлюбленной! — вздохнула его собеседница, приняв все на свой счет.

— Милая Диана, к сожалению, мой кузен не знает, что такое любовь. У него нет сердца! — вмешался принц, — Это известный факт!

— Козимо, с каких это пор ты стал романтиком? — поддразнил его граф. Тот пожал плечами:

— С тех самых, дорогой, как ты покинул наш замок! Я лишился руки, постоянно направлявшей меня на стезю порока и разврата!

— Позволь мне в этом усомниться, поскольку слухи о твоих увлечениях достигли и Лаччио... не думаю, что тобой двигала лишь романтика... особенно в том случае с тремя...

— Ты несправедлив, кузен! — вскричал Козимо, — я старался угодить своим дамам! Ты же идешь напролом, стремясь как можно быстрее получить желаемое!

— Ты-то знаешь, что у меня мало времени, — усмехнулся Рой, хотя взгляд был напряженным, — Поэтому я всегда действую быстро!

— И так же быстро забываешь! Мне говорили, что у тебя в спальне есть насечки на одном из столбов балдахина — по количеству женщин...

Граф бросил на меня быстрый взгляд. Я почему-то вспомнила руины, наш поцелуй и невольно сжала руку в кулак, чтобы сохранять спокойствие и не наговорить лишнего.

— Ты хочешь пожаловаться, что у тебя меньше, или похвастаться, что хоть в чем-то превзошел меня? — небрежно поинтересовался Рой, откидываясь на спинку стула.

Козимо лишь рассмеялся, салютуя кузену кубком:

— Чертов поганец, умеешь же все обернуть в свою пользу! Твое здоровье!

Тост был подхвачен, все пили за здоровье графа, затем — невесты и жениха, затем опять графа Алайстера. Судя по едва заметной ухмылке, Рой не обольщался искренностью пивших за его здоровье.

Принц ел, пил, много шутил, все время стремясь подколоть своего кузена, тот отвечал ему тем же. В основном все шутки касались их юношеских увлечений. Правда, Козимо вспомнил и пару скабрёзностей, произошедших недавно в Лагомбардии. Рой резко оборвал его, указав на то, что кузен явно пьян.

Сам граф почти не притронулся ни к еде, ни к вину. Мне тоже не хотелось: мясо было пережарено, а фьён здесь отдавал сливой, которую я не любила из-за резкого привкуса, да и мысль о пузырьке, разбитом на ступенях Джеммой, не покидала меня. К тому же шутки Козимо, помноженные на собственные воспоминания, не располагали к пиру. Рой то и дело бросал на меня хмурые взгляды, точно был недоволен, но молчал.

Пользуясь тем, что внимание гостей переключилось на представление, проходившее в центре зала, я внимательно рассматривала сидящих. Весь цвет герцогства собрался здесь. Уже знакомый мне казначей спорил о чём-то с сеншалем, дядя принца весело смеялся в компании нескольких своих друзей, в числе которых был отец Бьянки. Сама Бьянка, пренебрегая моими словами о достоинстве, отчаянно флиртowała с каким-то лагомбардийцем, Аугуста старательно краснела, отвечая на вопросы своего кузена, к которому явно была равнодушна. А я все отчетливее понимала, что именно среди этих людей есть те, кто желает смерти принцессе. Или мне. Последняя мысль заставила меня вздрогнуть, будто от холода. Я искала глазами Джемму, ее нигде не было — скорее всего, она уже выскользнула из-за стола. Все еще надеясь, что я просто не заметила ее, я внимательно всматривалась в лица людей, находившихся в зале. Девушки не было.

— Вам здесь не нравится? — тихо спросил Рой, заметив что я побледнела. Я посмотрела на него. Граф склонился так близко, что я кожей чувствовала его дыхание. Мне захотелось вцепиться ему в ткань дублета и потребовать немедленно перенести меня домой, я с трудом сдержалась.

— Нет, все прекрасно, — наигранно улыбаясь, я взяла кубок и поднесла к губам. В тот же момент какая-то сила выбила его у меня из рук. Красная лужа разлилась на белоснежной скатерти, часть попала на костюм принца. Тот вскочил и обернулся к нам:

— Что здесь происходит?

— Вино отравлено, — Рой тоже поднялся, впрочем, как и остальные. После слов графа все потрясенно замолчали.

— Что за бред! — возмутился принц, — Вино из моих погребов!

— Козимо, тем не менее оно отравлено, — Рой протянул руку к пятну. Я заметила, что некоторые из гостей буквально вытягивают шеи, чтобы не пропустить ни единого жеста.

Кольцо на указательном пальце графа — массивный перстень с необработанным красным камнем в окружении маленьких черных — ярко вспыхнуло.

— Яд? Неужели Вискапада Италлера? — потрясенный возглас принца потонул во всеобщем шуме. Рой кивнул и повернулся ко мне, все еще сидящей и смотрящей на расплывающееся по скатерти пятно:

— Полагаю, празднование закончено. Козимо, ты знаешь, что делать.

Он буквально выдернул меня со стула и потащил за собой, оставив Козимо разбираться с гостями. Словно сквозь сон я слышала, как принц отдавал распоряжение никого не выпускать из замка и покачала головой: наверняка Джемма уже выскользнула наружу.

Мы пролетели несколько комнат, вернее, летел Рой, я, спотыкаясь, послушно семенила следом. Наконец в галерее, ведущей к комнатам принцессы, я не выдержала и взмолилась:

— Рой, пожалуйста! Я больше не могу...

Он резко, точно налетел на невидимую преграду, остановился и повернулся ко мне как раз в тот момент, когда у меня подкосились ноги. Недолго думая, граф подхватил меня на руки и отнес на небольшую кушетку, стоявшую у стены. Сел рядом.

— Простите, — тихо сказал он.

— Ззззз что? — от пережитого я вся дрожала.

— За то, что втянул во все это, — Рой взял мои руки в свои, — просто ледяные!

— Эттто шок, — отмахнулась я, — сссскоро пройдет.

Он покачал головой и начал легкими движениями растирать мои пальцы.

— Вот так-то лучше, — кивнул он через некоторое время, когда я перестала дрожать, — А теперь рассказывайте все по порядку!

Я вздохнула, собираясь с мыслями:

— Это все тот человек, в маске. Он из окружения принца.

— Вы его узнали? — я заметила, как Рой напрягся и покачала головой:

— Нет, но видела его еще раз.

Я постаралась как можно более спокойно рассказать о свидании, свидетелем которого я стала.

— Почему вы не рассказали об этом Козимо?

— Я не была уверена, что он на нашей стороне, — я невольно покраснела под насмешливым взглядом графа.

— Знаете, — проникновенно сказал он, — Почему-то мне не хочется спрашивать про свою скромную персону...

Я слегка покраснела. Рой усмехнулся:

— Этого следовало ожидать.

— Да, вас я тоже подозревала, — призналась я, — Но потом поняла, что это — глупо.

— Какая здравая мысль! — язвительно отозвался он. Я устало прикрыла глаза, чувствуя себя слишком усталой, чтобы обмениваться резкими замечаниями. Рой вдруг протянул руку и неловко, словно стесняясь сам себя, погладил меня по волосам. Я подняла голову, с удивлением смотря на графа. Кончики пальцев скользнули по моей щеке.

— Если бы я мог, — прошептал он, покачав головой.

— А, вот ты где! — Козимо вошел на галерею. Увидев нас, сидящими на диване, он нахмурился, — Что здесь происходит?

— Я хотел бы у тебя спросить то же самое, — отозвался Рой, вставая, — ты в курсе про Джемму?

— А ты откуда знаешь? — насторожился принц. Граф выразительно посмотрел на меня, принц даже изменился в лице:

— Вы ее видели? Когда?

— Два дня назад, ночью, — я собиралась повторить свой рассказ, но Козимо отмахнулся:

— Нет, сегодня, сейчас...

— Нет, — я недоуменно посмотрела на него, — Вы нашли её?

— Да, мертвой. Тот же яд, что и у вас в бокале, — он присел на соседний стул и сгорбился, словно придавленный тяжелым грузом.

— Ты уверен? — граф встревоженно посмотрел на кузена.

Тот кивнул:

— Все признаки.

— Кто еще знает? — быстро спросил Рой.

— Два стражника, которые её нашли. И их капитан. Он вызвал меня.

— Считай, полгорода...

— Обижаешь, кузен! Я их запер, — возразил Козимо.

— Хорошо, — кивнул тот, — Это не должно стать известным до свадьбы.

— Её отец будет в ярости.

— Её отцу надо было лучше воспитывать дочь! — возразил Рой и коротко пересказал принцу мою историю. Выслушав, Козимо встал и прошелся по галерее:

— Что ты предлагаешь?

Граф, хищно прищурившись, взглянул в окно, обдумывая варианты:

— Мы уедем немедленно. Ты перенесешь тело в спальню принцессы и

завтра объявишь, что девушка умерла, отравившись едой, предназначенной для принцессы. Постарайся запустить слух про то, что в Лаччио заинтересованы в смерти принцессы. Не усердствуй.

— Хорошо. А что будешь делать ты?

— Я? — Рой усмехнулся, — Как и положено, повезу принцессу к жениху. В этом же и состоит моя обязанность, верно?

Он обернулся ко мне, ободряюще улыбаясь:

— А что скажете вы?

— Что это — ужасно, — тихо сказала я, — то, с какой легкостью вы играете жизнями людей и думаете, как из смерти девушки извлечь выгоду, — это ужасно. Извините, я лучше пойду.

Не дожидаясь ответа, я направилась к дверям, затылком чувствуя тяжелый взгляд принца.

Рой молча проследовал за мной, отступив лишь у дверей спальни. Я вошла и замерла: у окна стояла женщина. Услышав скрип двери, она обернулась.

— Далия! — я кинулась к ней, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы.

— Мадонна, — охнула женщина, приобнимая меня за плечи, — Ну что же вы...

Её сочувствие было последней каплей, после чего я просто расплакалась, выплескивая свое отчаяние и страх последних дней.

— Меня пытались убить, — пожаловалась я. Прозвучало очень по-детски. Я вновь шмыгнула носом. Далия присела рядом на кровать и обняла меня за плечи.

— Ну, ну, успокойтесь, мадонна! — женщина поглаживала меня по спине, — теперь мэссэр граф здесь, и он не допустит...

— Не допустит! — воскликнула я, от возмущения даже вскакивая с места, — Да ведь это он, протащив меня через всю страну, бросил прямиком осиное гнездо!

— Мадонна, вам следует просто довериться ему, — возразила служанка. Я упрямо тряхнула головой:

— Он... он оставил меня здесь, одну!

— Он примчался, как только получил известие от Боно, — возразила Далия. Она прошла через комнату, налила в кубок воду из кувшина, стоявшего на столике, и протянула мне, — Вот, выпейте.

Я покачала головой: воспоминания о кроваво-красном пятне на белоснежном шелке были еще слишком сильны. Служанка пожала плечами. Пытаясь собраться с мыслями, я прошла по комнате. Юбки

мешали, ноги то и дело путались в ткани, шлейф тянулся следом, словно хвост крокодила.

— Дурацкое платье! — в раздражении я попыталась расшнуровать его, но в итоге затянула его сильнее.

— Позвольте мне, — Далия подошла, мягко отвела мои руки и начала распутывать шнуровку. Затем сняла оба платья и бережно положила их на кровать.

— Спасибо, — поблагодарила я и, спохватившись, спросила, — скажи, а как ты здесь очутилась?

— О, наш д'орез пожелал, чтобы у его невесты была служанка из Лагомбардии... — она заговорщицки улыбнулась. Я вздохнула и покачала головой:

— Пожелал д'орез или граф Алайстер? — вопрос прозвучал очень резко.

— Не знаю, — она весело подмигнула мне, — Какая, впрочем, разница? Если позволите, мадонна, то я бы советовала вам освежиться. Судя по всему, мы скоро отправимся обратно, в Лагомбардию.

Я невольно улыбнулась искренней радости, звучащей в её голосе, и послушно прошла в ванную комнату. Включила воду и шагнула под нее, подставив лицо упругим струям, словно желая смыть с себя все неприятности. Затем, когда кожа основательно покраснела от горячей воды, а на душе действительно стало легче, вышла и, замотавшись в простыню, вернулась в спальню.

Рой был там. Он стоял и о чем-то тихо говорил с Далией. При виде меня он выпрямился и судорожно вздохнул, затем его лицо окаменело.

— Мэссэр? — холодно произнесла я, — Чем обязана?

— Я хотел проинформировать вас, что мы выезжаем через полчаса, — точно таким же тоном ответил граф, глядя поверх моей головы куда-то в стену, — Козимо согласен. Его люди будут охранять нас во время пути.

— Интересно, как вам удалось так быстро его убедить? — фыркнула я, скрывая смущение: простыня основательно намокла и липла к телу.

— Это было нетрудно, Джованио негодовал гораздо больше, — все еще избегая смотреть на меня, он положил на кровать небольшой сверток, — Вот, наденьте это.

Делая вид, что абсолютно не смущена своим полупрозрачным одеянием, я подошла. При ближайшем рассмотрении «это» оказалось мужским костюмом, почти таким же, как тот, что я носила ранее.

Я повернулась и встретилась с очень внимательным взглядом Роя. Он словно изучал меня. Я нахмурилась, но не успела потребовать объяснений,

как граф зашевелил руками, шепча что-то себе под нос.

— Не двигайтесь! — предупредил он, бросая на меня сосредоточенные взгляды, как тогда, когда рисовал мой портрет. Я поджала губы, и тут же последовал резкий окрик, — Я же сказал!!! Замрите!

Несколько минут — и в воздухе возникло свечение, затем яркая вспышка, и рядом с Роем появилась девушка в розовом платье. Не сдержавшись, я удивленно вскрикнула: у девушки было мое лицо.

Она стояла неподвижно, словно кукла. Осмелев, я подошла ближе, протянула руку... она спокойно прошла сквозь иллюзорное тело.

— Это фантом, — пояснил мне Алайстер, — он займет место в вашей карете. Вы же сейчас оденетесь в то, что я вам принес, и уйдете вместе со мной потайным ходом. Что бы вы обо мне ни думали, я не собираюсь рисковать.

— Хорошо, — кивнула я, старательно избегая вопросительного взгляда Далии.

— И поторопитесь, у нас мало времени! — потребовал Рой. Скрипнув зубами, я схватила рубашку, натянула ее на себя и размотала простыню. Рубашка была достаточно короткой, до середины бедра. Служанка охнула, а Рой едва слышно выдохнул. Я тем временем начала надевать чулки, старательно раскатывая их по ноге, затем надела штаны, жилет, натянула высокие сапоги и набросила сверху что-то типа пончо: короткий плащ, надевавшийся через голову. Тяжелые складки ткани скрывали фигуру, делая ее бесформенной.

— Я готова, — окликнула я Роя, тот вздрогнул, словно сбрасывая оцепенение:

— Далия, убери волосы мадонны под берет, — распорядился он и удовлетворенно кивнул, — да, так замечательно.

Он кивнул на зеркало. Я подошла. Оттуда на меня смотрел невысокий, слегка пухлый мальчишка. Во всяком случае, если не всматриваться... да и кто будет всматриваться в очередного пажа.

— Пойдемте же, — поторопил меня Рой, подхватывая под руку и ведя к панели, скрывающей потайной ход. Плавное движение рукой, и она отъехала в сторону, я бросила быстрый взгляд на Далию:

— А...

— Далия поможет принцессе, — граф слегка подтолкнул меня в темноту, — Нам не стоит вызывать подозрений.

— Нам? — фыркнула я, — По-моему, это все — ваши идеи.

— Но вы же участвуете в их осуществлении!

— А у меня есть выбор?

В ответ Рой лишь криво улыбнулся и нажал на кирпичи, задвигая панель. Мы прошли по коридору и вышли неподалеку от лестницы, спустились во двор. Там было шумно. Суетились люди, ржали лошади, сундуки грузили в карету. Руководил всем Боневенунто, громко крича и отчаянно жестикулируя, слуги грубо отвечали ему, один, забывшись, попытался взмахнуть руками, уронил окованный железом ящик себе на ногу и разразился проклятиями.

Когда основное было загружено, Далия вывела фантом. Со стороны казалось, что принцессе просто нездоровится, что было вполне объяснимо событиями сегодняшнего дня.

Иллюзорную Кариссу усадили в карету. Козимо в сопровождении своего дяди показался на ступенях.

— Все-таки едешь, — мрачно резюмировал он. Рой кивнул:

— Да. Так будет лучше.

— Алайстер, надеюсь, ты понимаешь, что столь поспешный отъезд — оскорбление для принца Риччионе? — процедил Джованио, — К тому же отказ взять наперсниц принцессы подвергает сомнениям...

Принц взмахом руки оборвал его речь, подошел к карете, чтобы попрощаться с сестрой. Рой слегка напрягся. С секунду Козимо всматривался в фантом, затем, пробормотав что-то, повернулся к кузену и крепко его обнял:

— Удачи. Дай мне знать...

— Непременно! — граф легко вскочил на коня и внимательно осмотрел своих людей. Мне показалось, что при виде меня, сидящей на вороном, он чуть улыбнулся.

— Пора! — скомандовал Рой, направляя своего жеребца к воротам замка. Отряд последовал за ним, следом с грохотом покатила карета.

Глава 11

На этот раз мы ехали по главному тракту, связывающему столицы двух государств. Он действительно оказался очень оживленным, и нашему отряду постоянно приходилось сбавлять скорость: то из-за купеческих обозов, то из-за крестьян соседних деревень, собравшихся на обочинах, чтобы поглазеть на свадебный кортеж. От приветственных воплей кони нервничали, и мне стоило большого труда удерживать вороного от того, чтобы он не сорвался в галоп.

Глядя на мои мучения, Рой сжалился и приказал разбить лагерь еще до захода солнца. Мы свернули с тракта к небольшой рощице, где моментально были поставлены два шатра. Один для принцессы, вернее, фантома, второй — для графа Алайстера. Сам граф ходил по краю лагеря, бормоча себе что-то под нос, как мне пояснил один из солдат, он ставил магическую защиту.

Стоя у деревьев, я с завистью смотрела на белую ткань, понимая, что мне, как и остальным, предстоит спать на голой земле. На всякий случай я поковыряла ее носком сапога. Земля была твердой.

Далия с фантомом скрылись в шатре, Рой вошел во второй. Вздохнув, я начала присматривать себе место, когда меня окликнул один из людей Алайстера:

— А, вот ты где! Ты же новый паж? Мэссэр граф велел тебе идти в шатер!

— Зачем? — я слегка напряглась.

— Прислуживать ему будешь, — мужчина грубовато хохотнул, — ты, малец, не бойся, наш граф не из тех, кто смазливymi мальчиками увлекается!

— Спасибо. Мне стало гораздо легче от этого! — съязвила я, не удержавшись, и зашагала к шатру.

Рой сидел на походной кровати и снова что-то рисовал в своем альбоме. При виде меня он неспешно поднялся и покрутил головой, разминая затекшие мышцы.

— Вы заставили себя ждать, — заметил он, — Присаживайтесь!

— Зачем вы приказали мне прийти? — я не торопилась принимать приглашение с учетом того, что сидеть можно было только на кровати.

— Вы хотели меня видеть?

— Вас это удивляет?

— Признаться, да, — я внимательно посмотрела на него. Мне показалось, или его глаза сверкнули весельем:

— Вы удивительно прямолинейны!

— Зато вы так таинственны, что хватает на двоих! — огрызнулась я, чувствуя себя слишком усталой и голодной, чтобы поддерживать разговор в шутливом тоне. Он это понял.

— Садитесь же! — Рой слегка раздраженно махнул рукой в сторону кровати, а сам тем временем подошел ко входу и распорядился принести ужин.

— Как я понимаю, вы давно не ели. Поужинаем вместе?

— Это приказ?

— Нет, дружеское предложение. Так как?

Я упрямо покачала головой:

— Прежде вы расскажете мне, зачем позвали сюда.

Он устало взглянул на меня:

— Создатель, ну и упрямец же вы! Только не говорите, что предпочитаете спать под открытым небом, завернувшись в плащ, как мои воины!

— По-моему, у меня нет выбора, — заметила я, — Занять шатер принцессы означает привлечь к себе ненужное внимание.

— В этом шатре весьма удобная кровать... — он многозначительно замолчал, я резко выдохнула, стараясь не поддаваться на явную провокацию. Рой усмехнулся:

— Разумеется, она рассчитана только на одного, так что на земле, завернувшись в плащ, буду спать я.

Я недоверчиво посмотрела на него:

— Вы уступите свой шатер простому пажу?

— Нет, я буду спать рядом с вами... — он замолчал, поскольку полог дернулся, и в шатер внесли ужин, состоявший из хлеба, домашнего сыра и зажаренной на костре дичи. Я сглотнула, поняв, что действительно нормально не ела уже несколько дней. Подождав, пока его люди выйдут, Рой медленно провел рукой с красным перстнем над едой. Я с интересом следила за ним.

— Ваш перстень распознает яды? — поинтересовалась я, вспомнив, что в замке камень полыхнул алым.

— Да, — Рой протянул мне тарелку, на которую уже положил всего понемногу, — вы сядете или так и будете стоять истуканом?

Я медленно присела на самый край кровати. Не рассчитала. Рама была достаточно легкой, и кровать опасно накренилась, я бы упала, если бы в

самый последний момент граф не подхватил меня, резким рывком ставя на ноги. Ужин разлетелся по шатру, но я не заметила этого.

Лицо Роя было слишком близко. Я видела, как раздуваются его ноздри, чувствовала, как подрагивают руки, сжимавшие мои плечи. Серые глаза стремительно темнели. Пробормотав какое-то ругательство, Рой вдруг резко буквально вжал меня в себя, лишая возможности сопротивляться и яростно поцеловал. Это было сродни наваждению.

Я даже не пыталась отстраниться, лишь высвободила руки, чтобы обнять его за шею. Его руки скользили по спине, спускаясь все ниже. Дрожащими руками я с трудом расстегнула его дублет, он на секунду отстранился, чтобы скинуть его, и вновь притянул меня к себе, затем, все еще целуя, провел к кровати и бережно опустил, сам становясь рядом на колени.

— Лиза, — тихо прошептал он, вопросительно заглядывая мне в глаза. Я посмотрела на него, вдруг понимая, что мне неважно, сколько у него было женщин, и стану ли я одной из них, будет ли это всего одна ночь, или же еще... Он смотрел на меня, ожидая позволения, пока еще готовый прекратить, но я не хотела останавливаться, поэтому я лишь притянула его к себе, вновь целуя — на этот раз уже сама. Его руки заскользили по моему телу, пробираясь под рубашку. Едва касаясь кожи, они устремились вверх, к моей груди. Я со стоном откинула голову, подставляя шею под его поцелуи.

Кровь громко стучала в голове, и я не сразу поняла, что звон оружия, крики и ржание лошадей не имеют отношения к моему состоянию. Рой вскочил и хищно сузил глаза. Прислушался, затем протянул руку, помогая встать, а вернее, просто сдергивая с кровати.

Боно ворвался в шатер с обнаженной шпагой.

— Мэссэр, шатер принцессы... — он осекся, с изумлением смотря на меня: растрепанную, с припухшими губами и все еще блестящими от страсти глазами. Я встала и поправила рубашку, сползшую с плеча. Кажется, Рой порвал ворот.

— Что с шатром? — поторопил его Рой. Художник вздрогнул и слегка нахмурился:

— Шатер? А, шатер принцессы... в общем-то, ничего, его просто нет.

Граф побледнел.

— Далия? — сдавленно спросил он. Боно криво улыбнулся:

— Она как раз вышла и не пострадала.

— Как это случилось? — голос графа не предвещал ничего хорошего.

— Это... это были люди из тех, кого снарядил в охрану принц Риччионе.

— Вот как? — Рой быстро взглянул на художника, — останься здесь. Головой отвечаешь!

Откинув полог, он стремительно вышел. Боневенунто старательно не смотрел на меня. Я тоже старательно рассматривала землю под ногами. Молчание становилось просто невыносимым.

— Что там произошло? — не выдержала я. Художник пожал плечами:

— Двое стражников из отряда принцип Риччионе, с помощью магического амулета уничтожили шатер. В котором находилась... как я понимаю, находилась иллюзия.

— Да, — тихо прошептала я, — Слава богу, это была иллюзия.

Мне вновь стало страшно. Стараясь не подать виду, я присела на кровать и, чтобы хоть чем-то занять себя, начала заплетать косу. Затем соорудила себе бутерброд и откусила. За стенами шатра вновь воцарилась тишина. Затем раздался просто нечеловеческий вопль. Я подскочила, вновь выронив еду:

— Что это?

— Ничего, пустяки, — попытался успокоить меня художник. Вопль повторился, на этот раз закончившись криками «пощадите». Я решительно направилась к выходу. Боневенунто перегородил мне путь:

— Мадонна, вам не стоит туда ходить. Поверьте!

— Почему?

Он заколебался. Я протянула руку к пологу, и художник вздохнул:

— Те, кто пытался убить принцессу... их поймали... Мэссэр граф наверняка хочет узнать, кто их подослал.

— И что? — я изумленно посмотрела на него, затем ахнула, — Он их...

— Да, — вздохнул Боно, — Мне повезло, что мэссэр попросил присмотреть за вами. пытки — не самое приятное зрелище. Особенно когда используют раскаленное железо. Один запах...

— Прекрати! — потребовала я, чувствуя, что меня начинает мутить от его рассказов. Художник пожал плечами, но послушался. Я с отвращением посмотрела на мясо со слегка обуглившейся корочкой и розовой серединкой, все еще лежавшее на тарелке. Чуть не стошнило. Я спешно глотнула воды, надеясь, что это поможет. Крики не прекращались.

— Это просто невыносимо! — я прошлась по шатру. Любая другая на моем месте должна была выскочить из шатра и устроить истерику. Но я слишком хорошо понимала, что это бесполезно. Рой все равно сделает все так, как считает нужным. А если вспомнить, в каком состоянии он вышел...

Я вздохнула. Диверсантам явно не повезло. Художник с удивлением

смотрел на меня, словно ожидал совершенно другого поведения. Конечно, для него яды и пытки были частью его мира.

Интересно, что бы на моем месте сделала настоящая принцесса? Я вдруг зло рассмеялась. Прежде всего, она не зашла бы в шатер к графу Алайстеру и уж точно не начала бы сама его целовать... Я задумчиво покрутила кулон, все еще висевший у меня на шее. Я ничего не знала о магии этого мира, и сильный маг вполне мог вплести какое-нибудь заклинание приворота. Недолго думая, я расстегнула цепочку, сняла кулон и положила его на небольшой сундук, рядом с небольшим тазом и кувшином для умывания.

Рой вошел в шатер. От него пахло гарью и чем-то паленым. На белой ткани рубашки виднелись бурые пятна. Не говоря ни слова, он прошел к сундуку, на котором стоял кувшин для умывания, зачерпнул руками воды, плеснул на лицо, словно желая смыть с себя все это. Вытер лицо полотенцем, которое лежало рядом, и внимательно посмотрел на меня.

— Они мертвы, оба... — голос графа звучал глухо, и тем не менее мое сердце забилося чуть чаще, как всегда при виде его. В памяти всплыли слова, сказанные сегодня днем, но сейчас я уже о них жалела. Джемма мертва, Карисса, судя по всему, сбежала, опасаясь за свою жизнь, и если бы не фантом, то меня бы сейчас тоже не было в живых.

— Я не мог оставить их в живых, это расценили бы как слабость, — он словно оправдывался передо мной. Я кивнула:

— Знаю.

— Как-то все... — он не договорил, махнув рукой.

Мы замолчали. Где-то снаружи негромко переговаривались люди, трещал огонь костра. Рой просто стоял и смотрел, словно ожидая моего решения. Мне вдруг захотелось подойти к этому мужчине и провести рукой по его лбу, разглаживая морщины, вызванные напряжением и усталостью. Я невольно бросила взгляд на кулон, лежащий на сундуке. Рой озадаченно перехватил мой взгляд и приподнял брови, выражая удивление:

— Зачем?

— Я думала... неважно... — краем глаза я заметила, как Боно предпочел выскользнуть из шатра.

— Вы думали, я применил магию? — голос графа стал ледяным, — Считаете, что я лишь на это и способен? Играть судьбами и колдовать?

Я промолчала, чувствуя себя слишком опустошенной, чтобы спорить, но Рой воспринял мое молчание, как ответ.

— Понятно, — процедил он, подхватывая плащ, — В таком случае, мадонна, не смею вас больше беспокоить!

Он вышел. Я медленно прошла по шатру, вновь присела на походную кровать, провела рукой по простыням, разглаживая складки. В памяти возникли его темные от страсти глаза, его губы, его руки. Я вдруг поняла, что не хочу отказываться от всего этого, просто потому, что не хочу. И это лишь мои желания. Ни кулон, ни Карисса не имеют к этому никакого отношения. Я решительно встала, надела плащ, спрятала волосы под берет и вышла. Найти Роя не составило труда.

Он сидел у костра, привалившись спиной к дереву, и вновь что-то зарисовывал в своем альбоме. Его движения были очень резкими, словно он вымещал свою злобу на листе бумаги.

Я не стала подходить к огню, чтобы не привлекать внимание людей, сидящих рядом со своим господином. Он негромко переговаривались, наверняка обсуждая недавнее происшествие. В лагере уже ничто не напоминало о случившемся, лишь несколько клочков ткани белело неподалеку. При виде них я вздрогнула и вновь перевела взгляд на графа.

Словно почувствовав что-то, он поднял голову, нахмурился, затем отложил альбом и подошел ко мне.

— Что-нибудь еще? — голос звучал очень сухо. Я нерешительно коснулась его пальцев:

— Прости меня.

Его плечи слегка расслабились, он улыбнулся, всматриваясь в мое лицо, потом нежно провел рукой по моей щеке, прошептал:

— Подожди здесь...

И тут же вернулся к костру, на ходу отдавая распоряжения. Подозвал Боневенунто, что-то коротко сказал ему и вновь быстрым шагом направился в мою сторону:

— Пойдем, — он потянул меня за руку.

— Куда?

— Туда, где нам никто не мешает, — ответил он и еле слышно добавил, — и где мы будем счастливы.

Я посмотрела на него, ожидая пояснений, но Рой лишь покачал головой:

— Пусть это будет сюрпризом.

Он небрежно махнул свободной рукой, в воздухе возникло белое сияние портала. Я замешкалась, граф подхватил меня на руки и шагнул туда. Яркие вспышки перед глазами, и вновь темнота. Шорох листьев подсказал, что мы в лесу. Когда глаза привыкли, я увидела небольшой дом, стоящий в окружении деревьев.

Рой, все еще держа меня на руках, прошел ко входу. Приложил ладонь

к двери, прошептал несколько слов, наверняка снимая какую-то магическую защиту, шагнул внутрь и лишь тогда позволил мне встать на ноги.

Зачарованная тишиной и умиротворением, я сделала несколько шагов.

К моему удивлению, здесь было чисто, будто бы за порядком следили. Впрочем, так оно и было. Здесь не чувствовалось запаха запустения, который обычно сопровождает заброшенное жилище.

Даже в нервном свете луны, проникавшем через пространство внутреннего двора, было видно, что дом прекрасен. Полы из розового, серого и зеленого мрамора, черные с белыми прожилками колонны, окружавшие небольшой прямоугольный бассейн, посередине которого был установлен фонтан в виде вазы с цветами. Две статуи из белого мрамора стояли с торцов бассейна. За ними — две ниши, в которых прятались низкие полукруглые диванчики. Сквозь прозрачную крышу было видно звездное небо.

Я прошла к фонтану, затем обернулась. Рой стоял, прислонившись к одной из стен, и смотрел на меня, чуть прищурив глаза.

— Чей... — я слегка закашлялась, — кто хозяин этого дома?

— Когда-то отец построил этот дом для моей матери... — он подошел ко мне вплотную и прижал к себе, с трудом сдерживая свое нетерпение.

— Мы в Лагомбардии? — прошептала я, чтобы сказать хоть что-то.

— Не совсем, — улыбнулся граф.

— А где? — как бы банально это ни звучало, но от этой улыбки сердце забило сильнее.

Рой покачал головой, его рука медленно потянулась к моим волосам, заправила выбившуюся прядь, скользнула по скуле, кончики пальцев очертили губы, заставляя их приоткрыться, я подняла голову и встретилась с его взглядом. Ставшие вдруг темными глаза замороженно смотрели на меня.

Меня словно кто-то толкнул в спину, я потянулась, уже сама целуя его. Граф выдохнул, пробормотал что-то неразборчивое и с силой обнял, заставляя всем телом вжаться в него, затем подхватил на руки и понес куда-то вглубь дома. Мы буквально упали на кровать.

С этого момента я перестала принадлежать себе. Его руки, его губы, его тело — все опьяняло. Темнота обостряла чувства, заставляя вновь и вновь прикасаться друг к другу, убеждаясь, что это не сон.

Он не торопился, намеренно растягивая удовольствие, то привлекая к себе, то отстраняясь. Умелый любовник. Он вел меня по грани между пыткой и наслаждением. В этом извечном танце двоих я следовала за ним,

уже не принадлежа себе. Рой становился все более требовательным, и я подчинялась, желая полностью раствориться в нем, стать его частью... В тот момент, когда он окончательно овладел мной, я вдруг поняла, что все было предрешено ... а затем наступило блаженство...

Небо за окном светлело, становясь из темно-фиолетового розовым. Я лежала на спине, накрытая лёгкой шелковой тканью, приятно холодившей разгоряченное тело.

Золотые херувимы, надув толстые щеки, с укором смотрели на меня из-под потолка. Я отвернулась от них и встретила взглядом с Роем. Он лежал рядом, поверх простыней, подперев голову рукой, второй медленно перебирал мои волосы, раскинувшиеся на подушке. В полумраке его полностью обнаженное тело казалось темным.

— Уже утро? — спросила я.

— Рассвет, — он чуть придвинулся и поцеловал меня в макушку, — надеюсь, я утомил тебя. Спи.

— Неужели нам не надо вскакивать и ехать? — пробормотала я, хотя глаза слипались.

— Не сегодня, — он притянул меня к себе, заставляя прижаться к его плечу, — Спи, сегодня нас никто не потревожит...

Он шептал еще что-то, но я уже слишком устала, чтобы вслушиваться в слова.

Когда я проснулась, было уже светло. Лучи солнца проникали сквозь неплотно задернутые шторы, и комната была в оранжевых бликах. Я приподнялась и осмотрелась.

Жемчужно-серые стены без ставших уже привычными фресок, лакированная мебель из орехового дерева, инкрустированная оранжево-розовым перламутром. Огромная кровать без балдахина. Я невольно оглянулась на резное изголовье, проверяя нет ли насечек, и усмехнулась. Пора бы уже научиться отличать правду от вымысла.

Затем встала, завернулась в простыню, подошла к окну и изумленно ахнула. Это было междумирье. Оранжевое солнце, бордовые деревья и трава... лишь белые цветы переливались на солнце бриллиантовым блеском. Эльфы и феи кружили над ними. Заметив меня, они радостно помахали мне, словно приглашая присоединиться. Я открыла окно, словно бабочки, они впорхнули в комнату разноцветной стайкой, щебеча о чем-то своем. Я протянула руку, и они, смеясь, закружили над кончиками пальцев, стряхивая на меня с крыльев розовую пыльцу.

— Осторожнее, маленький народец может закружить голову, хотя пыльца фей помогает людям понимать языки других миров... — звонкий

голос заставил меня обернуться. На пороге в каком-то радужном сиянии стояла невысокая женщина. Темные с проседью волосы убраны под вуаль, платье из темно-вишневой ткани прекрасно подчеркивало пышную грудь и тонкую талию. Лицо показалось мне смутно знакомым. Сияние погасло, и серые глаза женщины широко распахнулись:

— Карри? Как ты здесь оказалась? — она поднесла руку к груди, — В таком виде... Несносная девчонка! Что на тебя нашло!

— Я... — я запнулась, судорожно пытаюсь что-нибудь придумать. Простыня постыдно сползала, и я вцепилась в нее, как утопающий в соломинку.

— Ладно, объяснишь все позже, — строго сказала женщина, махнув рукой, — И мы подумаем, как все можно исправить...

— Мама? — раздались торопливые шаги, Рой появился в дверях. В руках у него были цветы.

— Рой? Ты здесь... — женщина перевела взгляд с меня на него, затем на букет, её серые глаза сузились, — Только не говори мне, что ты и Карри...

— Это не Карри, — слегка поколебавшись сказал он.

— Вот как? — женщина подошла ближе, всматриваясь в мое лицо — Да, действительно. Но сходство потрясающее, я даже поверила! — любопытство вновь сменилось тревогой — Надеюсь, все идет успешно?

— Пока нет, — голос Роя звучал сухо.

— А мой племянник?

— Что с ним станется? — он пожал плечами и поставил цветы в вазу, словно так было задумано с самого начала.

— Это хорошо, — кивнула женщина и вновь повернулась ко мне, — Ну что же, раз уж мы встретились, предлагаю пройти в салон и спокойно поговорить там. Судя по всему, вы не завтракали?

— Она не успела, — поспешно ответил граф.

Женщина с укором посмотрела на сына:

— Дорогой, полагаю, что у девушки есть имя... и она сама может ответить на мои вопросы... как только приведет себя в порядок.

— Тогда почему бы тебе не пройти в салон и не подождать ее там? — предложил Алайстер, беря мать под руку и буквально силой увлекая ее за собой.

Как только дверь за ними закрылась, я судорожно подхватила с пола свою одежду, дважды чуть не порвала, пытаюсь надеть ее на себя как можно быстрее. Натягивая чулки, вдруг вспомнила, как Рой вчера снимал их, медленно скользя пальцами по ноге, и покраснела еще больше.

Пришлось задержаться в умывальной комнате, брызгая на предательски пылающие щеки холодной водой, чтобы хоть как-то выглядеть более спокойной. Со все еще дрожащими руками я шагнула к двери, попыталась восстановить дыхание и успокоиться.

Ничего не произошло. Мы оба — взрослые люди, и можем заниматься чем хотим и где хотим, даже если это дом матери Роя... при этой мысли ноги опять стали ватными, а желудок скрутило. Желание скрыться стало просто паническим, но, чтобы его осуществить, необходимо было пройти через анфиладу комнат, в одной из которых меня ждала хозяйка дома. С сыном которой я... я всю ночь занималась сексом. Щеки вновь полыхнули алым. Я резко выдохнула и медленно побрела по дому, стараясь оттянуть момент встречи.

Достаточно громкие голоса, раздававшиеся из-за дверей, подтвердили правильность выбранного направления. Я прислушалась. Рой явно возражал матери, но, к сожалению, подслушать, о чем конкретно они спорят, не удалось, стены были слишком толстыми, или же граф, как всегда, установил защиту. Пришлось зайти в комнату.

При звуках открывающейся двери оба замолчали. Я вошла, стараясь сделать это как можно увереннее. Рой стоял у окна, недовольно посматривая на свою мать, сидевшую за небольшим столиком. Под её изучающим взглядом я невольно замедлила шаг и огляделась, ища пути для отступления.

Как и весь дом, комната была достаточно простой. Стулья, обитые темно-синим бархатом с золотыми шнурами, стояли рядом. В тон им были портьеры на окнах, но стены, как и в предыдущих комнатах, были белые. Никаких фресок или украшений.

— Заходите, дорогая, — заметив мою нерешительность, женщина приветливо мне улыбнулась и указала на второй стул, — Присаживайтесь.

— Спасибо, — я послушно заняла указанное мне место. Сложила руки на коленях, словно гимназистка, и выжидающе посмотрела на хозяйку дома. Она едва заметно улыбнулась:

— Рой, ты не представишь нас друг другу?

Граф явственно скрипнул зубами:

— Лиза, как ты уже догадалась, это — моя мать, вдовствующая графиня Алайстер.

Женщина приподняла брови, явно ожидая продолжения, но ее сын лишь покачал головой:

— Поверь, чем меньше ты знаешь, тем лучше. Я не стал бы открывать портал, если бы знал, что ты решишь прийти сюда.

— Спасибо, милый, я тоже тебя люблю, — беззлобно отозвалась графиня, — но смею напомнить, что это — мой дом. Хотя ты всегда здесь желанный гость!

Её сын сжал губы, не находя, что возразить. Внимание его матери тем временем вновь перенеслось на меня:

— Хотите кофе?

Я взглянула на нее, ожидая подвоха, но нет, она просто предлагала, как сделала бы любая другая хозяйка на ее месте.

— Спасибо, не откажусь, — кивнула я, краем глаза посматривая на Роя. Он все еще стоял у окна, хмурясь. Графиня хлопнула в ладоши, тут же несколько эльфов влетели в двери, волоча за собой кофейник, чашки, блюдо с пышными булочками и кувшинчик со сливочным маслом. Поставив все на стол, они смешно раскланялись перед нами и улетели. Я невольно улыбнулась, маленький народец был весьма забавен.

— Рой, милый, когда ты закончишь злиться, можешь присоединиться к нам, — миролюбиво предложила его мать, намазывая масло на булочку.

— Я не голоден, — хмуро отозвался тот.

— Я не предлагаю тебе поесть, лишь выпить кофе, — она повернулась ко мне и доверительно сообщила, — он никогда не ест по утрам, зато обожает кофе.

— Да, я заметила, — я осеклась, и поспешно добавила, — про кофе.

Она сдержанно улыбнулась, беря кофейник. Судя по блеску серых глаз, так похожих на глаза сына, графиню ситуация забавляла. Она спокойно разлила напиток по чашкам. Рой, не утерпев, подошел, взял одну из них и вновь отошел к окну, делая вид, что интересуется парком.

— Позволь спросить, что привело тебя сюда в разгар подготовки к свадьбе? — слишком спокойно спросил он, — разве не ты должна руководить всей этой суетой?

— О, эти приготовления! — вдовствующая графиня взмахнула рукой и вновь повернулась ко мне, — Будто до Лоренцо Гаудани никто никогда не женился!

Я нерешительно кивнула, делая вид, что понимаю, о чем она говорит.

— Никто не был д'орезом великой республики, — пожал плечами граф. Его мать хмыкнула:

— Возможно, но это не оправдывает ту нервозность, которая царит в городе. Можно подумать, что мы проиграем войну, если вдруг лепестки роз, которыми осыпают новобрачных, окажутся не того цвета.

— А почему нельзя сделать их разноцветными? — спросила я, заслужив одобряющий взгляд графини:

— Я сказала то же самое. Но моя племянница любит розовые розы, и Лоренцио требует, чтобы разбрасывали только их! И не хочет ничего слышать! Мы спорили два часа из-за лепестков, после чего я, признаюсь, хлопнула дверью. Дорогой, кажется, я слегка испортила ее позолоту! — она виновато улыбнулась.

— Гаудани посмел оскорбить тебя? — в голосе Роя слышались стальные ноты. Графиня откусила кусочек булочки и лукаво посмотрела на сына:

— Ну что ты! Лоренцо — славный мальчик! И предан тебе. Хотя, влюбившись, он стал невыносим.

Сын почти весело посмотрел на нее:

— Так ты сдала позиции? Мама, это на тебя не похоже!

— Просто я решила, что во дворце д'ореза и так слишком шумно. Эти портные, повара, распорядители... — она отпила кофе, — Кстати, вчера на площади я виделась с Алигьери.

— И что он говорит? — Рой вновь стал серьезным. Было заметно, что этот человек интересовал его гораздо больше, чем желания влюбленного д'ореза.

— Кроме пошлых глупостей по поводу моей ослепительной внешности, он сказал, что в Лаччио назревает недовольство, ходят слухи, что граждане попросят у нас поддержки, но в Совете, как всегда, разлад, и все с нетерпением ждут твоего возвращения.

— Подождут, — мрачно бросил Алайстер, со стуком ставя чашку на стол, — или путь решают сами, они не маленькие.

Графиня укоризненно покачала головой:

— Рой, это может привести к печальным последствиям... твой отец...

— Поступил бы так же! И давай не будем больше об этом! — непочтительно оборвал ее сын, все-таки садясь за стол между мной и своей матерью, — Прости, но после твоих новостей мне необходимо, чтобы ты вернулась и присмотрела за всем лично.

— Не раньше, чем я отдохну здесь хотя бы несколько часов, — она лукаво посмотрела на меня, — Впрочем, если я мешаю вашим планам...

— Ничуть, — на лице её сына не дрогнул ни один мускул, — К тому же, как ты верно заметила, это — твой дом.

— Который принадлежит тебе, как и все остальное, дорогой...

— Чушь, — сердито фыркнул Рой, — Отец строил его для тебя!

— Да, он лично зачаровывал каждый камень... Лучше бы он больше думал о себе... — она отвернулась, быстро смахнула слезы и обернулась к нам, улыбаясь, хотя глаза все еще подозрительно блестели, — Простите, с

возрастом я становлюсь все более сентиментальна... Например, я все еще надеюсь, что мой сын все-таки распишет стены в этом доме!

— Если тебе так хочется картинок на известке, я приведу сюда Боно, — пробурчал Алайстер, — Уверяю, он рисует гораздо лучше.

— Мне больше понравились твои наброски, — негромко сказала я. Графиня с недоверием посмотрела на меня:

— Вы видели рисунки Роя?

— Несколько зарисовок, — явно недовольный темой разговора, Алайстер встал и вновь отошел к окну.

— Я думала, что ты больше не рисуешь... — она задумчиво посмотрела на сына, затем перевела взгляд на меня.

— Рисую. Иногда. Но не красками. Так что, если хочешь расписать стены, Боно приедет завтра на мою виллу.

— Отправишься туда порталом из домика садовника?

— Скорее, создам свой. Стационарные сейчас небезопасны, по ним легче нас выследить и подстроить ловушку.

— А твоя... спутница?

— Поедет со мной. Нам необходимо завершить это дело.

Графиня помрачнела:

— Гаудани в курсе?

— Разумеется, нет! — сын насмешливо посмотрел на нее, — Он слишком несдержан.

— А Козимо?

Рой пожал плечами:

— Ты же понимаешь...

— Где Козимо, там и Джованио, — коротко заметила графиня. Как я поняла, она говорила о дяде принца, которого сильно недолго любила. Алайстер покачал головой:

— Не думаю, они в последнее время не ладят. К тому же Козимо знал, что в карете фантом.

— Ты уверен?

— Да, абсолютно, он понял это сразу, как увидел, он все-таки глава рода и маг, хоть и предпочитал учебе гуляния в кабаках, — Рой подошел и поставил чашку на стол, затем повернулся ко мне, окончательно потерявшей нить разговора, — Но, похоже, своими семейными проблемами мы слегка утомили мою гостью.

— Не думаю, — графиня бросила на меня пронизательный взгляд и посмотрела на сына, — Полагаю, переубеждать тебя бессмысленно?

— Полагаю, что — да. Игра зашла уже слишком далеко.

— Хорошо, — графиня тоже поднялась и расправила платье, — Тогда ты прав, мне необходимо вернуться в город. Когда мне тебя ждать?

— Завтра. Может быть, сегодня вечером. Я дам знать, — Рой почтительно склонился над рукой матери. Она грустно улыбнулась, поцеловала его в щеку и повернулась ко мне:

— Приятно было познакомиться. Жаль, что мне пора уходить.

— Взаимно, — ответила я. Графиня вновь обратилась к сыну:

— Все-таки подумай над тем, что я тебе сказала...

Он упрямо сжал губы, женщина покачала головой:

— Вылитый отец.

Она повернула один из перстней, украшавших руку, и шагнула в радугу открывшегося перед ней портала.

Как только радужное сияние пропало, я вопросительно посмотрела на Роя:

— Почему ты не сказал, что твоя мать жива?

— А с чего ей умирать? — слегка язвительно возразил он, — У нее прекрасное здоровье!

— И воспитание, — усмехнулась я, — Какая выдержка — обнаружить в собственной спальне голую девицу...

— Вообще-то, спальня моя, — пробурчал граф, — Её комнаты находятся в другом крыле. Наверняка она сначала появилась у себя, а потом уже направилась ко мне в комнату. Как ты успела заметить, у нее определенное чувство юмора.

— Зачем ты привез меня сюда? — я досадливо поморщилась, понимая, что вопросом выдала себя с головой.

— Потому что я устал, а этот дом — самое безопасное место во вселенной! — он налил себе еще кофе. Я закусил губу, понимая, что заслужила такой ответ. Хотя от графа Алайстера трудно было ожидать иного, насколько я успела понять, он не любил врать просто так.

— Ты почти ничего не съела, — заметил Рой, кивая на блюдо, куда я накрошила булочку.

— Извини, аппетит как-то пропал, — я встала, направилась к выходу, — если ты не возражаешь, я бы хотела пройтись по парку.

Он поднялся:

— Тебе составить компанию?

Я покачала головой:

— Не стоит.

— Как тебе угодно, — он посмотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли, — Только будь аккуратнее с оградой — она зачарована, выйти

все равно не удастся.

— Разумно, — кивнула я и вышла, очень тихо закрыв за собой дверь. Кажется, в комнате прозвучали проклятия.

Каменная крошка хрустела под ногами. Я долго бродила по дорожкам, всматриваясь в просветы между деревьями и гадая, не совершила ли я очередную ошибку. Поначалу феи кружили над моей головой, но затем, заметив, что я не реагирую, отстали и занялись своими делами. Глаза сильно устали. В отличие от привычного, зеленого цвета травы, бордовый парк лишь усиливал гнетущее чувство тоски и какой-то безысходности.

Мама всегда говорила, что я умею выбирать совершенно неподходящих мужчин. Граф Алайстер полностью попадал под эту характеристику — более неподходящего мужчины для меня трудно было представить. Нас в буквальном смысле разделяла пропасть. Выходцы из разных миров, мы могли лишь насладиться моментом, не более. У нас не было будущего.

Я не могла остаться в Лагомбардии и зависеть от прихотей своего любовника. А что будет, если ему захочется жениться? Уж явно, графу Алайстеру необходимо жениться на представительнице знатного рода. Да и мои родные... я не могла их оставить. И мама с бабушкой... Я избегала знакомить с ними даже Макса, что уж тут говорить о целом графе Алайстере. К тому же мне надо им помогать... Да и дача... Хотя я и обладала богатым воображением, но плохо представляла себе Роя, в вытянутых «трениках» пропалывающего на наших грядках огурцы.

Заметив, что я уже битый час хожу по кругу, я направилась обратно к дому. Рой стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и внимательно следил за тем, как я иду по дорожке к дому. Я остановилась, слегка напряженно смотря на него:

— Что-то случилось?

— Нет, — он качнул головой.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Стараюсь разгадать, что у тебя на уме.

— Успешно?

— Нет. Поделишься?

— Нет, — мне удалось симитировать его интонации. Рой усмехнулся, затем шагнул ко мне:

— Лиза...

Я знала, что мне надо пройти мимо, закрыться в комнате и показать ему, что прошлая ночь для меня, как, впрочем, и для него, ничего не значит, но я не смогла. Слишком уж велико было искушение оказаться в его

объятиях, прижаться лбом к плечу, вдохнуть уже ставший почти родным запах и замереть, боясь спугнуть момент.

— Лиза, — прошептал он мне на ухо, и мне показалось, что в его голосе была радость.

Глава 12

Мы очнулись, лишь когда солнце уже скрылось за верхушками деревьев. Я проснулась, Рой лежал рядом, закинув руки за голову, и смотрел на потолок.

— Я вот думаю, может, действительно позвать Боно расписать эти стены?

— Может, попытаешься сделать это сам? — предложила я.

— Попробовать можно... — он задумался, — Скажи, чего бы ты хотела?

— Наконец-то поесть, — вздохнула я.

Усмехнувшись, Рой несколько раз хлопнул в ладоши, после чего эльфы, гадко хихикая, принесли нам какие-то фрукты и сладкое печенье.

— Боюсь, что нам придется ограничиться лишь этим, — он ловко почистил фрукт, напоминавший манго, только в толстой пористой шкурке, словно апельсин, и, разломив его пополам, протянул мне, — в этом мире нет мяса.

— И огурцов, — тихо пробормотала я. Рой услышал и усмехнулся:

— Не думал, что ты запомнишь...

— У меня хорошая память.

Он промолчал. Я дожевала фрукт и поняла, что он лишь раззадорил аппетит, и я еще больше хочу есть. Рой тоже это понял, потому что вздохнул, потянулся и поднялся, чтобы подобрать одежду:

— Не хочу тебя расстраивать, но, похоже, нам все-таки придется совершить небольшую прогулку!

— Куда? — простонала я, разрываясь между чувством голода и нежеланием куда-то идти.

— В Лагомбардию, — он слегка виновато посмотрел на меня, — На мою виллу.

— Почему именно туда? — я села на кровати, все еще полускрытая шелковой тканью.

— Потому что я тоже голодный, и этим мы не наедемся! — он усмехнулся, наслаждаясь моим удивлением, — Да, радость моя, мне тоже не чуждо все человеческое.

Я рассмеялась, пытаясь за смехом скрыть смущение от того, как он меня назвал. Рой тем временем протянул мне мои вещи:

— Я подожду за дверью.

Он вышел. Я поднялась и привела себя в порядок, стараясь не задерживаться, поскольку за дверью меня ждал голодный мужчина, и вышла.

Рой, по обыкновению, стоял у окна:

— Готова?

— Если я скажу: «нет», что-нибудь изменится? — поддразнила я его. Он широко улыбнулся:

— Нет.

— Вот видишь, — я вложила свою руку в его.

— Мы обязательно вернемся сюда, — пообещал мне Рой и начертил в воздухе знак. Белое сияние вырвалось из-под руки, образуя ставший уже привычным портал.

— Почему у тебя он белый? — вдруг спросила я, желая сказать, хоть что-то.

— Кто?

— Свет в портале. У твоей мамы он радужный, а у тебя — белый.

— У мамы нет своей магии, она использует специальный амулет, — пояснил Алайстер, — Поэтому у нее свет распадается на спектр. Чем сильнее маг, тем ярче свет. Идем.

Крепко взяв меня за руку, он шагнул в центр свечения. Я невольно закрыла глаза. Когда я их открыла, мы уже стояли в знакомом мне студиолло графа на вилле.

Шкаф со змеей, пожирающей свой хвост, все еще был на своем месте. Путь в мой мир, стоило лишь протянуть руку. Я с какой-то тоской взглянула на дверцу. Рой перехватил мой взгляд и нахмурился, но ничего не сказал. Лишь крепче сжал мою руку и вывел из кабинета.

В полном молчании мы спустились на первый этаж. Там стоял длинный стол, за которым могло разместиться человек тридцать. Сейчас он был накрыт на двоих. Золотые шары под потолком создавали приглушенное свечение.

— Я отослал слуг, — Рой прошел к столу и отодвинул для меня стул, приглашая присесть.

— Когда ты успел?

— Днем, ты спала, и я рискнул оставить тебя.

— Значит... — я почувствовала разочарование и еще горечь от того, что он опять разыграл все как по нотам. Он мягко взял меня за руку:

— Лиза, нам все равно необходимо закончить то, что начали. Те, кто желает смерти моей кузине, не отступят. Ставки очень высоки, вспомни, что было в Риччионе.

При мысли об отравленном вине я вздрогнула. В междумирье мне стало казаться, что все это было давно, но теперь воспоминания нахлынули вновь, заставляя дрожать. Рой положил руки мне на плечи, притянул к себе, мягко поцеловал в висок, словно желая защитить.

— Что это был за яд? — спросила вдруг я.

— Вискапада Италлера?

Я кивнула. Его взгляд стал тяжелым.

— Магическое зелье. Вызывает нечто вроде лихорадки, человек сгорает изнутри и быстро. Расчет был на то, что все начнется в дороге, и никто ничего не заподозрит.

— А Джемма?

— Я пока не знаю, когда отравили Джемму, и почему она сгорела так быстро, возможно, было что-то, что мы не знаем... — голос звучал очень обыденно, я же вновь вздрогнула, Рой сильнее прижал меня к себе, успокаивающе поглаживая по плечам, — Козимо должен все узнать.

— Да уж... — мне вспомнился лагерь и крики тех, кого допрашивал Рой. Что-то подсказывало мне, что принц Риччионе тоже не отличается особым гуманизмом. Вот и еще одна причина... Мы слишком разные... Молчание затягивалось.

— А ты не боишься, что и здесь еда отравлена? — вдруг спросила я, чтобы хоть как-то нарушит эту тишину. Граф нахмурился, покачал головой, но все-таки провел рукой с кольцом над столом:

— Нет, все хорошо. Видишь, камень темный, — какая-то идея явно пришла ему в голову, он взглянул на меня, — Дай руку!

— Зачем?

— Чтобы защитить тебя, — граф снял кольцо, буквально силой надел мне его и что-то прошептал. Металл слегка нагрелся, и затем кольцо уменьшилось в размерах, плотно сядясь мне на палец, — Теперь все в порядке. Только не снимай его.

— А как же ты?

— Переживу! А теперь, радость моя, давай ужинать! — он сел и принялся за еду. Глядя на то, как он уплетает мясо, я вспомнила, что уже неделю почти ничего не ела, и начала наверстывать упущенное.

Ужин был бесподобным, или же он показался таким, потому что я действительно проголодалась. Дожевывая последний лежащий на тарелке кусок, я вдруг заметила, что Рой сидит и просто смотрит на меня задумчивым взглядом.

— Лиза... — видя, что я насторожилась, он отложил вилку, — Я хочу, чтобы ты знала...

— Ну, наконец-то! — раздалось за нашими спинами. Раздался шум, похожий на гудение трансформатора, затем треск. Рой среагировал мгновенно. Он вскочил, в одной руке сжимая шпагу, на пальцах второй светились искры, — Делрой, можешь не швыряться своей магией, это всего лишь я!

— Козимо? — граф слегка наклонил голову, словно подчеркивая, что в этом доме кузен — только гость.

— Я тебя с утра караулю! — пробурчал тот, выходя из портала. Я заметила, что свечение было гораздо более тусклым, чем в порталах графа Алайстера.

При виде меня принц недоверчиво замер, затем посмотрел по сторонам и перевел взгляд на Роя:

— Я правильно понимаю, что взрыв...

— Нам надо поговорить. Сейчас, — безапелляционно заявил тот. Козимо понимающе усмехнулся:

— То есть это — не моя сестра?

— Твоя проницательность делает тебе честь, кузен! — Рой махнул рукой в сторону дверей, — Прошу!

Принц подчинился, лишь еще раз взглянул на меня, ухмыльнулся и вышел вслед за хозяином дома.

Я осталась одна. Хотелось пройти тихо за мужчинами, но вспомнила о том, как легко оба устанавливали магическую защиту от подслушивания, и осталась сидеть за столом.

Тем удивительнее мне было услышать голоса, один из которых звучал явно на повышенных тонах. Похоже, оба просто забыли про магию или же решили не тратить силы понапрасну, поскольку в доме все равно никого нет.

Воспитание недолго боролось с любопытством, я тихонько подбежала к двери и приоткрыла ее.

— Ты с ума сошел!!! — кричал Козимо так, что его было хорошо слышно даже на чердаке, — Ты понимаешь, что творишь!!!

Рой говорил гораздо тише, разобрать слова было невозможно. Судя по саркастическому тону, он ответил что-то нелицеприятное, его кузен опять взвился:

— Прекрати!!! Это не оправдание!

Видимо, граф ответил, что другого не будет. Потому что ответом была ругань.

Пока принц Риччионе достаточно долго, подробно и витиевато разглагольствовал о долге и чести, я подкралась ближе.

— Козимо, ты прекрасно знаешь, что этими речами меня не проймешь, — Рой прошелся по комнате, — В любом случае нам надо поймать эту крысу... но только не так, как ты предлагаешь.

— Делрой, у нас нет времени, чтобы менять твой же собственный план! — вновь взвился принц, — Тем более ради очередной девки, согревшей тебе постель!

— Козимо! — голос Роя звучал угрожающе, — Мне бы не хотелось...

— Что? — тот явно ухмыльнулся, — Думаешь, я не знаю, почему вы вдвоем пропали, а затем оказались здесь, в пустом доме? Ты и раньше засматривался на Кариссу, а тут такая удача!

Уже не слыша, что ответил ему Рой, я отшатнулась от двери. Права была моя бабушка: тот, кто подслушивает, прежде всего узнает неприятное для себя. На негнущихся ногах я прошла и вновь села, нет, буквально рухнула за стол. Теперь все стало на свои места. Вот почему Рой так заинтересовался мной, он видел во мне ту, которая была для него недостижима. Его неброская забота, его желание постоянно быть рядом, его перчатки... почему-то острее всего вспомнились перчатки... огромные, из серой замши, еще хранящие тепло его рук.

Я вдруг заметила, что по щекам текут слезы. Решительно вытерла их. Успела как раз до того момента, как дверь открылась и оба мужчины вошли в комнату.

— Лиза? — Рой пристально посмотрел на меня. Я скривила губы в дежурной, годами натренированной улыбке:

— Надеюсь, все в порядке?

— Разумеется, — хмыкнул Козимо. В его взгляде легкое сочувствие смешивалось с презрением, — мы просто обсуждали, что завтра сюда прибудет отряд, и принцесса Карисса торжественно въедет в Лагомбардию, где пройдут трехдневные торжества в честь свадьбы, после чего состоится церемония в главном храме города.

— Карисса? То есть вы нашли ее?

— Пока нет, — принц на секунду замялся, — Так что вы будете исполнять эту роль, как и было оговорено с самого начала!

Я взглянула на Роя. Он молчал, смотря куда-то поверх моей головы. Судя по его поведению, принц настоял на своем. Это разозлило меня.

— Скажите, а если вы ее так и не найдете, то кто будет давать брачные обеты в темпле? — я спросила резче, чем было необходимо, — и потом, как это в договоре, консумировать брак?

Граф Аайстер дернулся, словно от удара. Козимо лишь пожал плечами:

— А это как получится.

— Не бойтесь, что откажусь или устрою скандал?

— Я не думаю, что это в ваших интересах — он ухмыльнулся. Рой дернулся, я еще раз взглянула на него:

— Он говорит правду?

— Да, — он казался безучастным. Ровный голос, холодные серые глаза, жилка, подрагивающая на щеке, раньше я ее не замечала. Я вновь повернулась к Козимо:

— Хорошо, — в унисон ему ответила я, — В этом случае мне остается надеяться, что ваш д'орез сумеет доставить удовольствие женщине.

Я с мрачным удовольствием отметила, что серые глаза графа яростно вспыхнули. Вспыхнули и тут же погасли, прикрытые длинными ресницами.

— На Гаудани пока еще никто не жаловался, — граф Алайстер сказал это очень ровным голосом.

— Приятно слышать, — улыбнулась я. Рой вышел из комнаты. Чуть позже мы услышали подозрительный грохот, словно упал шкаф.

Я вскочила, Козимо остался сидеть на месте, лишь ухмыльнулся.

— Кто бы мог подумать, нестигаемый Алайстер... — тихо пробормотал он и с явно возросшим интересом посмотрел на меня, — Кстати, вы знали, что именно он умудрился расстроить два брака моей сестры?

— Откуда бы мне это знать? — пробурчала я. Общение с принцем начинало тяготить. Я вновь подумала, что он как раз из тех, кто может и будет вести двойную игру, не считаясь ни с кем. И если ему надо кого-то отравить, то он сделает это не задумываясь. Сейчас он сидел и рассматривал меня, словно ученый дикинское животное, наверняка сравнивая с оригиналом. Я приподняла брови, выражая удивление такой бестактностью.

— Никогда не мог понять, что кузен находил в моей сестре, — наконец признался принц, — А вот в вас есть что-то, притягивающее взгляд...

— Полагаю, мне следует чувствовать себя польщенной? — я все еще раздумывала, стоит ли идти смотреть, что упало, или остаться в комнате.

— Полагаю, что да. Кстати, идти к Делрою сейчас не советую — это не доставит вам удовольствия, — он улыбнулся, наслаждаясь двусмысленностью фразы. Как всегда, глаза остались холодными.

— Полагаю, что я сама могу решить, что мне делать, — возразила я, — Простите, но я слегка устала...

— Разумеется, ублажать самого Алайстера — тяжелый труд, — беспечно отозвался он, — Он всегда чересчур требователен.

От такого явного оскорбления я побледнела и до боли в пальцах сжала

спинку стула.

— Не знаю. Говорят, в юности вы были очень близки с кузеном, так что вам виднее! — слова попали в цель. Козимо вскочил, с грохотом отодвигая стул.

— Да как ты смеешь! — беловатая молния просвистела мимо головы, я едва успела увернуться.

«Я его задела!» — торжествующе пронеслось в мозгу, стул рядом рассыпался в труху.

— Полагаете, ломая мебель, вы завоюете расположение графа? — спокойно поинтересовалась я, не спуская взгляда с его рук, чтобы успеть увернуться в случае повторной атаки. Козимо с яростью смотрел на меня, затем деланно рассмеялся:

— Да, теперь я понимаю, моей сестре не хватает именно этой уверенной дерзости! Знаете, если вдруг решите, что в Лагомбардии вам стало скучно, я к вашим услугам!

— Не думаю, что задержусь в вашем мире надолго, — сухо обронила я.

— Почему? Неужели вам здесь не нравится?

— А вам нравится, когда вашей жизни постоянно угрожают?

— Ну, мы к этому привыкли, не правда ли, кузен? — Козимо посмотрел поверх моей головы. Я обернулась. Рой стоял в дверях. Судя по всему, он слышал мою последнюю фразу.

— Лично я — нет, — мрачно ответил он принцу, — Именно поэтому мне хочется как можно скорее закончить весь этот фарс с Кариссой.

Я прикусила губу. Граф не мог подобрать более точных слов, чтобы выразить свое отношение к происходящему. Все, что произошло: отравления, убийства, наши отношения — было для него фарсом. Надо было действительно заканчивать все. Сыграть свою роль, если необходимо, сказать нужные слова и уйти. Рой тем временем посмотрел на меня и нахмурился, заметив обугленные щепки:

— Кстати, в чем провинился мой стул?

— В том же, в чем и твой комод: попался под руку в неподходящее время.

— Ясно, — он вновь повернулся ко мне, — Мадонна, спальню, в которой вы останавливались в прошлый раз, уже починили. Если желаете...

— Я бы не хотела там оказаться вновь, — совершенно невежливо перебила я его. Сама мысль о том, что я буду находиться в этой комнате, заставляла дрожать от страха. Граф кивнул:

— Как вам будет угодно. Слуги уже вернулись, они подготовят другую спальню через четверть часа. Козимо?

— Ты же знаешь, что мне будет комфортно и накрывшись плащом.

— На трех пуховых перинах и с задернутым балдахином, — по привычке отпарировал Рой. Его голос был безучастным, — Хорошо. Я распоряжусь. Всего доброго.

Он снова вышел. Его кузен задумчиво посмотрел ему вслед, но ничего не сказал. Мне тоже было не до разговоров. Мы с Козимо сидели молча ровно до тех пор, пока одна из служанок не зашла и не сказала, что наши комнаты готовы.

Уже лежа на пуховой перине, я с замиранием сердца прислушивалась к шагам за дверью, все еще надеясь на объяснения, но Рой так и не пришел ко мне, и я уже не знала, радоваться мне или плакать.

Глава 13

Боневенунто приехал утром. Как обычно, его сопровождали суета и шум. Поразительно, этот жизнерадостный человек всегда оказывался в центре внимания. При виде меня он с секунду, не более, всматривался в лицо, буквально сорвал берет с головы и низко поклонился:

— Мадонна! Счастлив новой встрече с вами!

— Боно, я тоже рада тебя видеть, — искренне сказала я. Наверняка он заметил темные круги под глазами, но промолчал, за что я ему была вдвойне признательна. С ним приехала и Далия, которая тут же взяла руководство над служанками. Громко попеняв им, она распорядилась достать из сундука мои платья. На этот раз нижнее — синее с золотом, цвета Лагомбардии, и верхнее — белое, расшитое красными лилиями.

Битых два часа меня приводили в порядок, одевали и заплетали волосы, пытаясь объединить косы, принятые в Риччионе с локонами, привычными для Лагомбардии. Получалось с трудом.

Когда косы вознамерились переплестать в четвертый раз, я, опасаясь, что мне просто повыдергивают все волосы, предложила просто оставить их распущенными. Это предложение было встречено возмущенными вскриками, и прическу все-таки закончили, хором уверяя меня, что это теперь войдет в моду. От постоянного мельтешения перед глазами кружилась голова, от шума в ушах стоял звон, но, признаться, я даже была рада — это отвлекало меня от мрачных мыслей о Рое.

Из головы не шли слова Козимо о том, что я была лишь заменой во всем. Мне хотелось объясниться, спросить у него, правда ли это, но сам граф не показывался.

Зато принц Риччионе, пользуясь мнимым родством, уже в парадном белом с красным костюме, вошел в комнату как раз в тот момент, когда служанки закончили все приготовления. Улыбаясь, он подошел ко мне и протянул открытый футляр, в котором лежало кольцо из красных камней, жемчуга и черного хрусталя.

— Что это? — спросила я, с некоторых пор весьма настороженно относясь к черным камням.

— Просто подарок.

— После представления сдать в ломбард и получить квитанцию? — тихо пробурчала я.

— Оставьте его себе — в качестве компенсации за те слегка резкие

слова, которые я вчера сказал.

— Спасибо, — поблагодарила я, раздумывая, куда же я смогу его надеть: на работу под китель или же на дачу к пресловутым огурцам. На работу выходило опасно, на дачу — слишком пафосно. Значит, оставляю здесь с пожеланиями всего наилучшего.

Козимо застегнул ожерелье на моей шее и словно невзначай провел рукой по краю выреза платья, я отстранилась и холодно посмотрела на него.

— Мое предложение все еще в силе, — заметил он.

— Мой ответ тоже.

— Жаль.

Я передернула плечами и вышла. Рой во всем великолепии ждал меня внизу. Белоснежная рубашка, темный костюм, сшитый из дорогой ткани, рукава и воротник оторочены золотистым мехом, короткий плащ из синего бархата с вышивкой на левом плече: золотой лев, сжимающий меч, — герб Лагомбардии. Массивная цепь из зеленого металла была закреплена на груди правильным полукругом. Он взглянул на меня и отвернулся. Я спустилась и стала рядом.

— Принцесса, — поклон был безупречен. Граф протянул мне руку. Я вложила свою, он едва дотронулся до моей кожи и повел во двор, где меня ожидала карета. На этот раз мой экипаж был достаточно помпезным сооружением с позолотой и бархатными занавесками, которые надлежало держать открытыми, дабы народ мог лицезреть невесту. Отдав последние распоряжения, Рой вскочил на коня, и наш кортеж тронулся. Я откинулась на подушки. Граф Алайстер ехал с одной стороны от кареты, Козимо — с другой, словно защищая меня, но я была уверена, что они лишь собирались поймать кого-то, кто мешал их планам, используя меня как наживку.

Как только ворота виллы распахнулись, и мы выехали, то вокруг раздались приветственные крики. Казалось, что все жители республики собрались вдоль дороги, ведущей от виллы графа в город.

Дорога пылила, зной усиливался, крики не стихали. По мере продвижения напряжение внутри меня нарастало. Я не знала, с чем это было связано: с боязнью разоблачения, с ожиданием того, что меня в любой момент могут попытаться убить или же просто с тем, что Рой держится так отчужденно.

Раз или два я ловила на себе его задумчивый взгляд, но как только я поворачивала голову, он старательно отводил глаза, делая вид, что смотрит только вперед.

Козимо, напротив, глумливо усмехался, весело поглядывая по

сторонам и то и дело поднимая руку, затянутую в алую перчатку, для приветствия. В белоснежном с красным костюме и алом плаще, подбитом горностаем, он походил на принца из сказки. Даже обычно блеклые волосы сейчас сияли в лучах солнца.

Карета все ехала по пыльной дороге. Море приближалось. Уже чувствовался его запах, слышались недовольные крики птиц, потревоженных шумом толпы. Затем оно мелькнуло между деревьями, скрылось и вскоре появилось вновь. Бирюзовое, пронизанное солнечными бликами, с белоснежной пеной волн, оно уходило куда-то вперед и высоко, сливаясь с таким же ослепительно-голубым небом.

Мы проехали вдоль побережья и въехали в ворота квартала, ведущего к пристани. Я уже устала от постоянного гула, приветственных криков, дорожной пыли, поэтому сознание концентрировалось лишь на каких-то фрагментах: серо-зеленые дома с терракотовой черепицей, цветы на окнах, кружевные занавески, зеленые ставни были распахнуты. И везде: на улицах, в переулках, в окнах домов — были люди. При виде кортежа они радостно махали руками и выкрикивали напутствия. Наверное, настоящая Карисса была бы рада. У меня же в глазах пестрило от красок их костюмов. Жара действовала на меня угнетающе.

Карета остановилась, мои сопровождающие спешили. Козимо остался возле кареты, а Рой вновь протянул мне руку и, почти не касаясь моих пальцев, подвел к причалу из темных досок, около которого были пришвартованы несколько лодок, здесь они назывались барками. С высокими носами, обитыми тонким голубым металлом, то и дело вспыхивающим яркими искрами на солнце, барки очень напоминали гондолы, которые я видела на фотографиях: такие же плавные линии и высокие носы.

На причале стояли люди. Слегка оглушенная и уставшая, я не сразу сообразила, что передо мной в окружении представителей знатнейших людей стоит д'орез республики, первый среди равных — мэссэр Лоренцио Гаудани. Он был действительно похож на портрет, который показывал мне Рой: глаза, губы, нос. Художнику лишь не удалось запечатлеть то восхищенное выражение на лице, свойственное лишь простодушным, глубоко влюбленным людям, которое сейчас у него было.

— Рисса! — он нетерпеливо шагнул вперед. Стоявшая неподалеку вдовствующая графиня Алайстер недовольно нахмурилась. Гаудани протянул обе руки, намереваясь на глаза у всех заключить меня в объятия.

— Лоренцио! — я криво улыбнулась и тоже сделала шаг, изображая радость от встречи. Он крепко сжал меня в объятиях, коснулся губами моих

губ. Толпа взорвалась криками. Кажется, кто-то свалился с пристани в бирюзовую воду. Поцелуй был вполне приятным, как и у Макса, но я уже познала другие. Обжигающе-страстные, от которых кружится голова и перехватывает дыхание. Поэтому постаралась завершить этот, изображая смущение, положенное юной девице. Получилось вполне приемлемо, тем более я содрогалась от одной мысли: вдруг д'орез заподозрит подмену. Но он не понял. Скорее всего, он просто даже не задумывался, что такое возможно. Я невольно уперлась руками в его грудь, не позволяя поцелую стать более страстным. Гаудани нехотя отстранился, все еще держа меня в объятиях.

— Ну что ты, теперь можно, — прошептал он. Краем глаза я заметила, что Рой крепко стиснул зубы, а Козимо стоит — как бы невзначай — между нами и графом. Несколько секунд Рой молчал, затем тихо, но веско спросил:

— Может быть, мы все-таки вернемся к протоколу?

Гаудани поморщился, затем весело рассмеялся:

— Создатель, Делрой, ты такой зануда! Милая, как же ты мучилась, пока ехала с ним.

— О да, ужасно, — пробормотала я, так некстати вспомнив междумирье. Судя по едва заметной улыбке графини Алайстер, она подумала о том же самом, что и я.

— Ну теперь-то все закончено! Ты здесь, рядом, со мной, и я тебя никому не отдам! — торжественно провозгласил д'орез, — народ Лагомбардии, поприветствуйте мою невесту и — в скором времени — жену!

Лепестки роз, которыми нас осыпали с крыш близлежащих домов, были разноцветными. Я посмотрела на мать Роя, она весело подмигнула мне и едва заметно развела руками.

Жених Кариссы подхватил меня на руки и под овации внес на гондолу. В голову полезла глупая мысль, что в последнее время меня слишком часто носят на руках, и надо бы похудеть, а то уронят.

Гаудани не сводил с меня восторженных глаз.

— Ты так прекрасна, любовь моя! — посадив меня на скамью, он бережно взял меня за руку, — Я даже не уверен, помню ли я тебя столь красивой в Риччионе.

— Наверное, это воздух Лагомбардии, — пробормотала я первое, что пришло на ум.

— Наверное, — улыбнулся он и отвернулся, привычно приветствуя свой народ. Барка, слегка покачиваясь, поплыла по огромному каналу. Она

шла без кормчего, наверняка на нее было наложено магическое заклятие.

Гаудани, постоянно отвлекаясь на приветствия, говорил мне комплименты. Я неуверенно улыбалась и смотрела по сторонам, делая вид, что люблюсь домами, стоявшими буквально в воде канала. Лоренцио то и дело подносил мою руку к губам и нежно целовал:

— Я так счастлив...

Я заметила, как покачнулась барка, которая шла за нашей — граф Алайстер вдруг решил пересесть на корму и завел какой-то разговор со стариком, сидящим рядом с его матерью. Как я поняла, там ехали члены совета Лагомбардии. Козимо со своими людьми занимали третью барку. Принц хмуро посматривал на кузена, словно ожидая чего-то.

Медленно и чинно мы проплывали под горбатыми мостами, с которых нашу гондолу радостные жители осыпали лепестками роз, на этот раз непременно розовых, затем проследовали в широкую часть канала, вышли в лагуну, совершили какой-то замысловатый круг и направились к дворцу, в котором по традиции жил д'орез Лагомбардии.

Само здание, на первый взгляд, показалось мне несуразным и будто бы перевернутым: две ленты изящных колонн первого и второго этажей, образующих восхитительно прохладные в полуденный зной галереи, продуваемые морским бризом. И над ними — массивные стены третьего этажа с узкими окнами, препятствующими проникновению солнечных лучей внутрь здания.

Даже не дожидаясь, пока лодка пришвартуется, Гаудани, под торжественные выстрелы пушек и непрекращающиеся овации толпы, вскочил, на руках вынес меня на берег, где бережно опустил на ноги и, придерживая за талию, повел к ажурно-кружевному входу, заботливо стремясь укрыть от полуденного зноя.

Внутри дворца было прохладно. И очень ярко: лестница из голубого камня, позолоченные потоки, мозаики на стенах, изображающие деяния предыдущих правителей, в нишах — статуи из розового ихрама, бюсты тех, кто правил Лагомбардией. Мне показалось, что я узнала отца Роя. Во всяком случае, профили были схожи.

Мы чинно поднялись по ступеням в зал, украшенный фресками, где уже были накрыты столы для представителей двухсот знатнейших семейств Лагомбардии — лишь они имели право ступать по этой лестнице.

И сейчас они стояли в зале, ожидая своего правителя и его избранницу. Здесь не было оваций и криков, но то, как все склонились перед нами, на минуту заставило меня задуматься, а не воспользоваться ли случаем и действительно выйти замуж за Гаудани, но я тут же отмахнулась от этой

мысли. Это было бы нечестно по отношению к тому, кто сейчас вел меня к столу. Слишком уж он был счастлив.

Мы первые заняли свои места, тем самым подав гостям знак садиться. На этот раз все обошлось без замков и голубей. На столах стояли фонтаны с фьёном. Такие же фонтаны располагались с тыльной стороны дворца, где были поставлены столы для горожан, и им из кухни выносили все те же блюда, что и знати. Мясо птицы в глиняных горшочках, филе и окорока, мелкие птицы, похожие на перепелов, фаршированные пропаренным зерном, рыба, разнообразные салаты, потроха животных, печень птиц сменяли друг друга. На десерт подали несметное количество сладостей: пирожки с разнообразными начинками, сухофрукты, какие-то необыкновенно вкусные пирожные, которые просто таяли во рту. Я украдкой постоянно проводила рукой над тарелкой. Камень в моем кольце оставался тусклым, и я наконец-то без опаски наслаждалась едой.

Тосты за здоровье жениха и невесты выкрикивались все чаще, музыка, звучавшая с традиционной галереи менестрелей, становилась все более веселой, и вскоре первые пары вышли на середину для танцев. Я с интересом наблюдала за ними. Простые движения, переступания на месте и вращения сменяли друг друга в определенной последовательности. Партнеры то и дело подкидывали партнерш так, что их юбки слегка задирались, обнажая щиколотки, женщины при этом вскрикивали.

Заметив, что я смотрю на танцующих, Гаудани вскочил из-за стола и потянул меня в центр зала. Я кинула слегка испуганный взгляд на Роя, почувствовав это, он едва заметно улыбнулся и глазами показал на колье, которое я считала подарком Козимо.

Танцевать оказалось на так уж и сложно, Лоренцио был весьма неплохим партнером, прохладный фьён после жары уже ударил в голову, и я веселилась вовсю, на некоторое время позабыв о своих проблемах. Глаза д'ореза призывно блестели, он то и дело обнимал меня за талию, то кружа, то подкидывая. Не отпустил, даже когда танец закончился, и мы направились на свои места.

Рой, казалось, нас не видел, увлеченный разговором с очередным членом совета. Правда, вилка, лежавшая рядом с его тарелкой, почему-то была странно изогнута, словно из нее пытались сделать подкову.

Вечер все длился и длился. Разговоры, танцы, звон кубков, восторженные глаза и легкие поцелуи Гаудани. Признаюсь, опьяневшая, целуясь с ним, я даже начала входить во вкус. Во всяком случае, его искреннее обожание было почти приятно, адресуйся оно действительно мне, а не пропавшей принцессе. Интересно, почему ее так и не нашли, и

почему и принц Риччионе, и граф Алайстер слишком спокойно ведут себя... Безумная идея пришла мне в голову: все это подстроено, чтобы сохранить мир между двумя странами и избавить Кариссу от нежеланного для её брата и кузена замужества. Чем больше я думала об этом, тем больше эта идея казалось мне логичной. Я внимательно посмотрела по сторонам.

Козимо сидел за одним из столов, обнимая красивую девушку. Та склонила голову ему на плечо и томно вздыхала. Роя нигде не было видно. Я уже решила, что он покинул этот пир, когда знакомый голос за спиной произнес с насмешкой:

— Значит, со мной вам было скучно?

Я повернула голову. Граф Алайстер стоял за спинкой моего стула и выжидающе смотрел на меня с абсолютно фальшивой улыбкой на губах. При виде него меня вдруг охватила злость.

— А что я должна была сказать? — бросила я, — Вы же хотели, чтобы я играла эту роль, даже приказ подписали на самом верху, чтобы подложить меня своему приятелю вместо своей кузины!

Рой угрюмо молчал, а я, осмелев, продолжила:

— Только я не понимаю, к чему было это междумирье... захотелось сравнить, кто лучше? Чтобы не прогадать?

— Именно, — процедил он сквозь зубы. Я хотела продолжить, но Лоренцио вмешался в разговор:

— Рисса, милая, о чем ты говоришь с Делроем?

— О том, что вам, Гаудани, сегодня досталось лучшее, — сухо ответил Рой, — надеюсь, вы оцените это!

— Я буду ценить это всегда, — он нежно взял мою руку в свою и поднес к губам. Я уже привычно улыбнулась ему. Рой стиснул зубы:

— Еще раз поздравляю и не смею больше мешать счастливым влюбленным. Надеюсь, вам не придется спускаться в царство теней.

Д'орез рассмеялся:

— Боже, какой слог! Не будь он графом, он бы смог стать поэтом!

— Лоренцио, пойдете... танцевать, — попросила я. Он с удовольствием повиновался, мы буквально вбежали в хоровод, несущийся вокруг столов.

Ближе к полуночи, когда музыка стала более плавной и мелодичной, а смех сменился томными вздохами, окончательно охмелевшие гости начали разбредаться по открытым залам дворца. Я заметила, как несколько пар, делая вид, что смущенно оглядываются, направились в сторону жилых покоев дворца. Еще одна страстно целовалась прямо на галерее.

Далия почти неслышно подошла ко мне:

— Мадонна, самое время уйти.

— Да, конечно, — я бросила взгляд на д'ореза, развалившегося на своем стуле и обсуждавшего с Козимо соколиную охоту, — Лоренцио...

Он повернулся, скользнул по мне взглядом и пьяно улыбнулся:

— Рисса, я так счастлив. Я и не мог об этом мечтать! До скорого свидания, любовь моя!

Я скривила губы в ответной улыбке и, тяжело ступая, сказывался выпитый фьён, пошла за служанкой, мечтая, чтобы все закончилось как можно быстрее.

Роя нигде не было видно. Вполне возможно, он ушел или же, подобно остальным, уединился с какой-нибудь девицей. Мне стало грустно. Мы вышли на галерею второго этажа, я облокотилась на перила, подставив лицо ночному бризу. Где-то за дворцом еще слышался шум и хохот: по традиции празднование продлится три дня. Завтра должна была состояться свадьба. Только вот — чья... Я задумалась. Выходить замуж за Гаудани мне не хотелось. Сложись обстоятельства по-другому, он мог бы стать мне прекрасным другом, но не мужем.

Я вдохнула морской воздух, размышляя, стоит ли пойти к д'орезу и рассказать ему все, по-детски отомстить, сорвав все планы Роя и Козимо, или же тихо улизнуть на виллу графа и отправиться в свой мир уже после произнесенных брачных обетов.

— Скажи, Далия, а как у вас в стране поступают с самозванцами? — вдруг спросила я у служанки, почтительно замершей неподалеку.

— Их привязывают у столба под палящим солнцем на весь день, и каждый может бросить в преступника тухлое яйцо, — она внимательно посмотрела на меня.

— Какая прелесть! — в воображении тут же пронеслось, как я стою у столба. Одна, поскольку и Рой, и Козимо, скорее всего, будут все отрицать. И им поверят.

А еще проще всего обвинить меня в помешательстве. Выдать замуж и сослать в монастырь. И волки сыты, и овца взаперти. Только Гаудани расстроится. Мне вдруг стало очень жалко несчастного д'ореза, как и я, бывшего жертвой обстоятельств. А еще я безумно завидовала Кариссе. И из-за трепетного отношения к ней Гаудани, в котором я сегодня уже убедилась, и из-за любви к ней Роя, готового на все. Только... только вот зачем было это междумирье? Я громко шмыгнула носом, прогоняя пьяные слезы.

— Мадонна, пойдёмте, — мягко, но настойчиво позвала служанка. Я

оттолкнулась от перил и покорно поплелась следом.

Мы прошли в часть, где располагались жилые покои. Здесь окна выходили на внутренний двор, и шум празднования был почти не слышен.

Слишком усталая, чтобы рассматривать интерьеры спальни в золотистом свете гль'ойна, я позволила Далии раздеть меня и буквально упала на кровать. Голова кружилась все сильнее. В какой-то момент мне начало казаться, что стены вокруг вращаются, точно карусель. Силой воли взяла себя в руки, перевернулась на живот и закрыла глаза. От количества съеденного и выпитого меня подташнивало. В голове шумело, но заснуть все равно не получалось.

Погруженная в какую-то непонятную полудрему, я пропустила тот момент, когда оконная рама скрипнула. Затем раздался звук, словно кто-то спрыгнул с подоконника на каменный пол. Я подскочила:

— Кто здесь?

— Это я, — раздался заговорщицкий шепот, над потолком зажегся золотистый шар, и я с удивлением увидела д'ореза Лагомбардийской республики, первого среди равных, стоящего в моей комнате у открытого окна.

Он был одет лишь в рубашку, короткие штаны и голубые высокие сапоги. Ворот рубашки расстегнут, обнажая грудь с темной порослью волос.

— Рисса, — он шагнул ко мне. Я невольно отодвинулась на кровати:

— Лоренцио?

— Ты же называла меня Ренци! — напомнил он, уверенно приближаясь. Глаза опасно блестели от вина и желания. Я нервно сглотнула:

— Что ты здесь делаешь?

— Пришел... — он подошел и слегка насмешливо посмотрел на меня, — неужели ты могла подумать, что я сегодня не приду к тебе, я так истосковался по запаху твоей кожи!

От этих слов я мгновенно протрезвела, затем глупо хихикнула. Кто бы мог подумать, что Карисса... Теперь понятно, почему у ее свиты были такие манеры. Размышлять о воспитании благородных девиц из Риччионе не получилось, Гаудани сел на край кровати и потянулся ко мне, намереваясь обнять, я увернулась.

— Ренци, послушай, я очень устала... — я вдруг услышала явный шорох за стеной, — Что это?

— Где? — пользуясь тем, что я отвлеклась, он меня обнял.

— Шум, ты слышишь? — я снова выскользнула из-под руки.

Он прислушался, но было тихо.

— Нет, — покачал головой Гаудани, — Тебе показалось.

— Может быть... — не обращая внимания на его обиженные взгляды (в конце концов, приказа доставить д'орезу радость я не получала), я встала и подошла к стене. Действительно тихо.

Только небольшой сквозняк, словно кто-то поставил форточку на микропроветривание. Некстати вспомнилось, тайные ходы в замках, а также то, что Рой был сыном правителя Лагомбардии, и семья жила в этом дворце. Не думаю, что и тогда он терял время зря.

— Ну что там? — Гаудани вальяжно разлегся на кровати, подперев голову рукой. Я подавала плечами и повернулась к нему:

— Ничего.

— Наверное, мыши.

— Скорее, бурундуки. Чип и Дейл, — пробурчала я. Если за стеной и слышали, то не подали виду.

— Поскольку тебя это беспокоит, завтра прикажу поставить мышеловки, — Лоренцио широко зевнул.

— Лучше капканы, вдруг это крысы! — посоветовала я, обдумывая возникший в голове план.

— Как пожелаешь, любовь моя! — он призывно посмотрел на меня, — Иди ко мне.

Зло усмехнувшись, я направилась к мужчине, лежащему на кровати. Присела рядом, провела рукой по лицу, откидывая спутанные волосы. Он подался вперед, обнял меня за талию, притянул к себе, приникая к губам. За стеной опять зашуршали. На этот раз услышал и д'орез. Он отстранился и недовольно посмотрел в сторону, откуда шел шум:

— Вот ведь! Надо распорядиться изловить их.

— Это будет несколько затруднительно, они очень шустрые и хитрые, — достаточно громко сказала я. Мне показалось, за деревянными панелями кто-то фыркнул. Гаудани вновь потянулся ко мне. Я скептически посмотрела на него:

— Ренци, послушай, может быть, повременим до свадьбы... во дворце куча народу... и... и Козимо приехал... — я отползала все дальше и уже практически висела на самом краю.

— Раньше тебе это не мешало, — заметил он, наклоняясь надо мной, его губы потянулись к моим, и я, откидываясь все дальше и дальше, в какой-то момент, потеряв равновесие, все-таки свалилась с кровати.

— Милая, ты не ушиблась? — забеспокоился Лоренцио, вскакивая и подбегая ко мне.

— Ушиблась, — рявкнула я, проклиная и его, и Кариссу на чем свет стоит. Тоже мне, герои-любовники. Пора заканчивать этот фарс. В конце концов, если мне не поверят, обвиню в помешательстве д'ореза и останусь богатой вдовой. Д'орез тем временем помог мне подняться.

— Любимая, как мне искупить свою вину? — в его голосе слышалось искреннее раскаяние. Я поняла, что он действительно любит Кариссу, и почувствовала себя мошенницей. Мужчина смотрел на меня так, что я не могла дальше обманывать его.

— Помоги мне вернуться домой, — решила я.

— Что? — Гаудани беспомощно посмотрел на меня, обожание на его лице сменилось страхом, — Ты ... ты не любишь меня больше и хочешь вернуться в Риччионе? Это из-за Алайстера?

Я закатила глаза, и этот знает о Рое!

— Нет, он здесь ни при чем, Вернее, конечно, он в курсе происходящего, как и его кузен, — я выдохнула, собираясь с мыслями, — Просто я не Карисса.

— Что? — он недоверчиво смотрел на меня.

— Я не Карисса, — повторила я. Продолжить мне не дали: одна из панелей, которыми были украшены стены, с душераздирающим скрипом отъехала в сторону, и в проеме возник граф Алайстер, за его плечом ухмылялся принц Риччионе. Взгляды обоих не предвещали ничего хорошего.

— Лоренцио, какая неожиданная встреча! — практически оскалился Рой. Д'орез недоуменно приподнял брови:

— Алайстер, что ты здесь делаешь?

— Что ты здесь делаешь? — прошипел граф, надвигаясь на него.

— Делрой, потерпевшая сторона здесь я! — напомнил Козимо, пытаюсь закрыть панель, — Вот Бездна! Заело! Петли хоть иногда надо смазывать!

— Оставь так, я потом закрою, — отмахнулся его кузен, не спуская глаз с Гаудани. Тот выглядел ошарашенным.

— Ничего не понимаю! — наконец сказал он, — Объясните, что происходит!

— Прежде всего, нам бы хотелось услышать объяснения от вас, Лоренцио, — жестко сказал принц, — Как я понимаю, это — не первый визит в спальню моей сестры?

Тот потупился, затем вскинул голову:

— Какая вам уже разница! Завтра состоится наша свадьба!

— Разница, безусловно, есть... Особенно в том, что происходило под

крышей моего замка!

— Козимо, я уже говорил, что мы с вашей сестрой любим друг друга, и если мы слегка гм... увлеклись, — Лоренцио смутился, поскольку при этих словах принц насмешливо приподнял едва заметные брови, — так вот. Если мы увлеклись, то завтрашняя церемония лишь подтвердит те клятвы, которые мы дали друг другу уже давно!

— Искренне надеюсь на это, — саркастически отозвался Козимо.

— Думаю, мы опустим диспут по этому поводу, — Рой перебил кузена, — Как Лоренцио правильно заметил, завтра свадьба, так что поднимать шум по поводу поведения твоей сестры уже поздно.

— Никогда не поздно поднять шум, — глубокомысленно заметил Козимо, садясь на стул и закидывая ногу на ногу, — Так, глядишь, и приданого отдавать меньше.

Я невольно напряглась и внимательно посмотрела на принца. Он казался совершенно спокойным. Рой хмыкнул:

— Козимо, договор подписан, и брак, как только что выяснилось, подтвержден, осталось лишь в храме произнести брачные обеты.

— Жаль. Но я попробовал, — он улыбнулся. Как всегда, глаза остались холодными. Я внимательно посмотрела на него, вспомнив подслушанный мной разговор в библиотеке. Лоренцио с видимым волнением прошелся по комнате, взглянул на все еще приоткрытую панель.

— Но я не понимаю, почему я не знал, что сюда ведет тайный ход!

— Потому что слишком был занят, пыжась от гордости при вступлении в должность? — предположил Алайстер.

— Или увлечен гр... гм... глазами моей сестры? — в унисон ему ответил Козимо.

— Козимо, послушайте, я действительно виноват, но, уверяю вас, у меня были самые честные намерения! — запротестовал Гаудани, — И если бы вы не дали согласия, я бы просто увез Кариссу!

При упоминании о честных намерениях принц закатил глаза и обратился к ухмыляющемуся Рою:

— Ты не мог выбрать бóльшего идиота в качестве мужа для моей сестры?

— Я? — почти весело отозвался тот, — А я-то тут при чем? По мне, так Карисса сама сделала свой выбор. А что может быть благороднее, чем помогать влюбленным?

Но его глаза не смеялись. Я заметила, что там была какая-то мрачная тоска.

— Что бы ни случилось — ищи Алайстера! — отпарировал Козимо и

вновь повернулся к Гаудани, — Что ж... раз уж все разрешилось, то прошу вас, д'орез, соблюдая остатки приличий, покинуть спальню моей сестры.

Гаудани послушно направился к дверям.

— Идиот! — прошипел граф, — Там же слуги!

Тот смутился и повернул к балкону. Уже почти ступив на него, он остановился и внимательно посмотрел на кузенов.

— Послушайте! — воскликнул он, — А зачем вы следили за комнатой?!

Те переглянулись. Принц вздохнул:

— Ладно, все равно до него рано или поздно дойдет! Дело в том, что были попытки помешать вашей свадьбе.

— Какие попытки? — д'орез наморщил лоб.

— Кариссу несколько раз пытались убить, — голос Роя звучал сухо, — Поскольку в Лаччио очень недовольны союзом наших государств.

— Что?! — Гаудани подскочил, затем повернулся ко мне, словно желая убедиться, что его любовь цела и невредима, — Почему вы не сказали мне об этом?

— Потому что боялись огласки, — жестко сказал Алайстер, — Да и это — не Карисса!

— Как? — д'орез подошел ко мне и внимательно всмотрелся. Я грустно улыбнулась и кивнула. Его глаза расширились от удивления, — Не может быть... такое потрясающее сходство...

— Лоренцио, открою небольшой секрет: в темноте женщины вообще очень похожи друг на друга, — проинформировал Рой, — Особенно если сгораешь от желания и не ожидаешь подмены.

Лоренцио слегка покраснел, затем встрепенулся:

— А где Карисса? Она в порядке?

— Судя по всему, они ее спрятали, — успокоила я его, — Скорее всего, где-то неподалеку.

Алайстер усмехнулся:

— Да, в доме моей матери. Как ты догадалась?

Я пожала плечами:

— Это было не сложно. Вы даже не искали её.

— Да, об этом мы не подумали, — внезапно он нахмурился и посмотрел на Козимо, — Ты чувствуешь?

Тот слегка прикрыл глаза, точно вслушиваясь, затем вскочил на ноги:

— Портал!

Теперь уже и мы все услышали гудение, всегда сопровождавшее появление портала.

— Лоренцио, заклинание щита! — Рой сдернул меня с кровати, отшвырнул попавшегося на пути Козимо, протащил за руку через комнату и буквально закинул в потайной ход, рванув панель так, что она чуть не отлетела. Ход закрылся, но неплотно, осталась лишь небольшая щель, через которую мне кое-как была видна часть комнаты, где уже разливалось радужное свечение. Оно разрасталось, становилось все ярче.

Я заметила, как напрягся Рой, как Козимо, вскочив, аккуратно обходил открывающийся портал, чтобы зайти с другой стороны. Гаудани мне почти не было видно. Судя по подрагивающей тени, он стоял чуть позади, ожидая распоряжений Алайстера.

Портал открылся, темный силуэт шагнул в комнату и тут же упал, словно его подкосило. Я заметила, что за секунду до этого Рой выбросил вперед руку, наверняка используя какую-нибудь защитную магию.

Послышалась сдавленная ругань, фигура на полу дернулась пару раз и затихла. Козимо подошел ближе, откинул капюшон пленника и присвистнул:

— Джованио? Вот уж кого не ожидал тут увидеть. Не могу сказать, что рад встрече.

— Что здесь происходит? — тот приподнял голову, с удивлением рассматривая мужчин, окруживших его. Я ахнула, наконец узнав тот голос, который слышала в библиотеке, — Где я?

— В покоях принцессы Кариссы, невесты д'ореза Лагомбардии, — голос Роя звучал очень сухо, — Хотелось бы узнать, зачем вы здесь очутились?

— Я торопился на свадьбу племянницы!

— Поэтому решили попасть к ней в спальню, чтобы первым поздравить с бракосочетанием, а заодно подтвердить достоверность брака? — хмыкнул граф, — Так вы днем ошиблись. Надо было либо раньше месяца на полтора, либо уже завтра.

— Позвольте мне самому разбираться, когда и с чем поздравлять Кариссу, — процедил тот, — Кстати, а где она?

— В безопасном месте. Где вы до нее не доберетесь. Козимо, ты сам общешься своего дядю, или это сделать мне?

Принц вздрогнул, очнувшись от раздумий:

— А? Обыскивай.

Граф пожал плечами и принялся за дело, руками медленно водя вдоль тела поверженного врага.

— Чисто, — он недовольно нахмурился и отошел, взглянул на Гаудани, — Лоренцио, да убери ты этот щит! Тем более так его никто не

ставит, это позапрошлый век!

— Ты всегда недолюбливал меня, Алайстер! — торопливо заговорил Джованио, приподнимаясь, насколько это позволяли магические путы, — С тех пор, как я в детстве высек тебя! Вот уж не думал, что ты будешь ждать так долго, чтобы отомстить!

Рой презрительно фыркнул. Козимо вздохнул и отвел кузена в сторону. Поскольку он подвел его к панелям, мне, в отличие от пленника, было прекрасно все слышно:

— Делрой, что будем делать?

— В смысле?

— Оружия нет. Он, конечно, сознается под пытками, сам понимаешь, но...

— Но будет ли это достаточным доказательством для остальных?

— Может возникнуть недовольство, он все-таки принц крови.

— И этим наверняка воспользуются Пастыри в Лаччио, для того, чтобы обвинить тебя, как они это сделали с твоим отцом, только на этот раз им охотнее поверят — слишком уж много смертей за короткий срок, — Рой обеими руками взъерошил волосы, — Бездна! Хотя бы одна зацепка! Для чего все это ему?!

— Если вы выпустите меня, я расскажу, — пообещала я сдавленным голосом, последние несколько минут пытаюсь отодвинуть вновь заевшую панель.

Рой попробовал мне помочь, но безуспешно, к нему присоединился Козимо, затем Гаудани, в результате совместных усилий они окончательно сломали ее, после чего Алайстер, предупредив, чтобы я отошла, просто выбил панель магией.

— Потом починим! — отмахнулся он от робких возмущений своего д'ореза. Я вышла. И внимательно посмотрела на пленника. При виде меня он дернулся и неловко взмахнул рукой. Получилось плохо: руки сдерживали магические путы.

— Зачем вы напали на меня в клирахе? — спросила я. Он широко распахнул глаза.

— Так ты жива? — поняв, что сболтнул лишнее, Джованио побледнел и прикусил язык, но было уже поздно. Рой стремительно кинулся к нему, явно намереваясь придушить, Козимо повис на кузене:

— Делрой, даже и не смей! Его надо казнить по закону! Бездна, Гаудани, да помощи же!

Вдвоем им удалось оттащить Алайстера.

— Отпусти меня, я сейчас лично проведу допрос! — бушевал Рой, все

еще пытаюсь вырваться, — Лиза, не смей подходить к нему!

Я проигнорировала этот приказ. Джованио все еще корчился, кашляя и хватая ртом воздух, точно рыба на берегу. Правда, его глаза горели такой злобой, что я невольно вздрогнула и отступила на пару шагов назад.

— Жаль, я не убил тебя, пока ты была в замке, — прошипел дядя Козимо, — Но они так настаивали...

— Они? — Рой опять ринулся к лежащему, Козимо вместе с Гаудани еле удержали его:

— Да подожди ты! Убить всегда успеешь!

— А это что? — я вдруг заметила небольшой черный шар, размером с теннисный мячик, лежавший под столом. Он как-то странно переливался.

— Не трогай! — закричали все трое, проследив взглядом за моей рукой. Я посмотрела на них, как на идиотов:

— Я и не собиралась. Что это?

— Черный хрусталь, — Роя перестали сдерживать, и он подошел к шару. Поднимать не стал, лишь провел руками:

— Поразительная работа! Козимо, взгляни, заклинание стазиса, сплетенное с магической молнией!

Принц стал рядом с кузеном и озадаченно посмотрел на хрусталь:

— Такое возможно?

— Как видишь — да. Но посмотри, сколько для этого надо хрусталя! Интересно, откуда можно было получить столько?

— Из новой шахты, — пояснила я и под удивленными взглядами мужчин наконец рассказала о подслушанном в библиотеке разговоре. Джованио дважды пытался помешать мне, вставляя саркастические фразы об уме и памяти женщин, и Рой, не выдержав, пнул его под ребра так, что тот захрипел и замолчал, злобно посматривая на меня.

— Все-таки жаль, что я не проткнул тебя еще тогда, в клирахе! — процедил он, когда я закончила, граф задумчиво посмотрел сторону пленника, явно желая крови, но принц остановил его:

— Перестань, он уже никуда не денется. За измену в Риччионе полагается смертная казнь через колесование. Возможно, я буду гуманен и заменю обезглавливанием.

— Это еще надо доказать, племянничек! — фыркнул Джованио, — Пока что, кроме слов этой... принцессы, у вас ничего нет!

— Слова легко проверить, — Рой пожал плечами, — Стоит всего лишь проверить острова, которые перечислены в договоре.

— Вы не успеете это сделать, — пленник злобно усмехнулся. Мне

показалось, что в комнате стало светлее.

— Рой! — воскликнула я, кивая на шар. Тот переливался все ярче и ярче, сила, заключенная в него, пульсировала, стремясь разорвать сдерживающую ее хрустальную сферу. Золотистые сполохи так и плясали по стенам.

— Да, он сейчас взорвется, и все, кто находится в этом крыле дворца, погибнут, — захихикал пленник.

— Идиот, ты тоже погибнешь! — в сердцах воскликнул Козимо, Джовани лишь ухмыльнулся в ответ, всем своим видом показывая, что готов к смерти.

Рой действовал, почти не раздумывая: взмах руки, открывающий портал под шаром. Прежде, чем шар упал туда, и все погасло, мы услышали удивленный возглас.

В комнате вновь наступила тишина.

— И куда ты его направил? — подал голос Гаудани. Граф ухмыльнулся:

— В Лаччио. Аккурат в спальню. Давно хотел сменить Истинного Пастыря, а тут такая возможность!

Я вздрогнула, Козимо посмотрел на него с опаской:

— Ты никогда не отличался милосердием, но не кажется ли тебе, мой дорогой кузен, что твоя кровожадность сегодня вечером перешла границы? Думаешь, Пастыри стерпят такое оскорбление?

— Думаю, они очень долго будут гадать, кто это сделал, — достаточно беспечно отозвался Рой, — потому что именно их магия и была в шаре.

— Как ты узнал? — почти благоговейно прошептал Гаудани.

— Только эти идиоты обязательно добавляют во все заклятия «божественное сияние» — граф щелкнул пальцами, и по стенам пробежали золотистые сполохи, — Как прославление создателя... ну вот и прославят... не все ж в молитвах.

— Ты будешь гореть в аду! — Джованио приполнялся, насколько это было возможно, и плюнул во врага. Попал к себе на плащ. Гаудани фыркнул. Алайстер сделал вид, что не заметил.

— Уже рассвет, — Козимо взглянул в окно на стремительно светлеющее небо и с трудом подавил зевок, затем с каким-то омерзением посмотрел пленника, — надо распорядиться отвести его в тюрьму и хотя бы часик вздремнуть, сегодня же опять придется пить!

Он направился к двери, оглянулся:

— Гаудани, вы со мной?

— А? — тот тоже зевнул, — Куда? Пить?

— Нет, идиот, отдыхать! Сегодня состоится ваша свадьба, после чего мы, к несчастью, станем родственниками!

— Уверяю вас, для меня честь стать мужем вашей сестры, — заученно отозвался он.

— А для меня — нет! — отрезал принц, подхватывая будущего шурина под руку и выводя из комнаты. Остановился на пороге, обернулся, — Рой, спасибо...

Они вышли. Мы остались стоять и смотреть друг на друга.

— Вот и все, — наконец сказал он, — Все закончено.

— Поздравляю, — я прошлась по комнате и стала у окна. Стены дворца еще были темные, лишь крыша золотилась первыми лучами солнца. Я слышала, как Рой подходит к пленнику, поняла, что наклоняется к нему, чтобы опутать очередным заклятием. Почему-то вспомнилось, как недавно он наклонялся ко мне, как его глаза светились. Он не мог быть одновременно таким нежным и таким жестоким. Он не мог послать эту хрустальную бомбу тем, кто желал убить нас. Но он это сделал. Человек своего мира, он привык отвечать на удар ударом. Мне вновь вспомнились крики тогда, у костра, его рубашка, заляпанная кровью, междумирье... тогда он шептал мне, что любит, но потом... сегодняшняя ночь... До какого же цинизма надо дойти, чтобы стоять и смотреть на то, как меня целует Гаудани. Хотя Козимо же сказал, что Рой влюблен в Кариссу...

Права была моя мама: я всегда выбираю себе неподходящих мужчин. От этого на душе стало совсем горько.

— Лиза... — оказывается, Рой подошел и стал рядом, нерешительно протянул руки, пытаясь обнять. Они были алыми. Я вздрогнула, умом понимая, что это всего лишь причудливая игра солнечных лучей в витражах окон.

— Я изготавливал их вместе с мастером Луиджи, — он перехватил мой взгляд. Я прикусила губу, сдерживая слезы. Кариссе очень повезло, хоть она и выбрала другого. Тот, кто может создать такие витражи, никогда не забудет свою любовь. Рука графа легла мне на плечо, я отстранилась:

— Нет. Не надо...

Он тяжело вздохнул:

— Значит, ты все уже решила?

— Да. Я возвращаюсь.

По его лицу я видела, что он колеблется и хочет что-то возразить, попытаться уговорить меня, но он не стал этого делать. Лишь короткий кивок головы:

— Как пожелаешь.

Рой моментально отошел вглубь комнаты, еще раз посмотрел на пленника и безошибочно, в нужный момент, приоткрыл дверь, впуская стражу.

— Нижний уровень, камера с полной защитой от любой магии, и глаз не спускать, — распорядился он. В голосе не было злости или гнева. Только усталость и какая-то горечь. Стражники молча повиновались. Дверь вновь закрылась.

— Почему ты не отправил его порталом? — спросила я, стараясь разорвать эту гнетущую тишину.

— Там, где он будет ждать своей участи, не пройти порталом: древние стены покрыты хрусталем и защищают от магии, — Рой даже не взглянул на меня. Наверное, я это заслужила. — Ты хочешь присутствовать на свадьбе д'ореза?

Судорожный вздох-выдох.

— Если можно, отправь меня домой прямо сейчас...

Глава 14

Мы ехали верхом к вилле Роя. Это было его решение. И я не стала возражать, хотя и понимала, что порталом было бы быстрее, но Алайстер не стал этого делать. Он вызвался лично проводить меня, я напомнила ему про свадьбу кузины, но Рой ответил, что Гаудани впервые в жизни справится и без его подсказок. Больше мы не сказали друг другу ни слова.

В памяти остались лишь ничего не значащие фрагменты: яблочно-зеленый цвет моего платья, которое я вытянула из сундука, розовый жемчуг вышивки по подолу, золотистый мех оторочки рукавов. Напряженное лицо Роя, помогающего затянуть мне шнуровку. Блеск позолоты на деревянных рамах в галереях, которыми мы шли. Стражники, вытягивающиеся в струнку при виде графа Алайстера, полы из разноцветного ихрама. Мы вышли к пристани как раз в тот момент, когда солнце показалось из-за горизонта.

Барки из черного дерева мерно покачивались у причала. Их носы вспыхивали синеватыми искорками. Рой вскочил первым, подал мне руку, и я шагнула. Медленно прошла на середину, к скамье, на которой лежали бархатные подушки, села. Граф так и остался стоять на носу. Покачиваясь, барка медленно заскользила по каналу. Сейчас вода казалась темной и какой-то мутной. В ней все еще плавали увядшие лепестки роз. Теперь они были с коричневыми прожилками. Я опустила руку в воду, попыталась поймать хотя бы один, но они все время ускользнул от меня, просачиваясь сквозь пальцы. Без солнечных лучей, с закрытыми ставнями, с кое-где уже начавшей облезать краской дома вокруг казались мрачными. Барка подплыла к пристани. Рой выпрыгнул, помог выбраться мне. Везде: на темном дереве причала, на булыжной мостовой — валялись растоптанные лепестки роз.

Граф подвел двух коней. Бог знает, где он их взял ранним утром, но животные выглядели явно недовольными. Мы вскочили в седла, Рой посмотрела на мои руки, грустно улыбнулся и протянул свои перчатки. Они все еще хранили тепло его рук.

Копыта лошадей монотонно стучали по камням. Мы ехали бок о бок, каждый раздумывая о своем. Несколько раз я бросала быстрые взгляды на Роя, но его лицо было бесстрастным. Наконец мы выехали за городскую черту.

Здесь не было каменных домов, за день раскалявшихся от солнца.

Серебристый туман неспешно сползал с холмов, между которыми вилась дорога.

Утренняя роса прибила пыль, и я наслаждалась свежестью воздуха. Рой ничего не говорил, просто ехал рядом, напряженно смотря вперед, на желтый дом с белоснежными колоннами, стоящий на вершине холма.

Уже были видны очертания садов-террас, сбегавших со склона, кроны деревьев, подстриженных в виде правильных геометрических фигур, кованые ворота.

Рой прыгнул перед ними, открыл, но садиться в седло не стал. Я тоже спешила. Он привязал обеих лошадей к ограде. И повел меня по аллее, вдоль по краям которой росли магнолии. Их огромные бело-розовые цветы, похожие на пиалы, только начали распускаться. Запах дурманил. Мне подумалось, что эта аллея просто создана для прогулок рука об руку. Наверное, они часто гуляли здесь в Кариссой.

— Неужели они растут здесь? — спросила вдруг я. Граф повернулся:

— Они — да, как и розы, а вот огурцы не приживаются.

И снова зашагал по дорожке.

Аллея из магнолий привела еще к одним воротам, на этот раз увитым зеленым плющом. Мы вошли, прошли по лабиринту, миновали розарий, и когда мне уже стало казаться, что Рой специально водит меня кругами, наконец показался вход в дом. Массивная дверь, обитая железными полосами. На перехлесте — черные точки вкрапления хрусталя.

— Здесь никого нет, — предупредил граф, проводя рукой по двери. Скрипнув, та отворилась.

Просторный холл, гулкие шаги, эхом разлетающиеся под потолком. Мы вновь молчали. Лестница. Галерея второго этажа. Огромные полукруглые окна от пола до потолка, зеркала в тяжелых зеленых рамах, жемчужно-белые стены, как и в междумирье. Я вопросительно посмотрела на Роя, он пожал плечами:

— Когда-то хотел расписать сам.

— И что потом?

— Перехотел.

— Жаль.

— Надо сказать Боно...

— Нет... оставь так.

— Хорошо.

Вновь тишина, нарушаемая лишь звуками наших шагов. Залы, расписанные Боневенунто. Знакомая дверь. Студиолло. Рой с силой распахнул ее. Я взглянула на хозяина дома и шагнула внутрь. Здесь все

было по-прежнему: стол, книги, шкафы. Змея, кусающая себя за хвост. Ее глаза из черного хрусталя, казалось, следили за мной.

— Не передумала? — Рой стоял у стола и напряженно смотрел на меня. Я покачала головой:

— Нет. Пойми...

— Лиза, не надо ничего объяснять, — он подошел к секретеру, стоявшему у стены, отодвинул панель с ящиками и достал из-за нее шкатулку, поставил на стол, открыл, порылся и протянул мне небольшой браслет: зеленоватая цепочка, на ней три ключа-подвески.

— Мне ничего не...

— Это ключ, — перебил он, — Амулет, способный открыт любую дверь. Тебе же надо пройти сквозь иллюзию в подвале.

— Я думала...

— Нет. Я не пойду. Там холодно, а я... я не люблю холод, — положив браслет на стол, он отвернулся и подошел к окну, с какой-то ненавистью смотря на терракотовые крыши родного города, раскинувшегося в лагуне. Внезапно распахнул окна, превращая кабинет в террасу. До нас донесся мелодичный перезвон колоколов.

— Невеста идет к алтарю. Сейчас они стихнут, чтобы потом вновь зазвонить, возвещая о том, что клятвы принесены, — Рой обернулся, пристально посмотрел на меня, — Вот так все и бывает.

Наверняка он думал о Кариссе и о том, что теперь она принадлежит другому. Я поняла, что вот-вот расплачусь.

— Рой, мне действительно пора, — тихо сказала я. Он скользнул по мне безразличным взглядом и отвернулся.

— Иди, — голос звучал глухо.

— Рой...

— Иди же!

Мир вокруг дрожал, или это были слезы, стоявшие в глазах. Почти ничего не видя, я сгребла браслет и подошла к шкафу. Змея. Змея, кусающая себя за хвост, символ замкнутого цикла, символ вечности. Рывок, еще один, дверь поддалась не сразу, словно не желая меня выпускать из этого мира. Уже шагая в темноту шкафа, я услышала за спиной судорожный вздох.

Темнота в шкафу. Дверь и снова темнота. Затем над потолком вспыхнул гль'ойн.

Я поморщилась: его свет показался мне очень ярким. Знакомое подвальное помещение, с полукруглыми потолочными сводами, неоштукатуренные кирпичные стены которого были заставлены

массивными шкафами, напоминающими книжные. Потрескавшиеся и старые, теперь я знала, что за каждым из них скрывается свой мир. Мне вспомнились все эти слухи о расстрелах и пытках. Они не возникают из ничего, и в нашей истории все тоже было... Могла ли после этого я обвинять графа Алайстера. Он всего лишь защищал тех, кто ему дорог: страну, родных, возлюбленную.

Вздохнув, я побрела по холодному коридору. Иллюзия стены. Браслет с ключом сделал её полупрозрачной, я прошла сквозь нее, но на этот раз не было того ощущения прошедшей грозы. Лишь сырость. Лестница. Облупившаяся зеленая краска, полустёртые ступени. Закрытая дверь легко распахнулась, стоило только поднести браслет. Я вышла, и меня чуть не снес кто-то, бегущий по коридору. Шум, гам, шаги — работа кипела вовсю. Чувствуя себя не слишком комфортно, я машинально побрела по коридору в свой кабинет. Люди провожали меня удивленными взглядами. Кто-то даже выронил документы, и листы разлетелись по коридору. Я поднялась по лестнице, толкнула дверь.

— Привет! — голос звучал безжизненно, но никто этого не заметил: девочки, выпучив глаза, смотрели на меня, словно на призрака.

— Лииз, ты в ролевике подалась? — наконец спросила Танька, наши компьютеры стояли рядом, и мы часто обменивались информацией или раскладывали пасьянс.

— Что? — я нахмурилась.

— Ты себя в зеркало видела? — Люська открыла створку шкафа для одежды, где мы прикрепили зеркало. Я взглянула и остолбенела. Покрасневшие от слез глаза, растрепанная коса и платье, которое Рой помог мне надеть сегодня утром. Платье принцессы Риччионе, со шлейфом, вышитое розовым жемчугом. И в таком виде я бродила по коридорам нашей конторы! Хорошо, меня никто не сдал в психушку.

— Нет, задание выполняла, — пояснила я девочкам, — на киностудии.

— Ааааа! — в этом вздохе смешалось все: зависть, восторг, сочувствие. Я тем временем взяла из шкафа свой мундир, надела и, подобрав юбки, направилась к выходу.

Надо пройти всего полкоридора. Под удивленными взглядами я шла, почти чеканя шаг, с гордо расправленными плечами. Я знала, что потом придется сочинять небылицы, ссылаться на документы о неразглашении, делать намеки. Но все это потом, а сейчас... я взялась за ручку, толкнула дверь.

Круглолицая Любочка, неизменный секретарь, на этот раз была на месте. При виде меня она замерла от изумления.

— У себя? — я кивнула на вторую дверь.

— Дда, — произнесла она.

— Один?

Женщина лишь кивнула. Подметая подолом пол, я прошла приемную, стукнула костяшками пальцев и зашла, не дожидаясь разрешения.

Полковник Соколов сидел за столом и читал газету. Услышав звук открывающейся двери, он отложил газету, моргнул, приподнял очки, прищурился и вновь их надел.

— Товарищ полковник, — вытянувшись в струнку, отрапортовала я, — разрешите доложить: задание выполнено!

Конец первой части...

Июль-декабрь 2017

notes

Примечания

С разрешения автора использован отрывок из произведения Юлии Шкутовой «Кодовое имя „Морозко“»

Наша служба и опасна и трудна. Музыка: М. Минков. Слова: А. Горохов

«Мастер и Маргарита», М. А. Булгаков.